DIGITAL SOUTH CAUCASUS COLLECTION

This pdf is a file in the Digital South Caucasus Collection (DSCC), a collection in the Ancient World Digital Library (AWDL) hosted by the Institute for the Study of the Ancient World Library at New York University.

- Creator: Apakidze, J. / აფაქიძე, ჯ. / АПАКИДЗЕ, Д. Б.
- Title: ცენტრალური კოლხეთი გვიანბრინჯაო-ადრერკინის ხანაში / ЦЕНТРАЛЬНАЯ КОЛХИДА В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ-РАННЕГО ЖЕЛЕЗА
- Publication Date: 1991
- Publisher: Georgian National Academy of Sciences, GNM Archaeological Center
- Place of Publication: Tbilisi
- Collection: Digital South Caucasus Collection
- Collection ID: dscc_109f277ca8

About

The Digital South Caucasus Collection (DSCC) is a collection in the Ancient World Digital Library (AWDL), a project of the Library of the Institute for the Study of the Ancient World (ISAW) at New York University in cooperation with the Georgian National Museum and the Institute of Archaeology and Ethnography in the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia. AWDL's mission is to identify, collect, curate, and provide access to a broad range of scholarly materials relevant to the study of the ancient world. The ISAW library is responsible for curating the collection, clearing the rights as needed, preserving the digital copies in NYU's Faculty Digital Archive, creating high-quality metadata in order to maximize discoverability, and making the works accessible to the general scholarly public.

Rights

The Georgian National Museum has granted permission to the Institute for the Study of the Ancient World of New York University to publish this material electronically in the Digital South Caucasus Collection (DSCC). We are making such material available on a noncommercial basis for research and educational purposes, in an effort to expand access to thinly-held and/or out-of-print material related to the study of the ancient world to the widest possible audience. If you wish to use copyrighted material from this site for purposes beyond those in accordance with fair use (Title 17 U.S.C. Section 107), you must obtain permission from The Georgian National Museum. We respect the intellectual property rights of others. If you believe that you own the copyright to the material made available on this site, please see our takedown policy: http://dcaa.hosting.nyu.edu/dscc/takedown-notice.

Д. Б. АПАКИДЗЕ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ КОЛХИДА В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ — РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

„МЕЦНИЕРЕБА"

4966

АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИИ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ЗУГДИДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР — ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
АН ГРУЗИИ

Д. Б. АПАКИДЗЕ

5112

ЦЕНТРАЛЬНАЯ КОЛХИДА В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ— РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

ТБИЛИСИ
«МЕЦНИЕРЕБА»
1991

63.4 (2Г)
А 761

В книге на основе анализа большого археологического материала и исторических источников предпринята попытка монографического изучения материальной и духовной культуры Центральной Колхиды эпохи поздней бронзы — раннего железа.

Предназначена для специалистов-историков, студентов исторического факультета и широкого круга читателей, интересующихся историей древней Грузии.

Редактор член-корр. АН Грузии О. М. Джапаридзе

Рецензенты: канд. ист. наук Э. М. Гогадзе
канд. ист. наук Л. Н. Панцхава

2/92

А 0504000000 / М 607 (06)—91 рез. 91 © Издательство „Мецниереба“, 1991

ISBN 5—520—01164—8

ВВЕДЕНИЕ

Одной из ярких культур Кавказа эпохи поздней бронзы — раннего железа (XV—VI вв. до н. э.) является колхидская культура. В эту эпоху в жизни колхидских племен происходят заметные сдвиги как в социальных отношениях, так и в технике, и хозяйстве. Высокого развития достигает бронзовая металлургия, начинается и завершается процесс широкого освоения железа, закладываются основы златокузнечества, прочно входит в обиход гончарный круг. Распространяются новые, своеобразные погребальные обряды. Широко осваиваются как Колхидская низменность, так и предгорные области.

На VIII—VI вв. до н. э. приходится наивысший расцвет колхидской культуры эпохи поздней бронзы — раннего железа. В этот период расширяются контакты со странами Малой и Передней Азии, Северного Кавказа, Северного Причерноморья, Восточного Средиземноморья и др. Завершается процесс разложения родового патриархального строя и уже к концу VI в. до н. э. в Колхиде возникает раннеклассовое государство.

Уже более шестидесяти лет колхидская культура плодотворно изучается специалистами, которые создали ценные исследования по различным аспектам колхидской культуры. Особо следует отметить работы А. А. Иессена [97], Б. А. Куфтина [119; 120; 121], Г. К. Ниорадзе [163], Г. А. Меликишвили [138—141], Н. В. Хоштария [204—209], О. М. Джапаридзе [77—82; 86; 87], О. Д. Лордкипанидзе [126; 127; 130; 134], Т. К. Микеладзе [145—149], Д. А. Хахутайшвили [200—202], Д. Л. Коридзе [109—112], Э. М. Гогадзе [55—57], Л. Н. Панцхава [166], А. Т. Рамишвили [174; 175], Ю. Н. Воронова [31—34], М. В. Барамидзе [18], М. М. Трапша [196; 197], Ш. Г. Чартолани [211], Л. С. Сахаровой [178], Г. Т. Квирквелия [106], Г. К. Шамба [215], Н. Д. Хахутайшвили [203], А. Н. Габелия [35] и др.

Центральная область Колхиды до последнего времени оставалась сравнительно слабо исследованной. Развернувшиеся за последнее время археологические раскопки поселений, погребальных памятников, металлургических мастерских и др. дали весьма важные результаты, по-новому осветившие ряд вопросов. Особо следует отметить, что впервые на территории Колхиды и, пожалуй, всего Закавказья были открыты производственные мастерские по изготовлению различных украшений из полудрагоценных камней.

В предлагаемой работе помимо опубликованных материалов используются материалы, добытые Носири-Мухурчакой археологической экспедицией Государственного музея Грузии им. С. Н. Джанашиа при участии автора. Привлечены также материалы из археологических фондов Кутаисского государственного музея, Зугдидского исторического музея, Гальского историко-этнографического музея, краеведческих музеев Мартвили, Чхороцху, Поти, Ланчхути, Озургети и Государственного музея Грузии им. С. Н. Джанашиа. В работе использованы сведения ассирийских, урартских, греческих и римских исторических источников и этнографические данные.

В книге впервые исследован ряд новых памятников эпохи поздней бронзы — раннего железа: Очхомурское поселение-производство (раскопки 1984—1988 гг.), погребальные комплексы Уреки, Налепсао, Нахунао, Ведидкари-Махати (Начкадури), Ленчеха и Гурдземы, металлургические мастерские Ленчеха, Нахунао и Киция и 11 новых кладов; выделены новые, крупные и малые, очаги металлургического производства; освещен вопрос производства в регионе бус и других украшений из цветных камней (сердолик, сардер, агат, яшма). На основе археологических и исторических источников предпринята попытка по-новому осветить социально-политическое развитие Центральной Колхиды в эпоху поздней бронзы — раннего железа; в работе уточняются и определяются датировки некоторых известных (погребение из Курзу, клад из Джвари и др.) и нововыявленных археологических памятников; составлены две карты распространения археологических памятников указанной эпохи на территории Центральной Колхиды.

Колхидская культура в своем развитии охватывает несколько хронологических эпох: среднебронзовый (XX—XVI вв. до н. э.), поздней бронзы — раннего железа (XV—VI вв. до н. э.), раннеантичный (VI — первая половина IV в. до н. э.), эллинистический (вторая половина IV—I в. до н. э.) и позднеантичный периоды [41, с. 123—126; 56, с. 65; 130; 145, с. 178—182]. В данном случае объектом исследования является культура эпохи поздней бронзы — раннего железа центрального региона Колхиды.

В эпоху поздней бронзы — раннего железа границы Колхиды значительно превосходили территорию современной Западной Грузии. По археологическим данным, на северо-западе колхидская культура распространялась до г. Сочи и его окрестностей [31, с. 57—60, рис. 26; 87, с. 46], на юго-западе — до г. Орду (Турция) [77, с. 57; 145, с. 42; 221], на востоке же в сферу влияния этой культуры входили большая часть Шида-Картли и Месхети [87, с. 47—49] (табл. I).

Историко-географический термин «Центральная Колхида» давно утвердился в специальной литературе. В значении од-

ного из регионов Колхиды эпохи поздней бронзы — раннего железа он используется в работах Т. К. Микеладзе [148, с. 4; 156, с. 22], Э. М. Гогадзе [54, с. 385; 57, с. 28], Ю. Н. Воронова [34, с. 10], Г. А. Гамкрелидзе [40, с. 7—18, 29—38], Л. Б. Джикия [91, с. 3, 7], А. Н. Габелия [35, с. 11], М. В. Барамидзе [18, с. 16] и др. Перечисленные авторы не ставили целью определение границ Центральной Колхиды эпохи поздней бронзы — раннего железа. Это понятие используется ими лишь постольку, поскольку это требуется либо при локализации и интерпретации памятников и материалов, обнаруженных в центральных районах Колхиды (Т. К. Микеладзе, Э. М. Гогадзе, Ю. Н. Воронов, А. Н. Габелия), либо при территориально-географических и археологических исследованиях отдельных «квекана», находящихся в пределах Центральной Колхиды (Г. А. Гамкрелидзе, Л. Б. Джикия). Границы же собственно Центральной Колхиды по сей день не определены.

Центральная Колхида охватывает Колхидскую низменность и предгорную полосу Западной Грузии. В географическом отношении в ее пределы входят Самурзаканская низменность и предгорье, Одиши-Гурийская низменность, Центральноодишское плато, Аджаро-Гурийское предгорье, Имеретская низменность, предгорье северной и южной Имерети [136, с. 146—189, 200—209]. Границы этих географических районов проходят: на западе — вдоль Черного моря, на северо-западе — по р. Мачара, на севере — по южной части известняковой полосы Охаккуе, Цулиши, Квира, Гауча, Мигариа, Асхи, утесов южных склонов Хвамльского массива и Накеральского хребта, на востоке — по среднему течению реки Квирила (в окрестностях современного города Зестафони), на юге—по реке Кинтриши.

На основе анализа археологических памятников эпохи поздней бронзы — раннего железа удается выделить единый крупный локальный регион, именуемый Центральной Колхидой и характеризующийся рядом особенностей, отличающих его от других областей Колхиды: 1. Ввиду благоприятных геоклиматических условий Центральная Колхида предстает в качестве основной зоны земледелия, животноводство же отступает на второй план [204, с. 211], в то время как в горной и северо-западной Колхиде ведущее место в хозяйстве отводится металлургии и животноводству [35, с. 13, 14; 86, с. 78; 87, с. 41, 46; 215, с. 8 и др.]; 2. Искусственные жилые холмы типа Гудзубе, Зуга, Зурга, Горика и др. и поселения-производства встречаются исключительно в пределах Центральной Колхиды; 3. Мастерские по изготовлению каменных бус (сердолик, агат, яшма, гагат) за пределами Центральной Колхиды в настоящее время не засвидетельствованы; 4. Ни в одном из районов Западной Грузии кроме Центральной Колхиды не засвидетельствованы факты присутствия в погребальном инвентаре

бронзовых и железных орудий труда[1] [148, с. 92]; 5. Образцы златокузнечества эпохи раннего железа встречаются только в пределах Центральной Колхиды [38, с. 12—22; 116, с. 133—136; 119, с. 172—178]; 6. Именно на территории Центральной Колхиды выявлены древнейшие образцы колхидской керамики (I слой Носирского холма) [56, с. 15—18, 51—53; 65; 57, с. 52].

На археологических памятниках Центральной Колхиды эпохи поздней бронзы — раннего железа не встречаются: 1. Бронзовые топоры-сечки и топоры с вертикальным отверстием, характерные для юго-западной Колхиды [86, с. 66; с. 97, 98; 174, с. 71—73]; 2. Бронзовые украшения следующих типов: а) браслеты цилиндрической формы с четырьмя четкими ребрами, б) биконические бусы, в) полые ножные браслеты, г) узкие пояса с изображением головки животного на пряжке, д) украшения конусовидной формы с изображением собаки или птицы на вершине. В некоторых случаях украшение имеет двойную вершину (характерно для северо-западной Колхиды) [87, с. 45, 46; 95, рис. XVII_2; 196, с. 145]; 3. Бронзовые черенковые серпы с округлым лезвием (характерны для горной Колхиды — сванской общины) [79, с. 205; 87, с. 41; 211, с. 104]; 4. Каменные ящики (встречаются только в горной Колхиде — Рача, Брильский могильник) [47, с. 131; 50, с. 268]; 5. Осуарии — кувшинные погребения (в эпоху раннего железа они встречаются только на территории северо-западной Колхиды, в Абхазии) [50, с. 269; 95, с. 58, 59; 119, с. 139, 178]; 6. Курганные погребения (выявлены только в восточной Колхиде) [55, с. 5—8].

Географической характеристики Центральной Колхиды мы коснемся ниже, при рассмотрении природно-климатических условий региона. Здесь отметим лишь, что 60—65% всей территории Центральной Колхиды приходится на низменные области и 35—40% — на предгорья. Рельеф исследуемого края характеризуется плоской или волнистой поверхностью, крайние, периферийные области (предгорье) — холмистые. Вертикальное членение здесь сравнительно высокое и объясняется эрозийным воздействием рек и временных потоков. Максимальная высота не превышает 500—600 м над уровнем моря [43, с. 122].

---

[1] Исключение составляет погребение № 5 могильника Гуадиху (северо-западная Колхида), в состав инвентаря которого входят два бронзовых сегментовидных орудия [197, с. 24, рис. 5].

ГЛАВА I

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОЛХИДЫ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ — РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

I. ПОСЕЛЕНИЯ

При исследовании социально-экономических вопросов той или иной эпохи огромное значение имеет изучение поселений соответствующего периода [2, с. 25; 115, с. 138; 171, с. 18]. Без этого любая попытка реконструкции полноценной исторической картины жизни общества обречена на неудачу.

В настоящее время более или менее хорошо изучено свыше тридцати поселений Центральной Колхиды эпохи поздней бронзы — раннего железа, засвидетельствованных как на однослойных, так и многослойных памятниках. Некоторые из них раскопаны полностью. К числу таковых относятся: Диха-Гудзубе I [120; 204] и Диха-Гудзубе II [155] в Анаклии, Носирский холм [56] и комплекс жилых холмов в Пичори [20; 21]. Частично исследованы следующие поселения: Наохваму [120; 163], Намчедури [149], Зурга-Чаладиди, I и II участки Сабажо [147], поселение в с. Кулеви, расположенное на правом берегу р. Циви, многослойное поселение, выявленное в том же селе, на правом берегу р. Хоби [151; 204; 205], Мачарское, Моквское и Тамышское поселения [35], холм в Пирвели-Гали [19], Гудзубе в с. Накаргале, Гудзубе Мамулиа в с. Эргета, Диха-Зурга [120, 158], Диха-Гудзубе I и II в Шешелети [19], Царче-Джиха [68], Жир-Суки I в с. Палури, Дида-Кирса в с. Лиа [60; 63], разведочные площадки Носири I и Носири II, Кекелури-Зуга, Начвис-Зуга [56], Абедатский Гудзубе [173], холм Курзия в с. Саэлиао [61; 151; 173], Цкемское поселение [151], Лецавское поселение, комплекс жилых холмов Намарну [66; 154; 156; 157; 158], Нацихвари [120] и Насакдреви [195], поселение на Адеишвилис-Гора и Геперидзеебис-Намосхлари в Даблагоми [40], соответствующий слой на Ахвледианебис-Гора в Вани [105; 133], Гора-Датешидзе, Гора-Барони, Гора-Парнали в Чогнари; Парнальский холм, Нацихвара в с. Баноджа, искусственные холмы Патрикети, Сакулиа и Парцханаканеви [76; 90; 91; 121; 126].

С шестидесятых годов по сегодняшний день в результате разведок и планомерных раскопок, производимых Нигурской,

Западногрузинской поисковой, Колхидской, Абхазской и Носири-Мухурчской экспедициями, материалы эпохи поздней бронзы—раннего железа были выявлены на следующих поселениях: на холмах Сагвичио, Патара-Кондза и Зургани, в местечке Начинку с. Наэсакио [64; 66] на холме Обиргуле (Самухле) [150]; на холме Геджети [56], на Гора-Ломури в с. Хорши; на холме им. Первомая, Нарвазаос-Зурга, Лехаиндраос Гогиаш Наохору I, Диха-Гудзубе и Табакури с. Бандза, Диха-Гудзубе I и II Сергиети [61], Мухурче (в местечке Чконнас-Тке и на плоском холме во дворе Сулико Гахокия), на поселении, выявленном на территории Нокалакевского хозяйства [56], крепости Джвари, Пердебис-Гора [60], на холме Куркуция с. Рике [7], в Пирвели-Гурипули, Дгваба, Цинагола-Булицихе, Ороидже, Окуне, Квемо-Квалони, Намдеу [65], на дюнных поселениях в окрестностях Пичвнари, Уреки, Поти, Гудава и Очамчире [30; 148; 175; 214], в Цихесулори, Гора, Багинети, Инашаури, Сулори, Дзулухи, Бугнари и Бзвани [128].

Перечисленные поселения давно уже введены в научный оборот, поэтому мы воздержимся от их подробного рассмотрения. Остановимся лишь на двух новых поселениях. Это поселения-производства Очхомури и Нацисквилари (Мухурча), исследуемые Носири-Мухурчской археологической экспедицией при участии автора.

1. Поселение-производство Очхомури [11, с. 60—68; 13, с. 657—659; 54, с. 385—387] расположено в с. Очхомури Чхороцкуского района, на правобережной террасе одноименной реки, примерно в одном километре от места слияния рек Очхомури и Хоби (табл. II). Упомянутая терраса находится на расстоянии около ста метров от современного побережья реки Очхомури, на высоте 30 м от уровня реки и 110 м над уровнем моря. Поверхность террасы, на которой расположено поселение, представляет собой плоскую равнину (табл. IV).

В мае 1983 г. во время земляных работ на территории поселения-производства случайно был обнаружен клад, состоящий из колхидских бронзовых предметов эпохи поздней бронзы — раннего железа. Это открытие привлекло внимание ученых, и через год после находки клада (1984 г.) в Очхомури развернула работы Носири-Мухурчская археологическая экспедиция Государственного музея Грузии (руководитель экспедиции Э. М. Гогадзе, начальник отряда Д. Б. Апакидзе).

Поселение-производство занимает площадь более одного гектара (табл. IV). Памятник однослойный. Общая мощность слоя черновато-коричневатого цвета составляет 0,50—0,55 м. Примерно на глубине 0,85—0,90 м начинается желтый глинистый грунт. На поселении-производстве были заложены пять больших траншей и 25 шурфов (табл. IV). Раскопана терри-

тория площадью в 500 м² (раскопки 1984—1988 гг.). В настоящее время можно сказать, что характер памятника в основном определился, получена его стратиграфия, выявлен многочисленный и разнообразный археологический материал. Следует отметить, что специфика памятника требует особой осторожности, т. к. помимо всего прочего здесь подтвердилось ремесленное производство бус.

Культурный слой поселения насыщен фрагментами штукатурки, углем, различными каменными орудиями, черепками колхидской керамики, минеральным сырьем для производства бус (кварц, агат, халцедон, яшма) и многочисленными кремневыми отщепами и желваками. Культурный слой содержал бусы из халцедона, гагата и стекла, заготовки для их изготовления, камни с желобками для полировки и выемками для укрепления заготовок, бронзовый клад «литейщика», бронзовые слитки, натеки и шлаки, железные орудия, крицы, натеки и шлаки. На поселении-производстве выявились также сельскохозяйственные орудия: каменные зернотерки, жаровни или камни для «выпечки» либо «поджаривания», кремневые вставки от серпов и др.

В траншеях № 3, 4 и 5 подтвердились следы мастерских по изготовлению бус, в виде скопления каменных орудий, связанных с производством бус, отщепов, обломков и желваков минералов (кварц, агат, халцедон, яшма), местами в непотревоженном виде (in situ), иногда перемещенных и разбросанных в беспорядке. На месте траншей № 1 и № 2, возможно, располагались печи-мастерские для плавки бронзы и железа. На это указывают клад «литейщика», фрагменты керамических труб от горна и железные крицы из траншеи № 1, фрагменты керамических труб от горна, бронзовые слитки, железные шлаки и слитки, натеки из траншеи № 2. В последней были обнаружены камни с сильными следами огня, уложенные друг на друга таким образом, что оставляли впечатление остатков металлургической печи-мастерской.

Жилых построек на поселении-производстве не сохранилось. Не исключается, что каменная насыпь с примесями штукатурки и угля (длина 4,5 м, ширина — 3 м) представляет собой остатки пола какого-то помещения. Есть основания предполагать, что на территории поселения-производства имелись деревянные постройки. Об этом свидетельствуют многочисленные находки фрагментов штукатурки и угля. Сказать что-либо определенное относительно планировки мастерских и жилых построек весьма затруднительно. Заложенные на памятнике траншеи и шурфы позволяют предполагать, что мастерские и жилые помещения располагались на расстоянии от 8—10 до 16 метров друг от друга. Так, например, расстояние между траншеями № 1 и № 4 составляет 16 метров. В заложенном ме-

жду ними шурфе на расстоянии восьми метров, культурный слой не подтвердился.

Нет основания предполагать, что участки между мастерскими и жилыми постройками использовались жителями поселения под сельскохозяйственные культуры. Для этих целей вполне пригодны пространства вокруг поселения и прибрежные поймы.

Синхронные поселению-производству поселения в Очхомури засвидетельствованы еще в двух местах: в направлении SO на расстоянии около 200 м на природном холме Цацхвис-Га и в 700—800 м в том же направлении у правого берега р. Хоби. На основе данных, полученных нами в результате разведочных раскопок, можно предполагать, что обитатели этих поселений были земледельцами. При этом, на поселении, расположенном на берегу р. Хоби, наблюдаются признаки довольно масштабного железного производства.

2. Поселение-производство Нацисквилари [13; 54] расположено на левом берегу р. Абаша, в местечке Нацисквилари с. Мухурча Мартвильского района, в 40—50 м от берега реки.

Нацисквилари, так же как и Очхомурское поселение-производство, относится к памятникам открытого типа. Оно занимает территорию площадью более 1 га. На сегодняшний день на памятнике заложено шесть траншей и тридцать один шурф.

Мухурчский Нацисквилари — однослойный памятник. Общая мощность черновато-сероватого культурного слоя с сильными следами огня колеблется в пределах 0,50—0,60 м. Культурный слой расположен под дернистым слоем. Непосредственно под культурным слоем пролегает желтый глинистый слой или речной галечник. Памятник находится в лучшей сохранности по сравнению с Очхомурским поселением, т. к. сельскохозяйственные работы на его территории не проводились.

В культурном слое Нацисквилари в большом количестве представлены минеральные материалы, служащие сырьем для изготовления бус—халцедон, агат, яшма и гагатовидные минералы. Здесь же засвидетельствован абразивный материал — кварц. В большом количестве встречаются образцы заготовок и полуфабрикатов, орудия для изготовления бус (дробильные камни, желобчатые камни для полировки бус и др., особенно многочисленны орудия из белого и беловатого камня конгломеративного происхождения). В слое выявились бусы из сердолика, агата, яшмы, стекла, пасты, гагата и кремнистой породы, обломки гагата, небольшие глиняные фигурки животных, типичная для раннего железа колхидская керамика.

На Нацисквилари отсутствуют какие-либо постройки, хотя есть основания предполагать, что здесь, так же как и в Очхомури, стояли деревянные дома, о чем свидетельствуют

многочисленные фрагменты штукатурки. На некоторых из них хорошо сохранились отпечатки плетня.

* * *

Геоклиматические условия Колхидской низменности обусловили появление здесь своеобразного типа поселений. В условиях высокой влажности и болотистости жилые и подсобные помещения строились либо на специальных площадках, сложенных на уровне грунта из деревянных бревен, либо на глинистых укладках, препятствующих проникновению грунтовых вод и сырости [86, с. 69]. Глинистые укладки зафиксированы на Наохваму [56, с. 27] и других поселениях. Иногда площадь поселения значительно превышает размеры глинистой укладки. Например, поселение I слоя Носирского холма выходит за пределы глинистой укладки [56, с. 20].

Археологическими раскопками подтверждается, что жизнь на поселениях данной категории неоднократно прекращалась и возобновлялась. При повторном освоении старого поселения устраивалась новая глинистая укладка и на ней возникали новые постройки. Естественно, в этих условиях уровень каждого последующего слоя значительно повышался. Таким образом, в результате чередования культурных и стерильных слоев возникали различные по объему и высоте искусственные холмы. Подобные искусственные жилые холмы засвидетельствованы во многих районах Центральной Колхиды. Широкую известность приобрели такие памятники, как: Наохваму, Диха-Гудзубе I [120; 163; 204] и Диха-Гудзубе II [155] в Анаклии, Носири, Кекелури-Зуга, Начвис-Зуга [56], центральный Диха-Гудзубе с. Пичори [20; 23], Намчедури [149], Зурга-Чаладиди [147], Тамышское поселение [35], Абедатский Диха-Гудзубе [173], холм Курзия с. Саэлиао, поселение Цкеми [151], комплекс жилых холмов Намарну [154; 156; 157; 158], холмы Патрикети, Сакулия и Парцханаканеви [76; 90; 91; 121; 126].

Искусственные жилые холмы значительно возвышаются над современным уровнем земли и имеют эллипсообразную, овальную или округлую форму. Высота самого высокого в регионе холма — Патрикатис-Горика — 9 м [91, с. 14], самого маленького холма, выявленного на берегу р. Циви, — 0,5 м [205, с. 467]. Наибольшим по диаметру основания является центральный холм поселения Намарну — Шуамагали (160 м) [154, с. 34], наименьшим — Диха-Гудзубе Лехаиндрао (20 м) [61, с. 28]. Как уже отмечалось, подобные искусственные холмы представляют собой многослойные памятники. На них, помимо слоев эпохи поздней бронзы — раннего железа, засвидетельствованы также культурные слои раннебронзовой, среднебронзовой и античной эпох. Однако в некоторых случаях

хронологические рамки многослойного памятника ограничиваются исследуемой эпохой. К числу таковых относятся Наохваму [120; 163], Зурга-Чаладиди [147], Абедатский Гудзубе [173] и др.

Следует отметить, что в тех областях Колхидской низменности (за исключением Имеретской низменности), которые попадают в зону слабых грунтов (поселения II—IV зоны по классификации Н. А. Хоштария) [205, с. 465, 466], современная высота холмов не соответствует действительной. Ввиду понижения уровня Колхидской низменности основная часть культурных слоев этих холмов находится на глубине от 3 до 5 м от современного уровня земли, т. е. грунтовый слой, на котором возникли первые поселения, в настоящее время находится значительно ниже современной поверхности земли.

Картина расположения рвов и каналов вокруг жилых холмов Колхидской низменности на сегодняшний день не вполне ясна, т. к. объектом специальных археологических исследований они пока еще не становились. Известно, например, что Намчедурский и Наохвамский холмы были обнесены одним рвом [120, с. 167], Диха-Гудзубе I в Анаклии — двумя [120, с. 238], что рвы должны были существовать и вокруг Носирского холма и Кекелури-Зуга [56, с. 82] и т. д. Вот и все, что известно по этому поводу. Почти ничего не знаем относительно ширины и глубины рвов, их взаимосвязи с поселениями, с хозяйственными участками, ближайшими реками и пр. На сегодняшний день хорошо исследованы лишь рвы и каналы, расположенные вокруг поселений Намчедури [149, с. 21] и Намарну [67, с. 50].

Устройство рвов вокруг поселений, в силу природных условий Колхидской низменности, являлось объективной необходимостью. В результате ливней и эрозии рек примыкающая к поселениям территория превращалась в болото. Однако в том случае, когда заболоченное место соединяли со рвом, территория осушалась и, таким образом, исчезала опасность возникновения болота, собранная же во рву вода стекала в ближайшие ручьи или реки.

Во избежание заболачивания самих рвов и каналов их постоянно приходилось очищать от наносов. Об этом свидетельствуют толстые слои торфа, обнаруженные в двух колодцах пятиметровой глубины (№ 2 и № 4), расположенных во рву холма Наохваму [163, с. 333, 334]. Очевидно, уже после того, как жители покинули холм Наохваму, устье рва было повреждено, в результате чего поток воды во рву прекратился и образовалось болото.

По мнению Г. К. Григолия, одной из особенностей поселений этого рода «является то, что к каждой отдельной группе жилых холмов примыкают слегка возвышенные, обнесенные рвом хозяйственные площадки площадью до одного га, сообщающиеся с поселением посредством каналов... чем больше

поселение, тем обширнее хозяйственные площадки и тем сложнее система рвов и «каналов» [65, с. 19]. Так, например, территория между вторым и первым рвом поселения Намарну занимает 20 га [67, с. 50], что вполне соответствует требованиям столь крупного поселения, в то время как для маленьких поселений, таких, как Диха-Гудзубе Лехаиндрао, вполне хватило бы площади в 1 га.

В эпоху раннего железа на территории Колхидской низменности появляются поселения нового типа — неукрепленные поселения открытого типа, расположенные по берегам рек, недалеко от их устья.

Поселения указанного типа на территории Центральной Колхиды засвидетельствованы в шести пунктах: Мачара, Мокви, Тамыши [35, с. 5], Носири (I и II разведочные площадки) [56, с. 7—9], Чаладиди (I и II участки Сабажо) [147, с. 33—37] и Кулеви, на правом берегу р. Хоби [151, с. 28, 29]. Поселения занимают довольно обширные территории. Помимо материалов, связанных с земледелием, здесь обнаружены признаки металлургического производства. Так, например, на II участке Сабажо с. Чаладиди выявлены фрагмент керамической трубы для горна и литейная форма миниатюрного колхидского топора [147, с. 37].

В это же время в указанном регионе возникает еще один новый тип поселения — поселения-производства. Такое поселение обнаружено в с. Мухурча, на правом берегу р. Абаша, в местечке Нацискилари. Основным занятием его обитателей являлись различные отрасли ремесленного производства (бронзовая и железная металлургия, изготовление бус из полудрагоценных камней) и земледелие.

В эпоху раннего железа в приморской полосе Центральной Колхиды возникают т. н. прибрежные дюнные поселения. В результате Лазской трансгрессии, которая наступила во II в. до н. э., определенная часть прибрежной полосы Западной Грузии покрылась морской водой [147, с. 8]. Только на участке между Очамчире и Ингури за последние 40 лет в результате активного наступления моря береговая линия отступила на 4—5 м в глубь материка [75, с. 56]. Таким образом, есть основания предполагать, что часть дюнных поселений этого региона затоплена водой.

В предгорной полосе Центральной Колхиды, так же как и в низменных областях этого региона, встречаются как жилые холмы (Абедати [173, с. 138], Курзия с. Саэлиао [61, с. 24] и др.), так и поселения-производства (Очхомури), причем располагаются они как на естественных холмах и возвышенностях (Гора-Ломури в с. Хорши [56, с. 36], Дида-Кирса в Лии [60, с. 13], Гора-Датешидзе [90, с. 26; 91, с. 9] и др.), так и на горных хребтах (Лецаве) [154, с. 35].

Таким образом, в эпоху поздней бронзы — раннего железа на территории Центральной Колхиды существует пять различных типов поселений: искусственные холмы, поселения открытого типа, поселения-производства, дюнные поселения, поселения на естественных холмах и возвышенностях. Следует отметить, что все перечисленные типы поселений, кроме искусственных жилых холмов и поселений-производств, встречаются и в других областях Колхиды.

По имеющимся в наличии данным, более не менее полное представление о планировке этих памятников создается всего по двум типам из пяти. Это искусственные жилые холмы и поселения-производства. Во всех остальных случаях вопросы планировки недостаточно изучены и не дают оснований для конкретных выводов. В этом разрезе считаем целесообразным подробно остановиться на поселениях двух упомянутых типов.

Общая площадь жилых холмов Центральной Колхиды колеблется в пределах от 1500 до 3000 м². Например: Зурга с. Чаладиди — 1800 м² [147, с. 23], Наохваму — 1200 м² [120, с. 167], Носири — 2000 м² [56, с. 6], Сакулия и Копитнари — 2500—2700 м² [91, с. 9]. Надо полагать, что постройки на этих поселениях тесно примыкали друг к другу, т. к. каждая пядь искусственной насыпи, вырванной у болота, должна была высоко цениться. При этом следует обратить внимание на то обстоятельство, что площадь, отведенная под постройки, значительно уступала по размерам площади самого холма [70, с. 359].

Рвы вокруг жилых холмов, помимо того, что они служили средством против заболачивания, выполняли оборонительную функцию. Кроме рвов, поселения были обнесены частоколом с включенными в него деревянными башнями. Оборонительные системы этого типа нередко превращались в неприступную крепость. Так, например, покорить крепость одного из колхидских племен — дрилов, живших на территории Юго-Восточного Причерноморья, не удалось даже греческим войскам. По словам Ксенофонта: «... когда (эллины) не смогли взять крепость с боя, так как она была обнесена рвом и земляной насыпью, защищенной частоколом, они решили отступить» [144, с. 92]. Описанная Ксенофонтом оборонительная система (ров, земляная насыпь, частокол с включенными в него башнями) находит свое подтверждение на поселении Намчедури [149, с. 20, 21]. Центральный холм Намарну был обнесен рвом шириной до 50 метров. Расположенные вокруг центрального холма небольшие холмы были снабжены отдельными рвами шириной в 4—5 м. Глубина рвов достигала 3—4 м [67, с. 50, 51]. Жизнь на центральном холме Намарну — Шуамагали начинается в эпоху раннего железа и не прекращается вплоть до римского времени. В IV в. до н. э. на противоположном берегу большого рва возникает каменная стена толщи-

ной 1,8—2 м. Стена выстроена из рваного песчанника на известковом растворе [67, с. 51].

Вопроса планировки поселений-производств мы уже касались выше.

* * *

Начиная с эпохи ранней бронзы, дома и прочие постройки на территории Колхиды строились из древесного материала, оказавшегося наиболее практичным в условиях местного климата. Как известно, дерево хорошо переносит сырость и препятствует ее проникновению внутрь помещения. Развитию столярного дела благоприятствовало обилие лесов. В качестве строительного материала использовались дуб и каштан. Применялись также самшит, бук, ольха, граб, лавровишня и ясень [56, с. 84; 143, с. 684; 149, с. 23].

На исследованных поселениях Центральной Колхиды подтвердились остатки срубных и плетневых построек. Наиболее распространенными, очевидно, были дома типа сруба («джаргвали») и «пацха». Как известно, деревянные строения имели глиняную обмазку, на которой в случае пожара оставались отпечатки бревен и плетня. Образцы штукатурки с отпечатками древесного строительного материала в большом количестве обнаружены на поселениях-производствах Очхомури и Нацисквилари (Мухурча). Обращает на себя внимание фрагмент штукатурки с отпечатком плетня из Нацисквилари. Фрагмент обмазки с отпечатком бревна засвидетельствован во II слое Носирского холма [56, с. 77], штукатурка с отпечатками плетня встречается также на Гора-Датешидзе [90, с. 26; 126, с. 28] и др.

При освещении вопросов конструкции и строительной техники древней Колхиды исследователи обычно опираются на сведения римского автора I в. до н. э. Витрувия. И хотя описанные автором события относятся не к исследуемой эпохе, а к более позднему периоду — концу эпохи эллинизма, в специальной литературе справедливо отмечается, что «цитирование Витрувия в связи с колхидскими постройками, в том числе и с конструкциями бронзовой эпохи и определением их особенностей, в принципе, вполне допустимо. Колхидская культура довольно долго хранит древние традиции, в особенности обычаи, утвердившиеся в быту. На поселениях раннеантичной эпохи помимо керамики, сохраняющей отдельные элементы древнейших этапов эпохи бронзы, встречаются жилые и другие постройки с отдельными признаками древней строительной традиции (или еще более приближающиеся к древним строениям) (следы пожарищ)» [56, с. 78]. Здесь же хотим отметить,

что описанный Витрувием «колхидский дом» представляет собой лишь одну из моделей жилых построек Колхиды.

По описанному Витрувием «колхидскому дому» в настоящее время накопилась обширная литература. Согласно Витрувию, колхи строили прямоугольные бревенчатые дома. Бревна укладывались врубкой с остатком. Пространство между бревнами заполнялось щепками и глиной. Кровля строения постепенно сужалась кверху и принимала панцировидную или пирамидальную форму [29, с. 41, 42].

Попытки реконструкции колхидского дома на основе описаний Витрувия были предприняты Джокондо, Чезаре-Чезариано, Перро, Карло Амонти, Марини, О. Шуази, Л. З. Сумбадзе [186, с. 9—42], Д. М. Мшвениерадзе [161, табл. 49], В. С. Гагошидзе [37, с. 160, рис. 1] и Г. И. Лежава [124, табл. III] (табл. CXII, 1, 3, 4).

Наиболее приближающаяся к описанию Витрувия реконструкция «колхидского дома» принадлежит Г. И. Лежава. Точно придерживаясь текста, автор восстанавливает постройку срубного типа с конусовидным или пирамидальным перекрытием (табл. CXII, 1). Это строение имело, по-видимому, несколько этажей и одновременно выполняло роль как жилого, так и оборонительного сооружения. Вход в постройку должен был располагаться на высоте нескольких метров над уровнем земли, и попасть в нее можно было лишь посредством приставной лестницы. При этом, если учесть, что при описании поселений племен, обитавших на территории Юго-Восточного Причерноморья, греческим автором V в. до н. э. Ксенофонтом неоднократно упоминаются деревянные башни [144, с. 92, 93, 96, 103], реконструкция Г. И. Лежава выглядит вполне убедительно. Косвенным свидетельством существования в древней Колхиде деревянных башен служит также золотая подвеска, обнаруженная в Сванети, с. Хаиши (рубеж I тыс. до н. э.), изображающая колхидскую башню, выстроенную из толстых бревен врубкой без остатка [73, с. 119] (табл. CXII, 2).

Из всех известных типов поселений эпохи поздней бронзы — раннего железа более не менее достоверные данные о постройках этого времени засвидетельствованы лишь на искусственных жилых холмах. На всех других поселениях подобные свидетельства почти полностью отсутствуют.

На основе анализа сведений, содержащихся в «Анабасисе» Ксенофонта, среди построек древних колхидских жилых холмов Г. И. Лежава выделяет три основных типа: 1. Прямоугольные или ячейчатые однокомнатные бревенчатые постройки с двускатной кровлей; 2. Бревенчатые дома башенного типа; 3. Плетневые круглые и прямоугольные строения типа «лацха» [124, с. 100]. Строения первого типа отнесены к числу жилых построек; строения второго типа, по мнению авто-

ра, представляют собой жилые и оборонительные сооружения; к третьему типу относятся хозяйственные помещения.

В настоящее время следы древних строений засвидетельствованы на ряде памятников Центральной Колхиды. Так, например, следы прямоугольной бревенчатой постройки выявлены на Носирском холме [56, с. 79] (табл. CXII, 6, 7). Девятикомнатный прямоугольный бревенчатый срубной дом обнаружен на Намчедурском холме [149, с. 13, 23, табл. 82, 83]. Бревенчатый каркас Наохваму имеет ячейчатую форму [120, табл. 45, 46, рис. 40], на Диха-Гудзубе I подтвердилось восьмиугольное строение, функции которого не поддаются определению [120, с. 248]. На Тамышском поселении обнаружены постройки прямоугольного плана и полуземлянки округлой формы диаметром около 5 м [35, с. 4]. Эти находки свидетельствуют о том, что описанный Витрувием образец колхидского дома не является единственной моделью и что постройки жилых холмов характеризовались многообразием по типу и функциональному назначению. Таким образом, данные археологии полностью подтверждают теоретические выкладки Г. И. Лежава.

В специальной литературе высказано предположение, что прямоугольная бревенчатая постройка Носирского холма имела балочно-насыпное или продольно-сводчатое перекрытие [170, с. 361], круглое же в плане строение Наохваму было снабжено конической кровлей и плетневым каркасом [120, с. 173].

Разумеется, впредь до получения фактических свидетельств судить о форме перекрытий колхидских домов весьма затруднительно. Как отмечалось, по описанию Витрувия, колхидские дома имели коническую или пирамидальную кровлю. По мнению архитектора Л. З. Сумбадзе, именно этот элемент и является главным достижением строительной техники «колхидского дома» Витрувия [186, с. 39, 40]. Судя по подвеске из Хаиши, в качестве перекрытия использовалась также двускатная кровля.

Поскольку важнейшим элементом в конструкции колхидского дома считается именно техника перекрытия, надо полагать, что в соответствии с различными типами перекрытия (коническое или пирамидальное, двускатное) существовали различия в технике возведения стен (полная или неполная врубка), форме и конструкции построек. В качестве строительного материала использовались бревна и плетень. Все эти обстоятельства указывают на высокий уровень техники строительства деревянных построек в эпоху раннего железа.

2. МОГИЛЬНИКИ

На территории Центральной Колхиды обнаружено десять могильников эпохи поздней бронзы — раннего железа. Мер-

хеули [18], Палури [165], Мухурча [57; 218], Уреки, Нигвзиани [148], Суджунта [65], четыре могильника Эргета и Дгваба [154; 155; 156; 157; 158]. Отдельные погребения выявлены в Пичори [21], Курзу [109], Салхино [217] и в других местах.

Здесь нами рассматриваются неопубликованные комплексы, обнаруженные нами за последнее время (1984—85 гг.) в археологических фондах музеев г. Озургети и Мартвили.

1. Урекский могильник, исследуемый Колхидской археологической экспедицией Центра археологических исследований ИИАЭ им. И. А. Джавахишвили в 1976—1979 гг. (руководитель проф. Т. К. Микеладзе) был расположен на южной оконечности курорта Уреки (Озургетский район), на территории колхоза Цвермагала, в 200 метрах от морского побережья и занимал участки к востоку от старых дюн (табл. III). Ранее эти места использовались под песчаные карьеры, в результате чего часть территории могильника была повреждена до начала археологических раскопок. Ввиду того, что здесь была запланирована закладка новых скважин, под раскоп была взята довольно обширная площадь, охватывающая всю предполагаемую территорию могильника и непосредственно примыкающую к нему часть дюнного поселения [148, с. 6, 7].

По-видимому, полностью охватить территорию могильника все-таки не удалось. Уже по завершении археологических работ здесь имели место отдельные находки. Так, например, в 1980 г. на предполагаемой территории могильника был обнаружен бронзовый кинжал с продольным ребром вдоль лезвия (ОКМ, инв. № 1154), в 1982 г. — фрагменты кувшина с трубчатой ручкой и др. Помимо единичных предметов случайно был выявлен целый погребальный комплекс. Поскольку всего на могильнике было раскопано 69 индивидуальных погребений, мы сочли целесообразным рассматривать новооткрытый комплекс как погребение № 70 того же могильника.

Индивидуальные грунтовые погребения сконцентрированы в восточной части раскопа [148, с. 10]. Надо полагать, что новое погребение размещалось в пределах этого раскопа.

В 1979 г. при проводимых на карьере земляных работах бульдозером были выворочены различные предметы и сильно обожженные человеческие кости. Водитель Т. Мегреладзе передал обнаруженные предметы (топор, мотыга, сегментовидное орудие, кувшин с трубчатой ручкой, гагатовые и сердоликовые бусы) краеведческому музею г. Озургети. На место находки были командированы сотрудники музея, собравшие на этом же месте остальные предметы — два бронзовых умбона, бусы из сердолика, гагата и агата.

2. В с. Налепсао Мартвильского района (табл. III) во время археологических разведок сотрудниками Мартвильского краеведческого музея на приусадебном участке гражд. Джгар-

кава было обнаружено грунтовое погребение овальной формы, относящееся к эпохе раннего железа.

Инвентарь погребения Налепсао богат и разнообразен (около 250 различных предметов). Многочисленность выявленных здесь материалов и обожженных и поломанных человеческих костей указывает, по нашему мнению, на коллективное грунтовое погребение.

К сожалению, определить размеры погребения не удается. По словам директора музея Г. В. Элиава, в яме в беспорядке были разбросаны обугленные кости и археологический материал, причем все это было настолько перемешано, что выделить отдельные комплексы не представлялось возможным. В данном случае, видимо, мы имеем дело с широко распространенным в эпоху ранней бронзы на территории Центральной Колхиды обычаем вторичного захоронения усопшего путем кремации.

3. В 1969 г. в с. Лече Мартвильского района (табл. III) на территории колхозного виноградника были обнаружены бронзовые предметы. Это место было осмотрено сотрудниками Мартвильского краеведческого музея, где ими был собран подъемный материал в виде человеческих костей и археологического материала. Сказать что-либо определенное относительно типа погребения весьма затруднительно, т. к. раскопки на этом месте не проводились. На вторичное захоронение путем кремации указывают обуглившиеся, сильно фрагментированные костные останки человека. Некоторые предметы подверглись столь сильной деформации под воздействием огня, что первоначальная их форма не поддается определению.

4. В 1980 г. в с. Нахунао Мартвильского района, в местечке Напацху (табл. III) при раскопе котлована для фундамента жилого дома были обнаружены фрагменты костяка и археологический материал. Вскоре место находки было обследовано сотрудниками Мартвильского музея, в результате чего было засвидетельствовано индивидуальное грунтовое погребение с утрамбованным глиняным полом. На дне погребения были разбросаны остатки костяка и археологический материал.

5. В 1965 г. в с. Ведидкари-Махати (мест. Начкадури) (табл. III) Мартвильского района во время прокладывания траншеи случайно был обнаружен фрагмент бронзового ножа. О находке сообщили в Мартвильский музей. Позднее Г. В. Элиава на этом же месте были выявлены и другие предметы. О наличии здесь погребения свидетельствуют обугленные фрагменты человеческого костяка. Сведения относительно типа погребения отсутствуют.

6. В с. Гурдземи Мартвильского района (табл. III) во дворе семьи Харебава ребенком, во время игры, был найден колхидский бронзовый топор. Впоследствии на этом месте Г. В.

Элиава было добыто около 100 различных предметов. По его словам, это должно было быть коллективное погребение, где был совершен обряд вторичного захоронения через кремацию.

Основными типами захоронений эпохи поздней бронзы — раннего железа в Центральной Колхиде являются индивидуальные и коллективные грунтовые погребения. Индивидуальные погребения засвидетельствованы на могильниках Палури [165, с. 98], Уреки [148, с. 10—13]и Эргета № 1 [155, с. 86]. Коллективные грунтовые погребения подтвердились на могильниках Уреки, Нигвзиани [148, с. 8—10, 71, 72] и Эргета [154, с. 31—34; 155, с. 87; 156, с. 23; 157, с. 28—40; 158, с. 16]. Погребальные площадки Мухурчекого могильника отнесены к числу разновидностей коллективных грунтовых погребений [57, с. 29]. Весьма своеобразно коллективное погребение Палурского могильника: это подковообразный ров шириной в 2,8—3,5 м и глубиной 1,2—1,4 м, облицованный булыжником.

На могильниках Уреки [148, с. 8], Нигвзиани [148, с. 71], Палури [168, с. 120] и Эргета № 1 [155, с. 85] засвидетельствованы культовые площадки. При этом, на могильниках Уреки и Эргета явственно прослеживаются следы поминок, в то время как на культовых площадках Нигвзиани и Палури эти признаки не наблюдаются. Причины этих различий не вполне ясны. Возможно, в этом находят свое отражение различия между отдельными общинами Колхиды. По мнению Н. И. Окропиридзе и М. В. Барамидзе, на культовых площадках Палури «выполнялся весьма своеобразный ритуал захоронения усопшего» [165, с. 120].

На территории Центральной Колхиды в эпоху раннего железа повсеместно распространен единый погребальный обряд — вторичное захоронение при полной или частичной кремации. Этот обычай соблюдается как в индивидуальных, так и коллективных захоронениях. Обугленные разрозненные кости погребались вместе с инвентарем. Следует отметить, что в коллективных погребениях выделить отдельные комплексы не удается, т. к. предметный материал и костные остатки сильно перемешаны [148, с. 9; 167, с. 97].

Помимо полной или частичной кремации в индивидуальных грунтовых погребениях засвидетельствованы случаи ингумации. Эта картина зафиксирована в индивидуальных грунтовых погребениях Палури [18, с 21; 168, с. 98] и погребении № 1 могильника Эргета № 1 [155, с. 86].

В коллективных погребениях Налепсао, Ведидкари-Махати, Гурдземы и индивидуальных захоронениях Нахунао и Ленчеха археологический материал, как правило, сопровождался сильно обожженными фрагментами человеческого костяка. Следы огня наблюдаются и на отдельных предметах из этих погребений. Это касается и погребения № 70 Урекского мо-

гильника. По-видимому, в данном случае мы также имеем дело с обрядом вторичного захоронения.

Помимо Центральной Колхиды в эпоху раннего железа этот обряд находит распространение на территории северо-западной и северной Колхиды. Этот факт находит свое подтверждение в погребальных урнах Гагры, Петропавловска [185, с. 107] и Нижней Эшеры [95, с. 58; 119, с. 178—182], в грунтовых колодцах (погребения № 52, 52а, 53, 54а, 56а, 66а, 70—75, 76а, 77, 95) и глиняных урнах (погребения №№ 47—49, 55, 79, 90, 92, 94) могильника Красный Маяк [197, с. 149, 150], на Джантухском могильнике [214, с. 32, 33] и в Брильском склепе [50, с. 273].

Обычай вторичного захоронения на территории Колхиды, помимо археологических свидетельств, подтверждается и на основе древних письменных источников. О существовании этого обычая в Колхиде сообщают Аполлоний Родосский, Николай Дамасский, Клавдий Эллиан и др. [16, с. 122; 102].

3. КЛАДЫ

Одно из ведущих мест среди археологических памятников колхидской культуры занимают клады, состоящие из различных бронзовых предметов и бронзовых слитков. До выявления могильников они являлись фактически единственным источником для исследования колхидских орудий, т. к. содержали в себе все характерные для данной культуры виды орудий труда [32; 39; 78; 80; 81; 90; 91; 97; 98; 110; 174; 176; 178; 181; 209].

Как правило, это случайные находки. В настоящее время их число достигает 120, из коих 57 кладов Центральной Колхиды. Таковыми являются клады из Зенити (3 различных коллекции), Кобулети (Пичвнари), Цхаврока, Мелекедури, Багдади, Вакиджвари, Макванети, Хеви, Уреки (6 коллекций), Шрома, Гутури, Гоголеисубани, Диди-Вани, Бзвани, Гора, Дими, Опшквити, Парцханаканеви (2 коллекции), Земо-Симонети, Дгнориса (2 коллекции), Оджола, Носири (2 коллекции), Хета Оруле, Лесичине, Курзу, Цаленджиха, Джвари, Махариа, Тагилони, Чубурхинджи, Саберио, Гали (3 коллекции) и Очамчире [32; 78; 90; 91; 110; 116; 174; 163; 176; 196; 209].

В фондах музеев Западной Грузии в 1980—1983 гг. нами были выявлены и изучены одиннадцать новых кладов, обнаруженных в Гали, Лекумхара (Пирвели-Гали), Речхи, Мужава, Эчачуе, Квибиа, Рачха, Диди-Чкони, Нога, Ахути и Очхомури [9, с. 42—47; 10, с. 653—656; 11, с. 60, 62—65; 12, с. 98—100; 14, с. 48—50; 216, с. 52—54].

В большинстве случаев клады захоронены в керамических, реже металлических сосудах, хотя порой предметы помещены в землю без какого-либо сосуда. Возможно, в данном случае они были завернуты в шкуру, которая со временем полностью разложилась. Основой для подобного предположения может служить то обстоятельство, что в некоторых случаях на колхидских могильниках эпохи раннего железа сопровождающий инвентарь был завернут в шкуры или какую-либо ткань [148, с. 15, 16]. Таким образом, есть основания предполагать, что способ, применяемый в случае захоронения с принадлежащими усопшему бронзовыми и железными предметами и личными украшениями, вполне мог быть использован для закапывания клада.

Бронзовые клады, по мнению одной части авторов, являются «кладами литейщиков» [84, с. 142]. По мнению других, накопление кладов является проявлением определенной социально-экономической тенденции и стремления к накоплению богатства, поэтому они представляют собой «клады торговцев» [39, с. 83; 125, с. 107; 134, с. 66; 145, с. 155, 156; 174, с. 113, 114; 181, с. 41, 42; 203, с. 81]. Мы разделяем мнение исследователей, согласно которому бронзовые клады являются собственностью «литейщиков» и в первую очередь связаны с металлургическим производством. В том случае, если бы основным назначением кладов являлось накопление богатства, в состав их инвентаря должны были бы войти не устаревшие и вышедшие из употребления, а неповрежденные предметы, представляющие определенную ценность. С другой стороны, знаменательно, что в большинстве случаев в состав инвентаря клада входят металлические слитки. Зафиксирован случай, когда клад состоит исключительно из предметов данной категории, которые предназначены в первую очередь для переплавки[1].

4. ХАРАКТЕРИСТИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

За основу для предлагаемой работы взяты классификации О. М. Джапаридзе для бронзовых топоров [77, с. 43—72; 82, с. 284, 285], Д. Л. Коридзе — для бронзовых мотыг, сегментови-

---

[1] Однако надо отметить, что не все бронзовые клады колхидской культуры можно считать «кладами литейщиков». Например, в северной Колхиде (Окуреши, Никорцминда) обнаружены клады, в состав которых входят предметы исключительно хорошей сохранности и которые являются образцами художественного ремесла колхидской культуры. Но в Центральной Колхиде мы не знаем ни одного клада, который содержал бы гравированные бронзовые предметы. В состав этих кладов в основном входят бронзовые хозяйственные орудия (в большинстве случаев поврежденные) и слитки.

дных орудий, цалди и плоских топоров [110, с. 60—97; 111, с. 6—10]; Т. К. Микеладзе и Э. М. Гогадзе — для керамического материала [56, с. 51—58; 145, с. 49—57, табл. XXIV]. Попытки разработки классификации для бронзового и железного оружия данного региона (кинжалы, наконечники копий, наконечники стрел, гарпуны, умбоны), для предметов, связанных с одеждой и туалетом (булавки, пояса, пряжки, крючки, пинцеты, шейные гривны, браслеты, кольца, бронзовые колокольчики, цепочки, бусы и подвески из полудрагоценных камней, малая пластика из бронзы и глины) предприняты в работах Н. И. Окропиридзе, М. В. Барамидзе [165, с. 104—110], Э. М. Гогадзе [57, с. 30, рис. 1], Т. К. Микеладзе [148, с. 30—59, 78—85] и Г. В. Элиава [218]. Подробно касается этих вопросов Т. К. Микеладзе. Предложенная автором классификация представляется нам наиболее надежной. Классификация для наконечников копий эпохи поздней бронзы — раннего железа разработана Л. С. Сахаровой [180, с. 87—94, рис. 3, 4], для кинжалов с пламьевидным клинком — Д. Л. Коридзе [112, с. 34—50] и для фибул — Ю. Н. Вороновым [33, с. 29—33].

На археологических памятниках Центральной Колхиды кроме топоров с вертикальным отверстием и топоров-сечек засвидетельствованы все существующие типы бронзового орудия. Бронзовые колхидские топоры и хозяйственные орудия (мотыги, сегментные орудия, серпы, цалди, плоские топоры) в большом количестве зафиксированы в составах кладов из Зенити (2 различных клада), Уреки (6 кладов), Шрома, Мелекедури, Вакиджвари, Макванети, Хеви, Гутури, Диди-Вани, Дими, Гора, Опшквити, Махариа, Тагилони, Лесичине, Оджола, Джвари, Дгнориса (2 клада), Парцханаканеви, Бзвани, Курзу, Хета, Оруле, Саберио, Гали (3 клада), Лекумхара (Пирвели-Гали), Речхи, Мужава, Рачха, Эчачуе, Квибиа, Диди-Чкони, Нога, Ахути и Очхомури [9, с. 42—47; 10, с. 653—656; 11, с. 60, 62—65; 12, с. 98—100; 14, с. 48; 32, с. 264; 78, с. 109—121; 90, с. 29; 91, с. 12, 13; 97, с. 124—126; 110, с. 14, 15, 23, 28, 32, 38, 40, 43—46, 48; 174, с. 20—33; 176, с. 15—21; 196, с. 169—174; 209, с. 150, 151]. В нескольких случаях в состав клада входят предметы туалета и украшения из бронзы, золота, латуни и серебра, в том числе и сердоликовые бусы (Носири, Парцханаканеви, Чубурхинджи и Джвари) [6, с. 61; 38, с. 12—22; 116, с. 133—135; 119, с. 172—178]. Клад, состоящий исключительно из сардеровых бус, обнаружен в Нагвазао [53, с. 49, 50].

На могильниках VIII—VI вв. до н. э. (Уреки, Нигвзиани, Пазури, Мухурча, Эргета (четыре могильника), Дгваба) и в отдельных погребальных комплексах (индивидуальное погребение № 70 Урекского могильника, коллективное грунтовое погребение Пичори и др.) [21, с. 43, 44; 57, с. 33—39; 154, с. 31—34; 156, с. 22—24; 157, с. 38—40; 158, с. 15, 16; 165, с. 97—

123] наряду с бронзовым боевым оружием и орудиями труда в большом количестве появляются их железные копии: колхидские топоры, мотыги, «сегменты», черенковые наконечники стрел, плоские топоры и др. Здесь же находятся предметы туалета из бронзы и железа, сердоликовые, сардеровые и гагатовые бусы. Реже встречаются украшения из золота, латуни и серебра, как, например, в грунтовых погребениях № 5 и № 6 Эргетского могильника [157, с. 39].

Наиболее многочисленную группу предметов древних поселений Центральной Колхиды составляет керамический материал, представленный почти всеми типами керамической посуды (корчаги, банки, кувшины, миски и др.). На последнем этапе бронзовой колхидской культуры появляются также пифосы. В культурных слоях памятников этого рода в большом количестве встречаются ладьевидные зернотерки, терки, песты и т. п. Кремневые изделия представлены вставками для серпов, черенковыми и простыми наконечниками стрел и черенковыми наконечниками копий. Случаи находок бронзовых и железных орудий довольно редки. На поселениях часто встречаются предметы, связанные с металлургическим производством (литейные формы, шлаки, натеки). Наиболее ранние для исследуемого периода бронзовые предметы обнаружены в III слое Носирского холма. Это два бронзовых плоских топора, фрагментированный продолговатый кинжал, небольшой резец и сферическая буса. Здесь же засвидетельствованы предметы, связанные с металлическим производством: обломок маленькой литейной формы и литки [56, с. 67, 68]. Среди памятников эпохи раннего железа заслуживает внимания поселение-производство Очхомури, где в культурном слое был выявлен клад, состоящий из бронзовых предметов и слитков [11, с. 60, табл. 1]. В III слое Наохваму были обнаружены бронзовые и железные наконечники копий и бронзовые булавки [120, табл. 52—54, рис. 43, 1—8]. Можно было бы привести множество подобных примеров, однако в данном случае мы решили ограничиться перечисленными материалами.

Сравнительно хорошо изучены и опубликованы материалы поселений холма Наохваму, Диха-Гудзубе I в Анаклии, Нацихвари[120, с. 149—257, табл. 45—69] и Насакдреви [195, с. 75—77) в Даблагоми, Носирского холма, Кекелури-Зуга, Начвис-Зуга [56], Зурга-Чаладиди, I и II участков Сабажо [147, с. 21—42, табл. I—X], Гудзубе-Абедати [173, с. 137—144, табл. I—V], Ахведианис-Гора в Вани (слои VIII—VII вв. до н. э.) [105, с. 8, 37; 133, с. 16], поселений на Адеишвилис-Гора и Геперидзеебис-Намосахлари [40, с. 45—51, рис. 12, 13], Датешидзис-Гора, Нацихвара и Насаджвареби с. Баноджи, холмов Патрикети, Сакулиа и Парцханаканеви [90, с. 9; 91, с. 13—15; 179 , с. 88—92].

Как отмечалось, наиболее многочисленную группу среди общего числа материалов составляет керамика. Изучению керамического материала с перечисленных памятников посвящены исследования Б. А. Куфтина (Наохваму, Диха-Гудзубе I, Нацихвари) [120], Э. М. Гогадзе (Носири, Кекелури и Начвис-Зуга) [56], Т. К. Микеладзе (Зурга-Чаладиди, I и II участки Сабажо) [147], Г. А. Гамкрелидзе (Адеишвилебис-Гора, Геперидзеебис-Намосахлари) [40], Г. Г. Пхакадзе (Гудзебе-Абедати) [173], Л. С. Сахаровой (поселения Кутаиси и его окрестностей) [179] и Л. Б. Джикия [91].

Материалы металлургических мастерских из ущелья Хоби-Очхомури опубликованы Д. А. Хахутайшвили [202, с. 164—178, рис. 56—62].

Материалы вышеназванных памятников Центральной Колхиды в настоящее время уже введены в научный оборот, поэтому здесь мы остановимся в основном на нововыявленных памятниках, описании соответствующего материала и его типологической классификации.

Поселения-производства

а) Глиняная посуда. Данная категория археологических предметов составляет наиболее многочисленную группу среди материалов поселений-производств Очхомури и Нацисквилари. С самого начала хотим отметить, что по технологии, составу и орнаментации керамический материал на обоих памятниках почти полностью однороден.

Выявленные на поселениях сосуды преимущественно тонкостенные, хотя в ряде случаев встречается посуда крупного размера, толщина стенок которой достигает 1,0—1,3 см. В основном это керамика сероватого, черновато-коричневатого или соломенного цвета. Встречаются также сосуды черного и кирпичного цвета. Черепок тонкозернистый с примесями кварца и слюды. Сосуды изготовлены на гончарном круге. Изредка встречаются сосуды ручной лепки.

Материал фрагментирован, и восстановить формы сосудов не представляется возможным. Среди них удается выделить посуду различного назначения. Засвидетельствованы сосуды крупного, среднего и небольшого размера.

Посуда крупных размеров. Пифообразные сосуды. Посуда данной категории характеризуется более-менее раскрытым венчиком (табл. VIII, 1—4; XIV, 9; LXVII, 1—5). Среди них попадаются пифосы с утолщенным краем венчика, украшенным вдавленным сетчатым орнаментом и желобчатым горлышком (табл. X; LXXI, 1), сосуды с утолщенным краем венчика, украшенным косыми желобками (табл. LXXI, 3) и сосуды с аналогичным краем венчика и витым рельефным орнаментом (табл. LXXI, 4).

Корчаговидные сосуды. Предметы этого ряда характеризуются более-менее раскрытым венчиком. В большинстве случаев венчик широко раскрыт. В этой группе объединены сосуды с уплощенным (табл. VII, 6; XIV, 10) и округлым (табл. VII, 2, 5; LXVII, 1, 2; LXIX, 1, 2, 3, 5, 6) краем венчика. Поверхность округлого края, как правило, гладкая. Горлышко часто украшено желобками, концентрическими полосками или елочным орнаментом (табл. VII, 6; VII, 5). Уплощенные края обычно оформлены глубокими насечками. Плечико таких сосудов украшено сетчатым орнаментом (табл. X, 1—4; LXXI, 1).

Амфоры. На поселении-производстве Очхомури обнаружено донышко амфоры кирпичного цвета с округлым днищем. На Нацисквилари выявились три донышка, причем одно из них круглое, два остальных — плоские (табл. LXXVI, 5—7).

Посуда средних размеров. Банки. Это наиболее многочисленная группа среди сосудов среднего размера. Они характеризуются широко раскрытым венчиком. Горлышко и плечики украшены концентрическими желобками (табл. XI, 1—7; XIII, 1, 6, 8; XV, 1—12; LXVIII, 3, 4, 7; LXXII). Одна часть банок имеет раскрытый венчик с округлым краем. Плечики и горлышки этих сосудов также украшены концентрическими желобками (табл. XI, 1—7; XIII, 1, 6, 8; LXXII, 1—8).

Сосуды небольших размеров. Кружки. Посуда данной категории составляет основную часть посуды этой группы. Она характеризуется слегка или сильно раскрытым венчиком. По-видимому, одна часть кружек имела бочковидный корпус, по шейке проходят концентрические полоски, туловo украшено узкими вертикальными каннелюрами, ушки — зооморфные (табл. XI, 8; LXX, 1, 2, 4).

Кубки. На Очхомурском поселении выявились поддоны от кубков (табл. XXIV, 1, 3, 6).

Миски. На Очхомури обнаружены фрагменты мисок с вогнутым внутрь (табл. XX, 1, 2, 4, 5) и прямым (табл. XX, 3) венчиком. На Нацисквилари засвидетельствованы миски с прямым венчиком (табл. LXXV, 3, 4).

На обоих поселениях-производствах встречается тарелкообразная посуда. Это плоские сосуды на низком поддоне (табл. XX, 7; LXXVI, 1, 2).

Фиала. На Очхомури обнаружено около десяти различных фиал. Все они характеризуются поддоном. Во всех случаях верхние части отсутствуют (табл. XXIV, 1—3, 6).

Солонки. Один такой предмет засвидетельствован на Очхомури. Имеет широкое плоское днище. Верхняя часть обломана (табл. XX, 6).

На обоих памятниках в большом количестве встречаются ушки от сосудов, среди которых удается выделить семь отдельных типов.

Тип I — ленточные или овальные в сечении ушки от крупных сосудов (кувшинов?) (табл. LXXV, 1—6). Среди них выделяются фрагменты с граненой поверхностью или с продольным желобком. Подобные ушки засвидетельствованы в обоих случаях.

Тип II — сегментовидные или полусферические в сечении ушки с круглым отверстием от сосудов средних и небольших размеров (табл. XXIII, 1—12).

Тип III — ушко от сосуда средних размеров с отверстием, снабженным плоским выступом.

Тип IV — ушко от сосуда средних размеров в форме птичьей грудки, сегментное в сечении, с круглым отверстием (табл. XXII, 5—8). К этому же типу можно отнести коленообразные ушки с утолщенной поверхностью и круглым отверстием (табл. XXII, 10—12; LXX, 11, 12).

Тип V — ушки от сосудов крупного и среднего размера, ленточные и овальные в сечении, с валикообразным налепом в верхней части (табл. XXI, 5—8; LXX, 9).

Подтип V_1 — в отдельный подтип выделилось ушко от сосуда средних размеров из Очхомури. Это овальное в сечении ушко с высоким валикообразным налепом и слегка вдавленной поверхностью, украшенной продольными насечками (табл. XXI, 9).

Подтип V_2 — к этому подтипу относятся ушки от сосудов средних и небольших размеров с седловидными валикообразными налепами и катушкообразными концами (табл. XVII, 1—7; XXI, 1—3; LXX, 1—7). На одном из ушек, на седловидном углублении, имеются насечки (табл. XIX, 5).

Тип VI — ушки от сосудов средних и небольших размеров с бородавкообразными налепами в верхней части (табл. XIX, 8—10).

Тип VII — выступы от котлообразного сосуда. Это уплощенные выступы различных размеров (табл. XXII, 1—3). Среди них встречаются выступы со слегка согнутыми концами (табл. XXI, 4).

На поселениях-производствах в большом количестве обнаружены донышки от сосудов. В основном это плоскодонные сосуды (табл. XXIV, 7—12; LXXVII). Вторую группу составляют поддоны кубкообразных сосудов (табл. XXIV, 1—6).

В большом количестве встречаются фрагменты стенок. К сожалению, форма этих сосудов не поддается реконструкции, хотя и удается отнести некоторые обломки к посуде того или иного типа. Так, например, фрагменты с толстым черепком, с широкими каннелюрами и рельефным орнаментом должны относиться к пифосам. Такие фрагменты в достаточном количестве встречаются на обоих поселениях (табл. XVI; LXXIV, 7, 8, 10).

Основная часть керамики с поселений-производств Очхомури и Нацисквилари орнаментирована. Обычно орнамент располагается в верхней части сосуда. В некоторых случаях вся поверхность сосуда оформлена широкими или узкими вертикальными каннелюрами (табл. XII, 2, 8; XVI, 2, 4—6; LXXIV, 8—10) и узкими или широкими полосками, направленными в разные стороны (табл. XVII, 12—14).

Плечико и верхняя часть тулова часто украшены вдавленным геометрическим орнаментом (концентрический, косой, волнистый, елочный, сетчатый, когтевидный) (табл. XVIII, 1—12; LXXIII, 1—5). Кроме того, как отмечалось, встречаются сосуды, украшенные тонкими линиями и широкими или узкими каннелюрами, а также с рельфным ободком, оформленным насечками. Отдельные экземпляры украшены рельефным орнаментом, направленным в разные стороны. Края сосудов с уплощенным краем венчика покрыты вдавленным сетчатым орнаментом (табл. X; LXXI, 1). На одном из сосудов край венчика утолщен, на него нанесены косые насечки, при помощи которых ему придана форма бечевки. На поверхности краев нередко встречаются когтевидные насечки (табл. LXXI, 3, 4).

б) Глиняные фигурки. На Очхомури предметы данной категории не засвидетельствованы. На Нацисквилари были обнаружены две глиняные фигурки in situ — в культурном слое между каменными орудиями (табл. LXVI).

Фигурка овцы — глиняная, красноватого обжига. Ножки короткие, в передней части выделены, нечетко соединены с грудью. Торс слегка вогнут в области поясницы, хвост короткий, остроугольный. Приподнятая головка деформирована. Высота 3,4 см, длина торса 4,6 см (табл. LXVI, 2).

Фигурка овцы — глиняная, красноватого обжига. Ножки Задние ноги и торс прямые, головка, передние конечности и хвост обломаны. Длина торса — 6,2 см; высота — 4,9 см, высота ног — 2,2 см (табл. LXVI, 1).

На Нацисквилари выявились фрагменты двух сравнительно крупных скульптур. Одна из них, подставкообразная, напоминает изображение женщины (богини), хотя более вероятно, что это схематическое изображение какого-то животного (табл. LXVI, 3).

в) Пряслица. На поселении Очхомури их обнаружено восемь. Два экземпляра добыты на Нацисквилари.

В четырех случаях пряслица из Очхомури имеют форму усеченного конуса. Три из них имеют симметрические отверстия и одно — асимметрическое. Одно пряслице имеет круглоплоскую форму и асимметрическое круглое отверстие. Два пряслица слегка овальные, с узким круглым отверстием посередине.

Следует отметить, что лишь два пряслица из Очхомури глиняные, остальные изготовлены из различных пород камня.

Пряслица в форме усеченного конуса и колеса с круглым отверстием из Нацисквилари глиняные (табл. XCVII).

г) Кремневые орудия. На поселениях-производствах Очхомури и Нацисквилари в большом количестве встречаются кремневые орудия различных типов. В первую очередь обращают на себя внимание кремневые вкладыши для серпов (табл. LVI, 9, 10; XCVI, 4—11). Для примера рассмотрим один из них. Вкладыш изготовлен из серовато-беловатого кремня, на отщепе. С одной стороны имеет восемь четких зубьев различной величины (табл. LVI, 9). Все остальные вкладыши также изготовлены на отщепе и характеризуются зубчатостью.

На обоих памятниках обнаружены заготовки для вкладышей. Например, на Очхомури выявлена заготовка розоватого цвета с белыми крапинками. Обе поверхности вкладыша отесаны, зубья едва заметны. Изготовлен на толстом пластиновидном отщепе. Часть утеряна (табл. LVI, 4).

На обоих поселениях-производствах обнаружены наконечники стрел треугольной формы с выемчатым основанием (табл. LVI, 12, 13; XCVI, 2, 3). На Очхомурском поселении-производстве обнаружены две заготовки для кремневых наконечников стрел. Оба наконечника массивные, треугольной формы. На одном из них внешняя поверхность обработана (табл. LVI, 11).

Здесь же обнаружены две заготовки для наконечников копий. На одной из них, желтоватой, с белыми крапинками, одна сторона ретуширована, вторая — необработана (табл. LVII, 12, 13). На одной из сторон второго экземпляра наблюдаются следы слабой ретуши (табл. LVII, 12).

На обоих памятниках засвидетельствованы кремневые пластины, отщепы и скребки. Здесь мы рассмотрим по одному образцу очхомурских находок.

Пластина кремневая, ретушированная, двусторонняя (табл. LVII, 1).

Скребок кремневый, желтоватого цвета, изготовлен на удлиненном пластинчатом отщепе, с двусторонним рабочим краем (табл. LVII, 7).

Отщеп кремневый, пластинообразный (табл. LVII, 11).

На Очхомури обнаружены два кремневых нуклеуса. Первый темно-коричневый, с одним основанием и поверхностными продольными сколами, овальный в сечении (табл. XLVII, 10). Второй — серовато-желтоватый, с двумя основаниями и поверхностными сколами (табл. LVII, 14).

На обоих поселениях в изобилии встречаются кремневые отщепы и желваки различного оттенка, размера и структуры.

д) Каменные орудия. Каменный инвентарь из поселений-производств Очхомури и Нацисквилари подразделяется на четыре основные группы. К первой группе относятся орудия, применяемые при изготовлении бус, ко второй группе — сель-

скохозяйственные орудия, к третьей — оселки и к четвертой — грузила.

На Нацисквилари обнаружено пять камней, используемых для полирования бус (табл. XCIII—XCV). Предлагаем описание одного из них. Это плоский камень крупного размера. С обеих сторон имеет седлообразное углубление в центральной части, поверхность желобчатая. Одна поверхность покрыта широкими косыми желобками. На другой расположены узкие прямые желобки (табл. XCV).

Один камень того же назначения обнаружен на Очхомури (табл. XLV, 1). Здесь же выявлены камни различных размеров для фиксирования обрабатываемых бус и заготовок (табл. XLIII, XLIV).

Возможно, с процессом производства бус (обработкой минералов) связаны наковальни и дробильные камни различной формы (ядровидные, грушевидные, коловидные и др.) (табл. L).

Орудия с желобками и углублениями, предназначенные для обработки бус, изготовлены в основном из галечника, реже — из песчаника. Камни с углублениями, очевидно, природного происхождения, желобчатые же, по-видимому, изготовлены специально для этих целей. Для изготовления наковален и всех видов дробилок использован галечник различных оттенков (в основном серый).

Из сельскохозяйственных орудий в первую очередь обращают на себя внимание каменные зернотерки. На обоих памятниках встречаются зернотерки небольших размеров, изготовленные из песчаника. Утолщенные концы напоминают очертания ладьи, поэтому их именуют ладьевидными (табл. LII, 1; LIII, 1). На Очхомурском поселении обнаружена крупная ладьевидная зернотерка со слегка приподнятыми концами. В отличие от остальных концы здесь не утолщаются.

На обоих памятниках засвидетельствованы круглые и кругло-плоские гальки, используемые для выпечки хлеба (или для поджаривания), ступы, терки (табл. XLVII—LI).

Третью группу каменных орудий составили точильные камни — оселки, изготовленные в основном из галечника различных оттенков (серый, черный) с гладкой полированной поверхностью.

Иногда эти предметы повторяют форму того или иного орудия. Так, например, один из точильных камней Нацисквилари имеет форму колхидского топора I типа, второй иммитирует форму миниатюрной ладьевидной зернотерки. Оселки характеризуются небольшими размерами и снабжены отверстием для подвешивания к поясу. Встречаются также оселки без отверстий. Здесь же выявились восьмеркообразные камни различных пород, используемые, по-видимому, в качестве грузил (табл. LIII, 2).

е) Третий параграф второй главы посвящается специальному исследованию выявленных на поселениях-производствах следов ремесленного производства бус. Там же рассматриваются обнаруженные на памятниках бусы, полуфабрикаты и минералы.

ж) Из обнаруженных на Очхомури металлических предметов в первую очередь следует отметить клад, обнаруженный в траншее № 1 (табл. XXV—XXXII). В состав клада входят 146 бронзовых предметов. Восемь из них—колхидские топоры I типа, два — плоские топоры I вида и двенадцать единиц — трапециевидные маленькие мотыги III вида. Здесь же обнаружено 69 единиц сегментовидных орудий. Из них 35 повреждены настолько, что не поддаются типологическому определению. Из остальных 34 предметов этого ряда два представляют собой трапециевидные «сегменты» I вида, пятнадцать единиц — «сегменты» II вида, тринадцать единиц — III вида, два серпа с двумя гвоздями, три наконечника копья с раскрытой втулкой и узким треугольным острием и 50 единиц различных по весу и форме бронзовых слитков.

В траншее № 2 Очхомурского поселения-производства обнаружены небольшой бронзовый слиток сферической формы, навершие от бронзового кинжала, железные шлаки и слитки. В шурфе № 22 выявились железный плуг и многочисленные фрагменты железных предметов. На Нацисквилари засвидетельствованы железные шлаки и слитки, а также фрагменты мелких бронзовых предметов (шила, иголки?) и «сегментов».

Погребения

а) В индивидуальном грунтовом погребении № 70 Урекского могильника обнаружены следующие предметы: колхидский топор I типа, бронзовая мотыга II вида II типа, сегментовидное бронзовое орудие II вида, два бронзовых пластинчатых умбона полусферической формы; здесь же засвидетельствован кувшин с трубчатым ушком, сердоликовые бусы сферической и цилиндрической формы коричневато-красноватого цвета (6 шт.), гагатовые бусы сферической формы (3 шт.) и голубые и сероватые пастовые бусы бочковидной формы (5 шт.) (табл. XCIX).

б) В грунтовых погребениях Налепсао засвидетельствованы: корчага светлого обжига, со слегка раскрытым венчиком, биконическим туловом и плоским днищем (МКМ, 361/б. 32), колхидский топор I типа (МКМ, инв. № 538), трапециевидная мотыга III вида (МКМ, инв. № 543), фрагменты железного кинжала (МКМ, инв. № 5210), железный черенковый наконечник стрелы (МКМ, инв. № 547), глиняные пряслица (МКМ, инв. № 545—546), подвески в форме кисти руки (18 шт.), бронзовые гвозди, проволока и пластины, 77 штук бус, среди

них встречаются бусы из глины, стекла и сердолика (МКМ, инв. № 542). Одна глиняная буса колесовидная, вторая — цилиндрическая. Сердоликовые и стеклянные бусы в основном сферические или кругло-плоские. Сердоликовые бусы носят следы двустороннего сверления (табл. С).

в) В состав погребального инвентаря из Лече входят следующие бронзовые предметы: кинжал с четким продольным ребром и узким лезвием (МКМ, инв. № 92), три фрагмента от кинжала (МКМ, инв. № 92, 95), два фрагмента сегментовидного орудия (МКМ, инв. № 89, 93), зооморфное ушко от сосуда, небольшого размера (МКМ, инв. № 90), маленькое кольцо с раскрытыми концами (МКМ, инв. № 91) и фрагменты неопределенных бронзовых предметов (МКМ, инв. № 94). Здесь же обнаружен фрагмент керамического сосуда (МКМ, инв. № 161) (табл. CI).

г) В грунтовом погребении Нахунао, как отмечалось, засвидетельствовано десять плоских бронзовых топоров I вида и одна глиняная миска. В качестве образца предлагаем описание одного из топоров под номером 534/09. Топор имеет высокое симметрическое лезвие. Тулово шестигранное. На плечиках помещаются выступы. В отличие от прочих образцов этого вида, обух на данном экземпляре заужен и украшен четырьмя насечками, h — 12,5; l лезвия — 6,2 см (табл. CII, 1).

Глиняная миска (МКМ, инв. № 14991) имеет черноватый черепок, широкий отогнутый венчик с треугольным сливом. Сосуд сужается к нижней части. Ушко обломано, h — 5,3 см; d венчика — 10,5 см, толщина слива — 0,6 см; d днища — 5,5 см (табл. CII, 2).

д) В состав инвентаря погребения Ведидкари-Махати (Начкадури) входят исключительно бронзовые предметы: верхняя часть бронзового топора I вида (МКМ, инв. № 8356/г. 117), фрагмент ножа (МКМ, инв. № 8364/г. 131), листовидный наконечник копья (МКМ, инв. № 8353/г. 134), три серпа с двумя гвоздями (МКМ, инв. № 8353/г. 130), 17 фрагментов сегментовидных орудий (МКМ, инв. № 8357/г. 132), двадцать три бронзовых браслета с разомкнутыми концами (МКМ, инв. № 488/1—23), пиявковидная фибула (МКМ, инв. №482), двенадцать фибул со спиралевидной дугой (МКМ, инв. № 477/1—12), круглая в сечении шейная гривна с согнутыми в спираль концами (МКМ, инв. № 482), маленькое кольцо с разомкнутыми концами (МКМ, инв. № 495), две сферические бусы (МКМ, инв. № 8355/г. 132), 55 штук различных по весу и форме маленьких слитков (МКМ, инв. № 519/1—54) (табл. XCVIII).

е) В Гурдземском погребении обнаружены: бронзовый колхидский топор I типа (МКМ, инв. № 461), три трапециевидные мотыги III вида (МКМ, инв. № 5068/1—3), три перстня (МКМ, инв. № 5029, 5030/1—2) (табл. CIV (А), 1—6).

Клады

а) В археологическом фонде Зугдидского исторического музея хранится коллекция № 102, 103. Она составляет часть клада бронзовых топоров эпохи поздней бронзы — раннего железа, обнаруженного в 1945 году Д. Т. Джобава в своем приусадебном участке во время земляных работ в с. Речхи (Гальский район). В музее хранятся только два топора, которые отонсятся к I типу этого орудия[2] (табл. CVIII, 1, 2).

б) В археологическом фонде Зугдидского музея хранится бронзовый клад, обнаруженный в 1945 г. В. М. Бохуа в с. Рачха Мартвильского района (ЗИМ, арх. № 17—20/5375). В состав клада входят изогнутые мотыги с опущенными плечиками и круглым отверстием, сегментовидные орудия II вида, кольцо и небольшой слиток сферической формы (табл. CVII, 1—4).

в) В Зугдидском музее хранится коллекция № 49, 79, 81, которая представляет клад бронзовых предметов, обнаруженных в 1968 г. в с. Мужава Цаленджихского района. Он состоит из топора II типа и двух мотыг, имеющих листьевидную форму (табл. CIX, 5—7).

г) В Гальском историко-этнографическом музее хранится клад бронзовых вещей (коллекция № 1—26), обнаруженный в с. Лекумхара (Пирвели-Гали) в 1974 г. Клад был выявлен во время земляных работ трактористом М. Родоная на глубине 1 м. Он состоит из следующих предметов: двух топоров I и II типа, одной мотыги II вида, одиннадцати сегментовидных орудий, трех бронзовых пластин и девяти слитков разных размеров, из них четыре имеют сферическую форму (табл. CXI, 1—25).

д) В Гальском музее хранится еще один клад бронзовых предметов: коллекция № 613—626. Он был выявлен в 1962 г. на территории цитрусового совхоза «Мзиури» во время земляных работ рабочим Л. И. Колесниковым. Клад состоит из двух колхидских топоров I подтипа, восьми сегментовидных орудий II вида и четырех бронзовых слитков, из которых один имеет сферическую форму (табл. CX, 1—14).

е) В с. Квибна Мартвильского района сотрудниками Мартвильского краеведческого музея был обнаружен клад, в состав которого входят бронзовый колхидский топор I типа с острым обухом и коротким лезвием (МКМ, инв. № 517/г. 62) и одиннадцать железных топоров. Десять из них, небольшого раз-

---

2 В инвентарной книге Зугдидского музея обозначено, что часть топоров Речхского клада в 1945 г. была передана в Абхазский государственный музей. Нам в музее не удалось обнаружить эти топоры. Видимо, часть клада утеряна.

мера, характеризуются утолщенными обухами, длинными трубовидными отверстиями, короткими туловами и удлиненными лезвиями (МКМ, инв. № 595/г. 30) (табл. CIV (С), 1—3). Один топор по форме приближается к колхидским бронзовым топорам II подтипа. Он имеет почти клиновидный обух, четко выделенное тулово. Рабочий край округло асимметричный, книзу расширенный (МКМ, инв. № 183) (табл. CIV (С), 3).

ж) В Мартвильском музее хранится бронзовый клад, обнаруженный его сотрудниками в с. Эчачуе (МКМ, инв. № 11201/Г. 144), в состав которого входят верхние части восьми различных топоров I подтипа и один фрагмент нижней части топора этого же подтипа (табл. CIV (В), 1, 2).

з) В 1984 г. в с. Диди-Чкони Мартвильского района, в квартале Джгеренайя, жителем села Сосо Горезиа случайно был обнаружен клад, состоящий из десятка бронзовых колхидских топоров. Один из них был передан Мартвильскому музею, остальные же были увезены в с. Салхино и переданы колхидской археологической экспедиции. Поступивший в музей экземпляр относится к топорам I подтипа (табл. CIX, 4).

и) Одну из коллекций Кутаисского государственного музея под номером 5419/а.17 составляет случайно обнаруженный клад из с. Нога (Самтредский район). В состав клада входят рабочая часть топора 1 подтипа, три сегментных орудия лопатообразной формы II вида и трапециевидная мотыга III вида.

к) Коллекцию № 500—502 Чхороцкуского краеведческого музея составляет бронзовый клад, обнаруженный в 1979 г. в с. Ахути Чхороцкуского района, на приусадебном участке гражд. Беришвили. За разведочными работами, проведенными на этом месте бывшим директором музея Гр. Шенгелия, новые открытия не последовали. В состав клада входят три бронзовых предмета: колхидский топор I подтипа, мотыга второго вида II типа и небольшой фрагмент бронзового слитка [12, с. 98—100].

л) Клад из культурного слоя Очхомурского поселения-производства специально будет рассмотрен в IV главе работы.

Металлургические мастерские

На металлургической мастерской Ленчеха обнаружены: тигель (МКМ, 14348/а 3004), каменная наковальня (МКМ, 14349/г. 1166), фрагменты глиняной трубы (МКМ, 6123/г. 102 и 14353/г. 1170), обломки стенки от печи (МКМ, 14350/1167), фрагмент каменного рубила (МКМ, 14360/г. 179), фрагмент каменного заступа-мотыги (МКМ, 14372/г. 1169), фрагменты каменной лопаты (МКМ, 14351/г. 175), фрагмент рукояти керамической лопаты (МКМ, 14355/г. 118), каменная молотиль-

ная доска (МКМ, 14351/г. 168), ступа (МКМ, 14358/а 1177), песчанник с рудными включениями (МКМ, 5236/г. 95) и железные шлаки (МКМ, 13966/г. 1115) (табл. CIII).

В Кицийской металлургической мастерской выявлены: медные натеки (МКМ, 811/г. 361), бронзовый слиток (МКМ, 9317/г. 140), бронзовый шлак (МКМ, 9318/г. 141), фрагмент бронзового оружия (МКМ, 10853/г. 359), бронзовые натеки (МКМ, 9318/г. 139), железные крицы (МКМ, 9316/г. 140), фрагменты железной трубы и фрагмент глиняной литейной формы (МКМ, 10326/г. 149) (табл. CV).

Из материалов с металлургических мастерских Нахунао нам известны: фрагменты глиняной трубы (МКМ, 549/84, 14990/г. 1088), фрагменты стенок печи (МКМ, 10048/г. 148) и два бронзовых сферических слитка (МКМ, 10326/г. 149) (табл. CVI).

ГЛАВА II

ХОЗЯЙСТВО ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОЛХИДЫ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ — РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

1. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

В Центральной Колхиде в эпоху поздней бронзы — раннего железа существовало многоотраслевое сельское хозяйство, ведущее место в котором занимало земледелие. По мнению некоторых исследователей, уже с неолитической эпохи здесь выращивались рожь, гоми и просо [69, с. 364; 100, с. 80, 81; 108, с. 14, 15], а с энеолита появляется пшеница и овес [108, с. 23; 160, с. 70, 75].

На памятниках начальных этапов эпохи бронзы в большом количестве обнаружены зерна пшеницы эндемных видов, таких, как «маха» (triticum palaecolohicum) и «дика» (triticum carthlicum), представляющих переходные виды от диких к культурным [143, с. 684, 685]. Зерна «маха» и «дика» найдены во втором слое Диха-Гудзубе I в с. Анаклия [120, с. 251, 252]. Зерна «маха» добыты также в нижних слоях притехурских участков и Носирского холма [56, с. 73]. Зерна проса засвидетельствованы на Диха-Гудзубе II в с. Анаклия [152, с. 65], Носирском холме [56, с. 73] и др. В V слое Намчедурского холма кроме зерен проса обнаружены зерна пшеницы и двузернянки (triticum Spela) [149, с. 24].

В Центральной Колхиде, так же как и во всей Западной Грузии указанного периода, было распространено неорошаемое земледелие. Как справедливо отмечает Я. А. Киквидзе, в условиях влажного климата Западной Грузии неорошаемое земледелие было не менее продуктивно, чем орошаемое земледелие стран Востока [108, с. 19].

Болотистые почвы Центральной Колхиды были богаты торфом и илом. Как установлено, накапливаемый в верхних слоях торфяника азот способствует росту растительности [182, с. 58]. Наверно, именно поэтому обработка земли в низменных районах Колхиды требовала меньших усилий, чем в предгорных и горных областях.

В эпоху поздней бронзы — раннего железа на Колхидской низменности распространены ровные или выгнутые мотыги с

широким краем. Подобные орудия широко используются по сей день, т. к. они весьма удобны для обработки мягкой почвы низменных районов. По мнению этнографов, мотыги этого типа, относящиеся к эпохе поздней бронзы — раннего железа, проявляют тесную близость с имеретинской мотыгой «кеко тохи» [72, с. 22].

Для Колхидской низменности характерны, в основном, болотистые и подзольные почвы, почвенный же покров предгорья довольно разнообразен. Здесь распространены красноземные, буроземные, перегнойно-карбонатные, желтоземные и аллювиальные почвы [136, с. 148, 171]. Нередко встречается и мягкая почва, легко поддающаяся обработке мотыгой с широким краем, однако чаще всего почва здесь твердая, каменистая, труднообрабатываемая. Поэтому, очевидно, в предгорных областях Центральной Колхиды преобладают небольшие трапециевидные мотыги с узким рабочим краем. Орудия этого типа засвидетельствованы в предгорных областях Самегрело: в Мартвильском, Чхороцкуском и Цаленджихском районах (погребение Курзу) [109, с. 61], Очхомурский клад [11, с. 60, табл. 1, 10—20] и др. Листовидные мотыги с узкой рабочей частью обнаружены в с. Мужава, т. е. на границе предгорья Центральной и горной Колхиды (Сванети) (табл. III). Это выглядит вполне закономерным, т. к. мотыги данного типа были предназначены для обработки каменистой почвы и встречаются они, соответственно, преимущественно в зоне каменистых почв, в горной Сванети [211, с. 100—103, табл. XXVII, 1—3].

Одним из основных условий для развития земледелия является применение плуга и лемеха. Примитивная соха использовалась в Грузии уже в эпоху ранней бронзы. В Шида-Картли, в слое В поселения Квацхелеби обнаружена соха, изготовленная из оленьего рога [71, с. 39]. Предполагают, что в эпоху поздней бронзы на территории Колхиды уже используется стальной плуг [203, с. 23]. В качестве свидетельства приводят отрывок из поэмы Аполлония Родосского «Аргонавтика», в котором говорится, что, явившись на поле Ареса, Ясон «окинул взглядом поле и увидел бронзовое ярмо, лемех и плуг из твердой стали» [15, с. 242—243]. В «Аргонавтике» каких-либо конкретных данных о форме плуга не содержится.

По данным новейших исследований, описываемые Аполлонием Родосским события имели место за два поколения до Троянской войны [59, с. 198; 134, с. 27—29; 145, с. 82]. Так как большинство исследователей определяет дату Троянской войны 30-ми годами XIII в. до н. э., а описанные в «Аргонавтике» события произошли на два поколения раньше, есть основания отнести путешествие Ясона и его соратников в Колхиду к середине или первой половине XIII в. до н. э.

Не исключена возможность, что в эпоху поздней бронзы в Центральной Колхиде уже использовался металлический ле-

мех. В связи с этим не лишено интереса соображение, согласно которому сегментовидные орудия рассматриваются как примитивные формы лемеха[1]. Эта мысль впервые была высказана Г. В. Джалабадзе [72, с. 30], впоследствии к нему присоединился и Л. Ш. Дзидзигури [74, с. 166].

С эпохи раннего железа в Центральной Колхиде уже появляются железные сельскохозяйственные орудия и лемехи[2]. Лемехи засвидетельствованы в ряде погребальных комплексов Центральной Колхиды VII—VI вв. до н. э. (Нигвзиани, Эрета). Эти предметы характеризуются прямым, симметричным, слегка суженным в средней части туловом, округлым рабочим краем и загибающимися по отношению друг к другу деталями для закрепления [148, с. 76] (CXIII, 1—4). Следует полагать, что этот тип применялся при поверхностной вспашке. В условиях же Центральной Колхиды даже поверхностного взрыхления почвы было достаточно, как мы уже убедились, для получения хороших урожаев. Именно этим должно объясняться существование лемеха столь своеобразной формы.

Помимо перечисленных сельскохозяйственных орудий на центральноколхидских памятниках эпохи поздней бронзы — раннего железа в большом количестве встречаются железные

---

[1] В связи с назначением сегментовидных орудий в специальной литературе существуют различные мнения [27, с. 156; 39, с. 26—28; 96, с. 50; 97, с. 130, 157, 158; 99, с. 7; 110, с. 92; 118, с. 318, 319; 119, с. 221—223; 125, с. 111, 112; 164, с. 190, 191; 174, с. 66—70; 177, с. 165—167; 198, с. 49—53; 207, с. 177—180; 213, с. 157]. В последнее время все более утверждается мнение относительно сельскохозяйственного назначения «сегментов». В пользу этого предположения свидетельствует география их распространения: «именно в тех районах Колхиды, где ведущей отраслью хозяйства являлось земледелие, совпадение границ этих областей с ареалом распространения кладов, содержащих в своем составе мотыги и, что главное, — их существование в погребальных комплексах с мотыгами и лемехами (Нигвзиани, Эрета). Последнему обстоятельству следует уделить особое внимание, т. к. погребальные комплексы, содержащие порой многие десятки экземпляров сельскохозяйственных орудий, приобретают особое значение. Бесспорно, эти погребения принадлежат земледельцам, и, наконец, об этом свидетельствует повторение форм сегментовидных орудий, так же как и колхидских топоров, в железе» [148, с. 27].

[2] Любопытно, что под культурным слоем Очхомурского поселения-производства на уровне грунта был обнаружен железный лемех (раскопки 1987 г.), рабочим краем проявляющий сходство с сегментовидными орудиями II типа и загибающимися друг к другу деталями для прикрепления к плугу. Поскольку очхомурский лемех не похож на аналогичные предметы, выявленные на колхидских памятниках эпохи раннего железа, и не встречается на памятниках античного периода, возможно, этот предмет попал в нижний слой памятника случайно, в результате земляных работ, и со временем покрылся слоем ржавчины.

серпы с гвоздями, кремневые вставки от серпа, каменные ладьевидные зернотерки, терки, жаровни (кеци-камни для поджаривания или выпекания), реже — бронзовые серпы с гвоздями и ножи. Весьма знаменателен факт сосуществования в погребальных комплексах сельскохозяйственных орудий из железа и бронзы. Подобный обряд захоронения подчеркивает важное значение земледелия в экономике Центральной Колхиды. Следует отметить, что обычай включения в погребальный инвентарь земледельческих орудий довольно редко встречается среди народов мира [210, с. 148].

В качестве тягловой силы в Центральной Колхиде исследуемого периода использовались быки. В «Аргонавтике» упоминаются «медноногие огнедышащие быки» [15, с. 198, 199; 16, с. 128]. Предполагается, что лошадь на Кавказе в эпоху поздней бронзы использовалась для перевозки груза [51, с. 250]. На наш взгляд, на Кавказе тяжести в основном перевозили на быках, и к тому же в эпоху поздней бронзы лошадь широко применялась в качестве упряжных животных для боевых колесниц, а также верховых животных для зарождающейся конницы, что подтверждается находками бронзовых моделей боевых колесниц и различных удил. На археологических памятниках Центральной Колхиды бронзовые и глиняные фигурки лошадей появляются с самого начала I тыс. до н. э. Так, например, в III слое Наохваму обнаружены графические изображения лошади, датируемые X—IX вв. до н. э. [120, рис. 48, табл. 58, I), глиняные фигурки известны из материалов Мухурчского могильника VIII—VI вв. до н. э. [57, с. 36, рис. 1; 218, табл. 47]. В этом отношении весьма интересен клад из Махчис-Цихе (начало I тыс. до н. э., в состав которого входят бронзовые псалии [110, с. 37, рис. 30].

Таким образом, письменные и археологические источники указывают на наличие развитой земледельческой культуры на территории Центральной Колхиды в эпоху поздней бронзы — раннего железа.

На поселениях Центральной Колхиды в большом количестве обнаружен остеологический материал, свидетельствующий о наличии животноводства в данном регионе.

Обычно на памятниках преобладают кости крупного рогатого скота, следующее место по количеству занимают останки свиньи и козы, редко встречаются останки овцы [56, с. 74]. По результатам анализа остеологического материала, в Центральной Колхиде указанного периода разводили низкорослых коров. Кстати, Псевдо-Аристотель отмечает, что колхи имеют низкорослых коров, которые, однако, отличаются высокой удойностью [102, с. 40, 41].

Несмотря на то, что получены археологические свидетельства относительно развития животноводства в Центральной Колхиде, по справедливому замечанию Н. В. Хоштария, оно

выполняло роль второстепенной отрасли по сравнению с земледелием [204, с. 211]. Естественно, в лесистой Центральной Колхиде не было возможности широкого развития этой отрасли. Тут невозможно было разводить стада. Наверно, поэтому на поселениях редко встречаются кости овцы, в то время как свинячих костей очень много. Справедливо отмечается в специальной литературе, что «леса нижнего течения р. Рioни предоставляли неограниченные возможности для развития свиноводства» [147, с. 42].

Наряду с животноводством, местные племена занимались охотой и собирательством. На Диха-Гудзубе I обнаружены кремневые наконечники стрел, связанные, по-видимому, с охотой [120, табл. 64]. Выемчатые наконечники стрел засвидетельствованы на поселениях-производствах Очхомури и Нацисквилари, а также и в других местах (табл. LVI, 12, 13; XCVI, 2). Предметом охоты могли быть олень, дикий кабан, птица и др. На это косвенно указывают археологические материалы. Так, например, на Мухурческом могильнике обнаружено несколько скульптурок кабана, тигра и тура [218, табл. 5, 39, 40, 44, 47], изображение птицы засвидетельствовано на Урекском могильнике [148, с. 59, табл. XXVII, 970, 971]. В нижних слоях Анаклийского Диха-Гудзубе I помимо зерен культурных растений обнаружены запасы лесных плодов: каштан, буковый орешек, фундук, очищенные желуди — свидетельства собирательства [143, с. 684].

Одной из отраслей хозяйства Центральной Колхиды эпохи поздней бронзы — раннего железа являлось рыболовство. По-видимому, эта отрасль в значительной степени влияет на подбор места для обитания в указанную эпоху. Поселения этого периода располагаются, преимущественно, в непосредственной близости от рек, на прибрежных террасах или в местах слияния (Носири,Зурга-Чаладиди, Очхомури, Нацисквилари, Геджети, Гора-Датешидзе и др.). Кстати, «очхомури» по-мегрельски означает «место для рыбной ловли». По-видимому, название реки впоследствии распространилось и на село. В этих местах, в одном километре от места слияния рек Хоби и Очхомури, очевидно, так же как и сегодня, в эпоху раннего железа располагались места, благоприятные для рыбной ловли.

В материалах с жилых холмов Центральной Колхиды часто встречаются предметы, связанные с рыбной ловлей, например, каменные грузила. На Диха-Гудзубе I обнаружены также кости дельфина [204, с. 211]. Очевидно, население приморской полосы Колхиды охотилось и на дельфинов. Помимо сети, в качестве снасти использовались рыболовные крючки, гарпуны, «годори» (плетеные корзины), «пацери» (специальное деревянное устройство) и др. Костяные крючки, по-видимому, не сохранились, т. к. в условиях влажного климата Колхиды кость быстро разлагается.

Материалы, связанные с рыбной ловлей или культом рыбы, выявлены также и на могильниках эпохи раннего железа. Так, например, на Палурском могильнике обнаружено три бронзовых миниатюрных изображения рыбы, бронзовая скульптурка рыбы засвидетельствована в материалах Нигвзианского могильника [148, с. 85, табл. XXXIII] и др. Существование культа рыбы в колхидских племенах эпохи раннего железа, по мнению различных авторов [148, с. 85, 87; 166, с. 49], невозможно представить без значимости рыболовства в хозяйстве. Как известно, хозяйство, идеологические представления и верования у древних народов тесно взаимосвязаны.

В исследуемую эпоху в Центральной Колхиде одной из отраслей хозяйства предстает виноградарство-виноделие, играющее, по-видимому, второстепенную роль. Не исключена возможность, что виноградную лозу разводили здесь уже в эпоху средней бронзы. На это указывает факт обнаружения ветвей лозы в нижних слоях Носирского холма [56, с. 73] и Анаклийского Диха-Гудзубе I [204, с. 210]. На холме Наохваму, относящемся к эпохе поздней бронзы — раннего железа, засвидетельствована пластинчатая бронзовая подвеска в виде виноградной грозди с кольцом (петлей) для подвешивания в верхней части (ПКМ, инв. № 248/пр. 16—20).

Существование на территории Колхиды в указанную эпоху виноградарства и виноделия подтверждает Аполлоний Родосский. По его словам, когда аргонавты переступили порог дворца царя Аэта, они увидели следующую картину: «Ветви лозы заворачивались в зеленую корону, покрытые листвой: было время цветения лозы, поднявшаяся ввысь, она украшала колонны; внизу четыре источника «брызгали фонтаном», один из них был винный» [16, с. 123].

Однако о хозяйственном значении виноградарства и виноделия в Центральной Колхиде можно говорить только лишь с VI в. до н. э., именно с этого времени появляются здесь пифосы — специальные сосуды для хранения вина. Следует отметить, что с конца VI в. до н. э. в Колхиде почти не встречаются поселения, где не были бы обнаружены пифосы [28, с. 96].

Славилась Колхида производством льна. Это подтверждается как на основе древних письменных источников, так и археологических данных. Во времена Геродота на рынке высоко ценились колхидские льняные ткани [44, с. 156, II, 105]. Страбон неоднократно подчеркивает высокие свойства колхидского льна [103, с. 124]. По археологическим данным, следы производства льна подтверждаются уже с эпохи средней бронзы. Так, например, остатки льна засвидетельствованы в Анаклийском Диха-Гудзубе I [204, с. 212].

Наряду с льном, в хозяйстве Центральной Колхиды значительное место отводилось конопле. Из конопли изготовляли веревки, канаты, различные орудия и др. [125, с. 96]. Греческие авторы знакомы с колхидским медом [144, с. 89]. Высокое развитие бронзовой металлургии на территории Колхиды стимулировало развитие пчеловодства, т. к. большая часть бронзовых предметов изготовлялась способом потери модели, что требовало большого количества воска [97, с. 90, 172, 173; 119, с. 218; 168, с. 81, 82; 174, с. 112; 187, с. 54—63].

2. МЕТАЛЛУРГИЯ И МЕТАЛЛООБРАБОТКА

Центральная Колхида в эпоху поздней бронзы — раннего железа предстает в качестве одного из основных центров бронзовой металлургии. Мастерские Центральной Колхиды в основном работали на руде, поставляемой из горных районов северной, северо-западной и юго-западной Колхиды. Крупные месторождения и выработки обнаружены в бассейне р. Чороxи, Центральной Абхазии, Сванети и в Рача-Лечхуми [26, с. 7—9; 36, с. 38, 39; 46, с. 53—56; 49, с. 16—20; 50, с. 278—282; 97, с. 156, 157; 99; 110, с. 121—147; 172, с. 97, 98; 174, с. 102—105]. Из указанных районов в Центральную Колхиду руда поступала, в основном, сухопутными дорогами, хотя не исключается возможность использования и морских путей, играющих не менее значительную роль. Однако надо отметить, что южные районы Центральной Колхиды (территория современной Гурии) в основном снабжались местным сырьем, так как здесь в разных местах (бассейн р. Бахвисцкали, Натанеби, Губазеули и др.) обнаружены медные руды и древние выработки [110, с. 126; 172, с. 101, 102].

О высоком уровне бронзовой металлургии в Центральной Колхиде свидетельствуют многочисленные очаги металлургического производства. Более 48% из общего числа кладов Колхиды приходится на Центральную Колхиду. Литейные формы колхидских топоров засвидетельствованы в составе инвентаря клада Тагилони [97, с. 124, рис. 15, 16; 110, с. 32, рис. 24], коллективного грунтового погребения № 7 могильника Нигвзиани [148, с. 92, табл. XLX], II участка Сабажо [147, с. 37, табл. X], в III слое Намчедурского холма [149, табл. 36] и др. Литейные формы мотыг обнаружены в культурном слое холма Диха-Гудзубе II в Анаклии [155, с. 75] и в VIII слое Пичорского центрального Диха-Гудзубе [23, с. 21].

В эпоху поздней бронзы — раннего железа в Центральной Колхиде почти на каждом поселении встречаются остатки металлургического производства. Такие остатки удается выделить на Носирском холме [56, с. 75], на II участке Чала-

дидского Сабажо [147, с. 37, 42], на Намчедурском холме [149, с. 26—28], на поселении-производстве Очхомури и др.

Бронзообрабатывающие мастерские не всегда связаны с поселениями. Так, например, во II слое памятника, выявленного в местечке Максана в с. Джвари, обнаружены следы лишь только металлургической мастерской: остатки металлоплавильной печи, бронзовые шлаки и следы продолжительного, интенсивного воздействия огня [1, с. 5, 6].

В Центральной Колхиде очаги бронзового металлургического производства, в основном, расположены в ущельях больших и малых рек. Особо богаты в этом отношении реки Эрисцкали, Ингури, Техури, Супса, Губазеули, Натанеби и др. Бронзолитейные мастерские обнаружены в с. Курзу (ущелье р. Очхомури) [110, с. 130], Гали (ущелье р. Эрисцкали) [9, с 47], Корбуде (ущелье р. Натанеби) [110, с. 126] и др. Новые очаги бронзового металлургического производства обнаружены в с. Дошаке (ущелье р. Цивн), Кицна (ущелье р. Техури), Нахунао (ущелье р. Абаша), Ленчеха (ущелье р. Техури), Гурдземи (ущелье р. Цивн). В этих местах выявлены остатки металлургических печей, шлака, литейные формы и др. (табл. III, CIII, CV, CVI).

Таким образом, в эпоху поздней бронзы — раннего железа на территории Центральной Колхиды функционирует множество больших и малых очагов металлургического производства. Наибольшее их количество сконцентрировано в предгорной полосе, ущельях рек, чаще же — на поселениях в виде отдельных кварталов. В настоящее время основания для более полноценного воссоздания картины отсутствуют. Мы надеемся, что дальнейшие исследования позволят более точно локализовать отдельные очаги бронзового производства.

В эпоху раннего железа в Восточном и Юго-Восточном Причерноморье выделяют не менее пяти основных очагов производства железа и стали [200, с. 29—33; 201, с. 3—38; 202, с. 42, рис. 1; 203, с. 59]. Три из них расположены в Центральной Колхиде, в частности в Чолоко-Очхомурском, Супса-Губазеульском и Хоби-Очхомурском производственных очагах (табл. III).

Железоплавильные мастерские в Центральной Колхиде встречаются как поотдаль от населенных пунктов, так и на территории поселений. К числу таких поселений относится, например, Дида-Кирса в с. Лиа [60, с. 13]. Металлургическое производство, находящееся в пределах поселения, как правило, характеризуется малыми масштабами, в то время как мастерские, расположенные вдали от поселений, обычно представляют собой крупные очаги металлургического производства. Так, например, в Чога засвидетельствована целая группа металлургических мастерских [201, с. 6—10]. Знаменательно, что железоплавильные мастерские расположены преимущественно

в предгорной полосе, поблизости от железных рудников. В качестве примера можно привести мастерские, обнаруженные в предгорной полосе Мартвильского района директором местного краеведческого музея Г. В. Элиава. Здесь почти в каждом селе выявлены материалы, связанные с металлургическим производством. К числу таковых относятся села Киция, Курзу, Дошаке, Квибия, Ленчеха и др. (см. табл. CIII; CV; CVI).

Мартвильский и Чхороцкуский районы составляют единый географический регион — Центральноодишское плато. К ним примыкает также Цаленджихский район, в пределах которого в большом количестве обнаружены памятники эпохи раннего железа и материалы, связанные с железной металлургией. Не исключено, что в эпоху раннего железа в этом предгорном районе Центральной Колхиды (Центральноодишское плато) существовал один из крупных металлургических очагов по производству железа. В таком случае ареал Хоби-Очхомурского производственного очага значительно расширится и охватит все Центральноодишское плато.

3. ПРОИЗВОДСТВО БУС

На поселениях-производствах Очхомури и Нацискилари подтвердилась доселе не известная для колхидской культуры ремесленная отрасль — производство бус из полудрагоценных камней. В траншеях, заложенных на поселениях-производствах, выявлены следы производства в виде орудий для изготовления бус, соответствующих минералов, бус и их заготовок, представленных местами как бы в непотревоженном состоянии (in situ). В основном же материалы перемешаны и разбросаны в беспорядке (табл. VI; LIX—LXI).

На обоих поселениях-производствах в культурном слое, помимо каменных инструментов для изготовления бус, в большом количестве встречаются отщепы и желваки различных по расцветке и структуре полудрагоценных камней — халцедона, сердолика, агата, яшмы, кварца и кремня.

Среди каменных инструментов, выявленных на Очхомури, выделяются желобчатые камни для полирования бус (табл. XLV, 1) и крупные и маленькие камни с желобками для фиксации заготовок и бус (табл. XLIII; XLIV; XLV, 2). Нацискилари отличается обилием желобчатых полировальных орудий и дробильными камнями из мергелевых пород (табл. XCIII—XCV). Любопытно, что полировальные камни характеризуются изяществом. Некоторые из них имеют желобки с обеих сторон. Так, например, на одном образце с Нацискилари, седлообразной формы, обе поверхности покрыты желобками, причем с одной стороны желобки более широкие, с другой — сравнительно узкие. Очевидно, одна сторона использо-

валась для полировки крупных бус (табл. XCV), вторая — для более мелких (табл. XCV, А).

В центральноколхидских мастерских бусы просверливали, по-видимому, абразивным способом. В данном случае для сверления отверстия использовались металлические штифты [5, с. 6]. И хотя ни одного факта обнаружения штифта на этих памятниках не засвидетельствовано, однако огромное количество фрагментов бронзовых шиловидных предметов и их мелкие крошки с поселения Нацисквилари могут оказаться обломками штифтов или трубочек. Как известно, в качестве абразива использовались наждак или алмазный порошок [5, с. 6]. Вполне реально выглядит и использование в качестве абразивного материала измельченного кварца. Об использовании абразивного способа свидетельствуют многочисленные примеры двустороннего сверления бус. На некоторых из них место для отверстия заранее помечалось. В результате на бусах и после сверления оставались зарубки. Бус с зарубками или сколами у устья отверстия на исследуемых памятниках довольно много. Вслед за шлифовкой бус приступали к их полировке. По-видимому, вопреки бытующему мнению, на желобчатых камнях шлифовали и полировали не только крупные, но и мелкие экземпляры. Во время шлифовки, очевидно, использовался все тот же кварцевый порошок, при полировке же — измельченный кремень или окиси железа [там же].

На обоих памятниках, в основном, встречаются сферические, уплощенные, реже цилиндрические бусы различных размеров с двусторонним сверлением, из светло-красного, красновато-розового и темно-красного сердолика (табл. LXXX—LXXXI). Иногда попадаются экземляры с коническим и цилиндрическим отверстием. Обилие бус в культурных слоях указанных памятников находится в полном соответствии с многочисленными обломками халцедонового материала.

На Мухурчском Нацисквилари на сегодняшний день обнаружено более 50 полуфабрикатов для сердоликовых бус. Некоторые из них непросверленные (табл. LXXXV), часть недосверленная (табл. LXXXVI—LXXXIX), в ряде случаев не завершено двустороннее сверление (табл. LXXXII). Поверхность заготовок, в основном, не обработана или же недостаточно отполирована. В одном случае буса имеет двустороннее отверстие, поверхность ее отшлифована, недостает лишь полировки.

Не исключено, что на поселениях-производствах изготовлялись бусы из сардера. На это как бы указывает обнаруженная на Нацисквилари заготовка в виде овального камешка с полированной поверхностью из полупрозрачного сардера (табл. LXXXIII). Если учесть при этом, что на могильниках Центральной Колхиды (Эргета, Нигвзиани и др.) в составе кладов (Носири, Парцханаканеви) засвидетельствовано огромное ко-

личество сардеровых бус, причем клад из с. Нагвазао состоит исключительно из сардеровых бус (табл. XCII) можно предположить факт существования местного производства этого вида украшений.

На исследуемых поселениях-производствах изготовлялись также бусы из кремнистой породы белого или сероватого цвета. Две такие бусы обнаружены на Нацисквилари (табл. XCI, 1) и одна — на Очхомури (табл. XLI, 1). О существовании местного производства этих бус позволяет судить наличие соответствующих материалов в культурных слоях обоих памятников, и в особенности на Нацисквилари.

На Очхомури обнаружены сферические и уплощенные сердоликовые бусы с двусторонним сверлением. Здесь же засвидетельствованы три сердоликовых полуфабриката. Обращают на себя внимание сферическая буса из черного кремнистого минерала, фрагмент резцевидного орудия, сколы от кремневых вставок для серпа и просто обломки (табл. XLII). Все это указывает на местное происхождение столь различных предметов (буса, резец, вставка). Из кремневого материала изготовлена еще одна буса с этого поселения. Это сферическая буса коричневато-красного цвета. На Очхомурском поселении-производстве встречаются обломки обсидиана, заготовки наконечников стрел и готовые стрелы. Обсидиан поставлялся, по-видимому, из Южной Грузии, богатой этим материалом, а затем обрабатывался на месте.

В культурных слоях Очхомури и Нацисквилари встречается яшма в виде обломков и желваков. Обращает на себя внимание цилиндрическая яшмовая буса из Нацисквилари (табл. XC, 5). Здесь же выявлена агатовая буса бочковидной формы (раскопки 1988 г.).

В обоих случаях обнаружены сферические гагатовые бусы, возможно, также местного производства, тем более что в северо-восточной части Центральной Колхиды, в местечке Окриба находятся богатые месторождения гагата, эксплуатируемые с древнейших времен [94, с. 14, 15]. Транспортировка гагата на дальние расстояния довольно затруднительна, т. к., высыхая, он утрачивает свои высокие качества [4, с. 6]. Однако на доставку гагата из Окрибы до Центральноодишского плато не требовалось много времени. Естественно, в культурных слоях поселений-производств необработанные куски гагата не встречаются, т. к. привезенный материал требовал неотлагательной обработки и хранить его подобно сердолику и прочим полудрагоценным камням не представлялось возможным. Незначительные осколки гагата засвидетельствованы лишь на Нацисквилари.

Здесь же были обнаружены шесть стеклянных бусин (табл. XC, 1—4, 6). На Очхомури выявлены десять бус, один фрагмент бусы и миниатюрная антроморфная подвеска (табл.

XXXVII, XXXVIII, XXXIX). Все упомянутые предметы по внешнему виду приближаются к сердоликовым бусам. На поселениях-производствах следы производства стеклянных бус отсутствуют, поэтому мы воздерживаемся от высказываний относительно их местного происхождения.

В 1985 г. совместно с геологом-минерологом Т. Мгелиашвили нами были произведены разведки побережий реки Очхомури и ее притоков — Дичке, Чогацкари и Буме. Все три притока несут в Очхомури большое количество полудрагоценных камней. Собственно Очхомури также вымывает конгломераты, богатые минералами кварца, агата, халцедона и яшмы. Очевидно, именно на берегах упомянутых рек собирало население Очхомурского поселения-производства необходимый материал для производства бус.

Несмотря на обилие минералов в культурных слоях Нацисквилари, определить сырьевую базу для данного объекта не удается. Ни одна из близлежащих рек (Абаша, Техури, Цхенисцкали и др.) упомянутых минералов не содержит. Возможно, мухурчским мастерам хорошо было известно богатство соответствующими материалами реки Очхомури и ее притоков. Расстояние от Мухурчи до Очхомури по прямой составляет всего 20—25 км. Можно допустить, что мухурчские ремесленники собирали необходимый материал на побережьях указанных рек.

Поселения-производства Очхомури и Мухурчи занимают площадь по одному гектару. Культурный слой этих поселений насыщен минералами и каменными инструментами для изготовления бус. На поселениях в настоящее время засвидетельствованы остатки многочисленных мастерских. Все это указывает на широкие масштабы производства бус, выходившего за рамки удовлетворения местных нужд и приобретавшего товарный характер. Следует отметить, что выявленные здесь сердоликовые, гагатовые и стеклянные бусы проявляют тесную близость с соответствующими предметами с колхидских могильников VIII—VI вв. до н. э. (Уреки, Нигвзиани, Эргета, Палури, Мухурча и др.). По предварительным данным, бусы, входящие в состав погребальных комплексов и кладов Колхиды, являются продукцией местных мастерских. Роль поставщика этой продукции должны были выполнять мастерские Очхомури и Мухурча. Не исключается возможность существования подобных мастерских и в других районах Колхиды[3].

---

[3] Знаменательно, что в культурном слое VIII—VI вв. до н. э. Нокалакеви засвидетельствованы желобчатый полировальный камень, отщепы и осколки кварца и халцедона. Дальнейшие исследования несомненно позволят дать ответ на вопрос, существовали ли здесь мастерские по изготовлению бус или же мы имеем дело со случайным материалом. Эти сведения получены нами от начальников отрядов Нокалакевской археологической

Таким образом, факт существования ремесленного производства бус на поселениях-производствах Очхомури и Нацисквилари можно считать окончательно установленным. Надо полагать, что в обоих случаях мы имеем дело с крупными производственными и товаропроизводительными центрами Колхиды эпохи раннего железа.

4. ДРУГИЕ ОТРАСЛИ ХОЗЯЙСТВА

С VIII в. до н. э. в Центральной Колхиде появляется такая отрасль ремесленного производства, как златокузнечество. В настоящее время известны три клада, в состав которых входят золотые предметы. Это клады из Чубурхинджи [97, с. 126], Носири и Парцханаканеви [6, с. 61; 116, с. 133—135]. Любопытно, что единичные предметы из драгоценных металлов засвидетельствованы и в погребениях рядовых членов общины. Так, например, в пятом погребении Эргетского могильника № 1 обнаружены три серебряных браслета, семь латуневых перстней и два золотых ажурных перстня [157, с. 39].

Во всех случаях золотые предметы обнаружены в сопровождении бронзовых изделий, а в Чубурхинджи, помимо всего прочего, засвидетельствованы серебряные слитки. В составе трех указанных кладов золотые предметы представлены ажурными и гранулированными бусами, а также подвесками различной формы (треугольные, ромбические, спиралевидные). В состав Носирского клада, помимо бус и подвесок, входит фрагмент золотой треугольной пластинки с изображением льва en face и фрагмент золотого браслета со змеиными головками. В состав инвентаря Носирского и Парцханаканевского кладов входили также сардеровые бусы сферической формы.

Вопросам златокузнечества Колхиды эпохи раннего железа посвящены специальные исследования Б. А. Куфтина [116, с. 133—135; 119, с. 172—178] и Ю. М. Гагошидзе [38, с. 5—22], поэтому здесь ограничимся лишь несколькими замечаниями.

Золотые предметы VIII—VI вв. до н. э., обнаруженные на территории Центральной Колхиды, отличаются исключительным изяществом и совершенством. По справедливому замечанию Ю. М. Гагошидзе, «мы имеем дело с вполне сформировавшейся отделочной школой златокузнечества, оснащенной определенным арсеналом художественного оформления, арсеналом, который полностью был заимствован златокузнечеством последующего, раннеантичного периода. Основным в этом художественном арсенале была зернь и способ ее укладки, сетки, системы треугольников, свастики...» [38, с. 30].

экспедиции Государственного музея Грузии им. С. Н. Джанашиа Д. Ломиташвили и Б. Лордкипанидзе, за что приносим им глубокую благодарность.

Даже в V—IV вв. до н. э., в эпоху экспансии ахеменидской и греческой культур колхидское златокузнечество не только сохраняет свою самобытность (техника грануляции), но и достигает высшего уровня своего развития. Колхидские украшения этого периода отличаются редкостным изяществом. В качестве примера можно привести более 40 золотых и серебряных украшений (ожерелья, диадемы, височные украшения, серьги и др.) из погребения знатной колхидянки (Ванское погребение № 11), датируемого V в. до н. э., характеризующихся строгим стилистическим единством, причем все они богато украшены зернью [132, с. 45, 50—52].

С VIII в. до н. э. в Центральной Колхиде изготовлялись также серебряные украшения. На это указывает факт обнаружения серебряных слитков в составе инвентаря Чубурхинджского клада и серебряных украшений в погребениях №№ 5 и 6 Эргетского могильника № 1 [157, с. 39].

Одной из ведущих отраслей ремесленного производства Центральной Колхиды эпохи поздней бронзы — раннего железа является керамическое производство. Остатки керамических печей обнаружены на холме Адейшвилис-Гора и прилегающем к нему поселении Геперидзе [40, с. 51]. Зубчатые штампы для оформления посуды найдены в средних слоях Диха-Гудзубе I [120, табл. 64, II, рис. 65,9], Зурга-Чаладиди [147, с. 32, табл. 8] и Носирского холма [56, с. 72, табл. 46].

Однородность керамического материала по всей Колхиде эпохи поздней бронзы — раннего железа позволяет предполагать наличие отдельных очагов по производству керамических изделий, тесно связанных между собой производственными традициями. По мнению О. Лордкипанидзе, процесс выделения керамического производства в отдельную отрасль начинается в Колхиде на рубеже II—I тыс. до н. э. [129, с. 111—117]. Уже к VIII в. до н. э. на территории Колхиды преобладает более простая и грубая, по сравнению с предшествующим периодом, керамика, что должно указывать на переход к серийному производству керамической посуды. Колхидская керамическая продукция этого периода характеризуется типологической общностью: фактически нет ни одного памятника VIII—VI вв. до н. э., будь то поселение или могильник, на котором керамическая посуда не представлена во всем многообразии форм. По-видимому, с VIII в. до н. э. керамическое производство в Колхиде уже носит товарный характер и продукция керамических мастерских поставляется на рынок наряду с прочими товарами. К VI в. керамическое производство в Колхиде поднимается на более высокий уровень. В это время внутри этой отрасли выделяются отдельные специальности, например, изготовление пифосов [28, с. 93—106; 131, с. 6].

Появление гончарного круга предполагается уже в эпоху ранней бронзы [51, с. 247; 171, с. 99]. На некоторых триалетских сосудах эпохи средней бронзы явно прослеживаются следы применения гончарного круга [83, с. 214]. Факт же использования гончарного круга в эпоху поздней бронзы — раннего железа не вызывает сомнения [51, с. 246—248]. Древнейший гончарный круг, обнаруженный на территории Грузии, относится к концу эпохи раннего железа. Подразумевается гончарный круг из III горизонта поселения Ховле (Восточная Грузия) [171, с. 99]. На территории Колхиды факт обнаружения аналогичного предмета не засвидетельствован.

О назначении дюнных поселений в специальной литературе имеются различные мнения. Одни авторы их связывают с добычей соли [120, с. 174; 184, с. 265; 215, с. 6, 7], другие — с получением сырья для железного производства [175, с. 36; 208, с. 25], третьи — считают их местом для исполнения религиозных обрядов [104, с. 32, 33]. В поселеднее время Н. Д. Хахутайшвили высказала мнение, согласно которому на дюнных поселениях занимались всем тремя отмеченными выше сферами деятельности [203, с. 99, 101]. Мы склонны разделять мнение Н. Д. Хахутайшвили, так как материалы, добытые на дюнных поселениях, свидетельствуют о том, что здесь занимались и добычей соли, и получением сырья для железного производства, и исполнением религиозных обрядов.

В качестве одной из отраслей ремесленного производства на поселениях Центральной Колхиды выступает изготовление кремневых орудий. Особенно четко это прослеживается на поселениях-производствах Очхомури и Нацисквилари. В культурных слоях этих поселений в большом количестве обнаружены кремневые желваки (табл. LV), отщепы и осколки, заготовки для различных орудий (вкладыши для серпов, наконечники стрел и копий) (табл. LVI, 1—8, 11, 14). Два кремневых нуклеуса различных размеров обнаружены на поселении-производстве Очхомури. Возможно, эти предметы принесены сюда с какого-то памятника более раннего времени, однако не исключено, что выявленные на месте многочисленные пластины и отщепы получены в результате их обработки. Обращает на себя внимание крупный экземпляр светло-коричневого цвета с белыми крапинками (табл. LVII, 14). Здесь же обнаружены различные орудия, изготовленные из крапчатого кремня того же цвета: вкладыши для серпов (табл. LVI, 9) и отщеп (LVII, 8), что, возможно, указывает на то, что в эпоху раннего железа продолжают использоваться некоторые приемы обработки кремня.

Помимо перечисленных отраслей, следует отметить обработку дерева, кожи и камня. Вопросов деревообработки мы уже коснулись в первой главе работы, что же касается кожевенного дела, то наличие этой отрасли подтверждается как

археологическими материалами, так и историческими источниками. По сведениям Аполлония Родосского, древние колхи заворачивали останки усопшего мужчины в обработанные шкуры и подвешивали к дереву [16, с. 122]. В коллективных грунтовых погребениях Колхиды порой удается выделить отдельные группы, состоящие из погребального инвентаря и костных останков с явными признаками заворачивания в ткани или шкуры [148, с. 15, 16].

Несмотря на высокий уровень бронзовой и железной металлургии, каменные орудия не утрачивают своего значения и в эпоху поздней бронзы — раннего железа. Это касается, в первую очередь, каменных орудий, предназначающихся для сельскохозяйственных нужд. Среди них встречаются ладьевидные зернотерки, песты, ступы, «жаровни» и др. (табл. XLVII—LI). Богато представлены также орудия для обработки бус из сердолика, яшмы, сардера и гагата: шлифовально-полировальные желобчатые камни, выемчатые камни для фиксации бус при обработке и др. (табл. XLIII—XLVI; XCIII—XCV). Эти камни в основном не обработаны, хотя в ряде случаев им придавалась желаемая форма. Непреложным свидетельством использования и изготовления каменных орудий в указанную эпоху является факт обнаружения на поселении-производстве Нациквилари каменного нуклеуса и миниатюрного колхидского топора. Как видно, последние изготовлялись также из камня.

5. ДОРОГИ, ТРАНСПОРТ, ОБМЕН

В специальной литературе высказано предположение относительно того, что прокладка сухопутных дорог и строительство мостов в болотистой, богатой лесами и реками Колхиде должно было быть сопряжено с большими трудностями и что основным средством передвижения был водный транспорт [163, с. 326]. В пользу этого соображения свидетельствуют описания греческого автора V в. до н. э. Гиппократа, согласно которым: «они (колхи) редко ходят пешком, да и то лишь в пределах города или рынка. Обычно они плавают вверх и вниз по течению на лодках, выдолбленных из цельного ствола дерева, так как здесь много каналов» [101, с. 45]. Вполне естественно, что на территории Колхидской низменности, где течение рек спокойно и, одновременно, существовала обширная система рвов и каналов, одним из основных путей передвижения должны были быть именно речные пути. Согласно сведениям Гиппократа, «колхи плавали на лодках, выдолбленных в стволе дерева». Факт существования подобных лодок у колхидских племен — моссинников, обитающих в Северо-Восточном Причерноморье, подтверждается Ксенофонтом (V в.

до н. э.). По словам автора, «на второй день они (т. е. моссинники — Д. А.) приплыли на трехстах лодках, выдолбленных из цельного ствола дерева; в каждой лодке сидело по три человека» [144, с. 99].

Точная реконструкция этих лодок, распространенных в Колхиде в эпоху поздней бронзы — раннего железа, в настоящее время весьма затруднительна. В ассирийских источниках неоднократно говорится о применении лодок в Урарту.

Распространенные на территории Колхиды лодки из цельного ствола дерева, или, как их именуют этнографы — ниши, мора-однодеревка, признаны для Грузии древнейшими образцами предметов данной категории [122, с. 22, 23]. Их размеры зависели от размеров выдалбливаемого ствола. Обычно они имеют 3—7 м в длину и 0,5—1 м — в ширину. Учитывая сообщение Ксенофонта о том, что в каждой лодке сидело по три человека, получается, что размеры лодок эпохи раннего железа и современных лодок, выдолбленных в стволе дерева, почти полностью совпадают.

Лодками этого типа пользовались в Западной Грузии до последнего времени [123, с. 157; 206, с. 77, 78]. Село Кулеви расположено в прибрежной полосе Центральной Колхиды. В 40-х годах здесь проводились археологические изыскания под руководством Н. В. Хоштария. Она сообщает, что в это время для передвижения и хозяйственных нужд местным населением использовались лодки, выдолбленные в стволе дерева [206, с. 78]. Очевидно, они были очень удобны для перемещения и перевозки грузов в условиях Центральной Колхиды. Недаром они использовались здесь издревле.

Таким образом, одним из основных путей передвижения и транспортировки грузов на Колхидской низменности в эпоху поздней бронзы — раннего железа были речные артерии и сети каналов. В качестве транспорта использовались выдолбленные в стволе дерева лодки различных размеров.

На сравнительно более возвышенных местах Центральной Колхиды, и в особенности в предгорных областях, занимающих почти половину всей ее территории (Самурзаканское предгорье, Центральноодишское плато, Аджаро-Гурийское, Североимеретинское и Южноимеретинское предгорья), водный транспорт не мог полностью удовлетворить потребности населения. Поэтому надо полагать, что одним из основных путей передвижения должны были служить сухопутные дороги, способные к тому же обеспечить свободное пользование колесным транспортом, существование которого в Грузии подтверждается в гораздо более ранний период [149, с. 22]. Примером тому служат погребальные колесницы из триалетских курганных погребений эпохи средней бронзы [83, с. 207; 116, с. 95].

По мнению исследователей, в эпоху поздней бронзы — раннего железа для перевозки грузов использовались, в осно-

вном, двухколесные арбы, знать же разъезжала в колесницах [203, с. 93]. Согласно «Аргонавтике», царь Аэт взошел на колесницу и отправился туда, где Ясон пахал землю [16, с. 150]. В качестве тягловой силы использовались лошади и быки.

Археологически существование колесного транспорта на территории Центральной Колхиды подтверждается с эпохи раннего железа. Подразумевается глиняное пряслице из Нацискваларн, имитирующее колесо арбы (табл. XCVII, 2). Это «колесо» проявляет тесную близость с глиняной моделью колеса из энеолитического слоя Шерш-Блура [116, с. 98, рис. 104]. Обе модели характеризуются выступающим ободом и круглым отверстием.

Без сухопутных дорог и колесного транспорта невозможно было бы транспортировать бронзовые и железные слитки из предгорных областей в низины посредством одних лишь лодок — мора-однодеревок. Наверное, доставка 50- и 100-килограммовых бронзовых слитков и железной руды в такие районы Центральной Колхиды, как Зугдиди и Тагилони, Пичори и Чаладиди, была сопряжена с большими трудностями. Тем не менее, в окрестностях Зугдиди в большом количестве обнаружены бронзовые слитки (некоторые из них достигают 100 кг). На прибрежных же поселениях Чаладиди и Пичори засвидетельствованы следы металлургического производства [22, с. 49; 147, с. 37, 42].

Для поддержания контактов и торговых связей с прибрежными областями Колхиды, а также другими странами определенная роль должна была возлагаться на морской транспорт. О наличии в Колхиде в эпоху поздней бронзы — раннего железа морских судов свидетельствует Аполлоний Родосский. Согласно его сведениям, царь Аэт послал в погоню аргонавтов свой огромный флот («несчетное количество кораблей»), о котором «можно было сказать: то не группа кораблей вышла в море, а стая быстрокрылых птиц полетела с криками» [16, с. 162]. На этом основании можно предположить, что во времена царя Аэта колхи были обладателями довольно мощного морского флота. Предполагают, что колхидские суда были многомачтовые, с четырехугольными парусами и снабжены таранами [122, с. 226].

В I тыс. до н. э. помимо боевых кораблей колхи имели и торговые суда. Для мореходства использовались, по-видимому, и лодки, выдолбленные в стволе дерева.

Развитию мореходства способствовало богатство Центральной Колхиды древесным материалом, необходимым для строительства кораблей и лодок. Хорошим корабельным материалом считались берест, вяз, каштан, бук, осина, приморская сосна, пицундская сосна, ясень и др. Кроме пицундской сосны в Центральной Колхиде произрастают все перечисленные виды деревьев. Возможно, в эпоху поздней бронзы и ран-

него железа использовались и другие растения, ныне не встречающиеся. Как известно, в эпоху бронзы растительный мир был гораздо богаче, чем в настоящее время [219, с. 20, 21]. Кроме того, благоприятным для развития судоходства условием было наличие бронзовых и железных орудий труда. К числу таковых относятся колхидский топор, плоский топор, зубилообразные орудия, тесло и др.

По крайней мере с VIII в. до н. э. в Центральной Колхиде следует предполагать довольно развитую меновую торговлю. К этому периоду под ней следует подразумевать натуральный обмен. Каждый регион Колхиды к этому времени «уже располагал стабильными торговыми эталонами (например, скот, металлические изделия и т. д.), пользующимися спросом на местном «рынке» [203, с. 92]. Для Центральной Колхиды, очевидно, таковыми являлись в первую очередь бусы и украшения из полудрагоценных камней. Разумеется, удовлетворить возросшие потребности местного населения в бусах и подвесках из полудрагоценного камня мог только рынок. Именно здесь можно было приобрести эти изделия в большом количестве. По мнению Е. М. Алексеевой, высказанному в связи с античными городами Северного Причерноморья, «только рынки античных городов могли снабжать местное население полюбившимися ему украшениями...» [5, с. 45].

Помимо бус, значительную роль во внутренней торговле должны были выполнять ювелирные изделия, сельскохозяйственные продукты, бронзовые и железные изделия, древесный материал и др.

Во внешней торговле значительную роль должны были выполнять древесный материал, колхидский лен, железо, сталь и изделия из этого металла. Возможно, что в другие страны вывозились и украшения, изготовленные из полудрагоценного камня.

По мнению Е. М. Алексеевой, обнаруженные на памятниках Северного Причерноморья VI—V вв. до н. э. бусы из полудрагоценного камня наибольшую близость проявляют к закавказским бусам [5, с. 51]. Не исключено, что в VI в. до н. э., наряду с прочими предметами, в города Северного Причерноморья колхидскими купцами завозились бусы из сердолика, сардера и гагата. Во всяком случае, ближайшим для Северного Причерноморья пунктом Закавказья является именно Западная Грузия. Знаменательно также, что мастерские по изготовлению бус в пределах Закавказья пока что зафиксированы лишь на территории Центральной Колхиды.

Широкой известностью пользовался в странах древнего мира колхидский лен [44, с. 156], нередко конкурирующий с египетским. Поэтому в Древней Греции колхидское льняное волокно и льняные изделия пользовались повышенным спросом [8, с. 756—765; 137, с. 37, 38]. Возможно, вывозился также

и строительный материал — лес, составляющий одно из основных богатств Центральной Колхиды.

Значительным удельным весом во внешней торговле должен был обладать вывоз железа и стали. По мнению Д. А. Хахутайшвили, в эпоху раннего железа продукция железообрабатывающих мастерских вывозилась в Восточное Закавказье, страны Ближнего Востока и Средиземноморья [202, с. 218]. Возможно, причины многократных походов урартских царей против царства Колха кроются в стремлении овладеть монополией на добычу и производство железа и стали. Общеизвестен факт покорения Сардуром II столицы Колха Илдамуса, где для него был изготовлен «железный перстень» [138, с. 198, 199; 140, с. 387].

ГЛАВА III

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОЛХИДЕ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ — РАННЕГО ЖЕЛЕЗА. ВНЕШНИЕ КОНТАКТЫ

1. СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

Восстановление политической и социальной ситуации Центральной Колхиды эпохи поздней бронзы — раннего железа довольно непросто. При отсутствии соответствующих письменных источников, по справедливому замечанию Н. Д. Хахутайшвили, «мы вынуждены выискивать интересующие нас данные в недрах перемен, имевших место в хозяйстве и формах поселений» [203, с. 114].

Некоторые сведения относительно древнегрузинских объединений на юге страны — Данаени и Килхи — содержатся в ассирийских источниках. Еще в XIII в. до н. э. ассирийский царь Тукулту-Нинурта I (1245—1200 гг. до н. э.) вел агрессивную политику по отношению к «странам Верхнего моря». В XII в. до н. э. Тиглатпаласар I (1115—1077) развернул более широкомасштабную экспансию против новообразовавшихся древнегрузинских объединений Юго-Восточного Причерноморья — Данаены и Килхи [138, с. 176—186, 203—206, 216—220; 140, с. 365, 366, 371, 385—389].

В XI—IX вв. до н. э., в связи с ослаблением ассирийского царства, возникли благоприятные условия для развития грузинских племен, населявших территорию Юго-Восточного и Восточного Причерноморья. Ассирийскому царству самому приходилось вести оборонительные войны против арамейских племен, и не было возможности продолжать свою экспансию по отношению к странам, расположенным к северу [138, с. 200, 201; 140, с. 373]. Предполагают, что именно в XI—IX вв. до н. э. начинается расцвет колхидской культуры и ее широкое распространение, «... в это время Килхи превращается в мощное объединение и простирает свое влияние на обширные территории Юго-Восточного и Восточного Причерноморья. Это обстоятельство во многом способствовало сближению различных племен и формированию и укреплению культурной общности, именуемой колхидской культурой» [140, с. 371]. Это яв-

ление находит подтверждение и со стороны археологии: крайним юго-западным пунктом сферы распространения колхидских бронзовых кладов является г. Орду в Турции [77, с. 57; 145, с. 42; 221], на северо-западе граница распространения колхидской культуры проходит в окрестностях г. Сочи [31, с. 57—60, рис. 26; 87, с. 46]. Разумеется, уровень социального и политического развития общества на столь обширной территории был неодинаков. По мнению исследователей, административный центр упоминаемого в ассирийских источниках древнего грузинского объединения Килхи находился к югу от современной Западной Грузии, в бассейне р. Чорохи [138, с. 115; 139, с. 69; 140, с. 389].

По мнению Т. К. Микеладзе, упоминаемую в «Аргонавтике» Аполлония Родосского Аию следует искать в Юго-Восточном Причерноморье. Автор идентифицирует ее с упоминаемой в ассирийских источниках Дайаеной (в урартских источниках — Диаухи). Он усматривает также определенную связь между топонимами «Аиа» и «Дайани» («Дайаени») [145, с. 167]. По мнению исследователя, топонимы «Дайаени //Диаухи и Кулха использовались в разное время применительно к одному и тому же царству» [145, с. 166].

В пользу предположения о размещении древнеколхидского царства на территории Юго-Восточного Причерноморья ранее высказывался и О. Д. Лордкипанидзе [126, с. 10; 130, с. 48—51]. В работе, опубликованной в 1986 году, автор изменил свое мнение. Согласно его новому предположению, упоминаемое в ассирийско-урартских источниках и «Аргонавтике» Аполлония Родосского Колхидское царство (Килхи //Колха// Кулха; Аиа) следует искать не в Юго-Восточном Причерноморье, а в пределах Западно-Грузинской низменности: «В мифе об аргонавтах в лице страны Аиа нашло свое отражение существующее именно на территории Колхидской низменности (главной жизненной и хозяйственной артерией которой являлся бассейн р. Риони) высокоразвитое общество со своей блестящей бронзовой культурой и интенсивным земледелием. В качестве политического лидера этого общества предстает царь Аэт. Реальное политическое содержание его власти нам неизвестно. Само существование такого единоличного лидера подразумевает под собой такое общество, где уже имеются предводители отдельных общин (локальные политические лидеры), над которыми стоит единоличный правитель» [134, с. 67]. О. Д. Лордкипанидзе рассматривает вопросы экологии, производственного эффекта и демографической ситуации Колхидской низменности исследуемого времени. По его мнению, во второй половине II тысячелетия до н. э. ни в одном из регионов Причерноморья не подтверждается столь высокоразвитое общество, как на территории Колхидской низменности [134, с. 46, 68]. Именно это и является основным аргументом

автора. Обращает на себя внимание следующее замечание: «Аиэт предстает перед нами в качестве лидера земледельческой страны, т. е. страны, мощь которой основана на хозяйстве низинных районов. Его резиденция (основной политический центр страны) находится на берегу многоводной, пригодной для судоходства реки, в глубине страны. Тут же хранится золотое руно. Утверждать то же самое по отношению к стране, расположенной в бассейне р. Чороки, весьма затруднительно. Юго-Восточное Причерноморье, в основном, представляет собой гористую область, а устье реки Чороки полностью непригодно для захода лодок со стороны моря» [134, с. 46]. Привлекая данные археологии и языкознания и по-новому интерпретируя сведения урартских источников, О. Д. Лордкипанидзе пытается придать своей аргументации большую убедительность [134, с. 47—76].

Определенные трудности возникают при воссоздании картины социальной и политической жизни Центральной Колхиды в XV—IX вв. до н. э. Могильники этого периода еще не обнаружены, делать же какие-либо выводы в этом плане на основе одних лишь кладов неправомерно.

На территории Колхидской низменности нередко встречаются скопления жилых холмов. Причем, часто в таких группах выделяется один холм, доминирующий по своим размерам. Предполагают, что «.. предводитель центрального жилого холма одновременно является предводителем всего поселения, уже облеченным определенной властью. Он располагает основным правом — правом сбора населения для выполнения общественных работ (в первую очередь тех, которые требуют коллективных усилий — превращение в угодья болотистых и лесных массивов, прокладка дренажных каналов и оборонительных рвов и др.). В соответствии с этим, он располагает правом присвоения избыточного продукта и накопления в своих руках определенного богатства» [134, с. 66].

Однако археологические открытия последних лет показали, что малые холмы (Эгудзулееби), расположенные вокруг центрального холма, появляются лишь с VIII в. до н. э. Так, например, если на центральном Диха-Гудзубе Пичори человек обитает уже с эпохи ранней бронзы, древнейшие слои окружающих его малых холмов относятся лишь к VIII—VII вв. до н. э. [22, с. 47—50]. Такая же картина наблюдается и на Намчедурском поселении. Маленькие поселения вокруг этого многослойного холма появляются лишь со времени Намчедури III, соответствующего эпохе раннего железа: «Вокруг Намчедури III, особенно к северу от него, в радиусе 1 км разбросаны синхронные поселения, имеющие схожую с Намчедури III материальную культуру. Все эти поселения, по всей вероятности, группировались вокруг Намчедури и составляли крупную

общину, ведущее место в которой занимал род, расположившийся на холме Намчедури» [149, с. 15].

Неподалеку от с. Сагвичио, в междуречье р. Риони и Пичори, в радиусе 1 км обнаружены восемь жилых холмов [66, с. 30, 31], однако, ввиду того, что археологические раскопки на них еще не проводились, сказать что-либо определенное относительно их хронологческих взаимоотношений не представляется возможным. Можно привести множество примеров, однако мы решили этим ограничиться. Таким образом, основным моментом является именно хронологическое соответствие между жилыми холмами, а не только их совместное расположение.

Любопытно, что часто почти рядом встречаются два, три или более холма одинаковых размеров. В данном случае выделить жилище предводителя по размеру холма не удается. Такая ситуация наблюдается в с. Шешелети Гальского района, где в юго-западной части села, на территории чайных плантаций обнаружено два крупных жилых холма (Диха-Гудзубе). По данным предварительных разведок, оба холма заселены в эпоху раннего железа и продолжают функционировать и в античный период [19, с. 68]. В данном случае трудно установить, какой из них принадлежал главе рода. В этом помогут разобраться последующие раскопки и детальное изучение сохранившихся построек.

По мнению специалистов, жилые холмы представляют собой семейно-родовые [120, с. 173] или семейные [70, с. 360] поселения. По-видимому, памятники этого ряда представляют собой поселения сельской общины и возникают они в результате постепенного развития семейно-родовых поселений внутри рода.

Как мы уже убедились, согласно данным археологии, в XV—IX вв. до н. э. в Центральной Колхиде существование городов, локальных административных центров, крепостей и гарнизонов не находит своего подтверждения. Не обнаружены также эпиграфические памятники, подтверждающие существование письменности и др. Не содержат иностранные письменные источники также сведений относительно политической власти в Центральной Колхиде исследуемого периода.

На основе вышесказанного, мы имеем полное основание разделить мнение Г. А. Меликишвили [138, с. 200, 214; 139, с. 69; 140, с. 37] и Т. К. Микеладзе [145, с. 166—168] и считать правомерным локализацию древнеколхидского раннеклассового государства, именуемого Килхи //Колха// Кулха, на территории Юго-Восточного Причерноморья. Наше мнение по этому вопросу можно сформулировать следующим образом: 1) Ассирийско-урартские источники конца II и начала I тыс. до н. э. содержат сведения относительно древнеколхидского царства Килхи //Колха// Кулха [138; 139; 140]. 2) Сведения о древ-

неколхидском царстве Ана сохранились в «Аргонавтике» Аполлония Родосского [15; 16]. Наиболее ранние версии этой поэмы относятся именно к эпохе поздней бронзы (XIII в. до н. э.) [59; 134; 145]. 3) Под Колхидой в эпоху поздней бронзы, помимо Западной Грузии, подразумевается и Юго-Восточное Причерноморье. Поскольку факт существования древнеколхидского царства на территории Западной Грузии не подтверждается, его следует искать на территории Юго-Восточного Причерноморья. 4) Возможно, близость с Малой Азией и другими государствами Древнего Востока и их культурное влияние ускорили процесс формирования раннеклассового государства среди колхидских племен, живших на территории Юго-Восточного Причерноморья, где он протекал быстрее, чем на территории Западной Грузии.

В конце II и начале I тыс. до н. э. общество Центральной Колхиды находилось на стадии «военной демократии». Распространение однородной культуры на обширной территории указывает на существование крупных племенных союзов. Основной социальной ячейкой общества является сельская община. Члены общины селились отдельными семьями и родами на специально подобранных местах: в низинных районах — на искусственных возвышенностях, в предгорье — на естественных возвышениях и холмах. Основу экономики жителей региона составляли земледелие и высокоразвитая бронзовая металлургия. Развивались и другие отрасли хозяйства: животноводство, охота, плотничество и др.

В условиях развитого земледелия, когда производился избыточный продукт, для определенной части людей общины стало возможным заниматься различными видами ремесла (металлургией, деревообработкой, строительным делом и др.). Особо высокого мастерства достигли металлурги. Очевидно, именно их высокая квалификация и обусловила небывалый подъем бронзовой металлургии в конце II и начале I тыс. до н. э.

По мнению Г. А. Меликишвили, царство Кулха (Колха), охватывающее бассейн р. Чороки и территорию к югу от него, в VIII в. до н. э. было разгромлено киммерийскими полчищами, проникшими сюда по меотидо-колхидскому пути и осевшими в окрестностях Синопы [138, с. 222; 140, с. 392, 392; 141, с. 392]. В связи с походами киммерийцев в Азию в специальной литературе высказаны различные мнения[1], однако в дан-

[1] По мнению одной части исследователей, преследуемые скифами киммерийцы шли в Малую и Переднюю Азию меотидо-колхидским путем и, таким образом, прошли через Западную Грузию [17; 93; 114; 115; 138; 140; 191 и др.]. С точки зрения других специалистов, для своих походов киммерийцы использовали Дарьяльское и Дербентское ущелья [93; 138; 140; 145]. По мнению третьих — киммерийцы не проходили меотидо-колхид-

ном случае это не имеет существенного значения, т. к. каким бы путем ни шли киммерийцы, факт остается фактом: в VIII в. н. э. царство Кулха прекращает свое существование и более не фигурирует в исторических источниках последующего времени. Возможно, не менее значительна роль Урарту в падении царства Кулха. Известны, например, походы Сардура II в 750—748 и 747—742/41 гг. до н. э. Во время последнего Сардур смог даже овладеть столицей царства Кулха Илдамусой [138, с. 216, 217; 140, с. 387]. Возможно, против Кулхи сражались также витерухи, бидзеры, катарзы и другие горные племена, поселившиеся после падения царства на его территории [138, с. 223]. Знаменательно, что по данным греческих источников, со второй половины VIII в. до н. э. Колхида локализуется уже на территории Западной Грузии, а не в Юго-Восточном Причерноморье. С этого времени понятие «Колхида» всегда связывается с р. Фазисом (совр. Рioни), а не с р. Чороxи. Так, например, Евмелий Коринфский упоминает «Колхидскую землю», Гесиод же относит р. Фазис к числу крупнейших рек мира [130, с. 48]. Подобная локализация Колхиды не случайна, т. к. и в V в. до н. э., когда греки уже имели довольно точное представление о Западной Грузии, они по-прежнему связывают друг с другом р. Фазис и Колхиду. Геродот прямо указывает, что «от озера Маметиды до реки Фазиса и колхов 30 дней пути для легковооруженного человека...» [44, с. 75, 76].

По мнению ряда специалистов, после падения царства Кулха (Колха) его политический центр переместился с юга (бассейн р. Чороxи) в Западную Грузию [130, с. 51; 138, с. 236]. Мы разделяем мнение Г. А. Лордкипанидзе, что эта гипотеза недостаточно аргументирована [125, с. 137], т. к. на протяжении всего периода от VIII по VI в. до н. э. никаких свидетельств относительно существования царской власти в Западной Грузии не имеется.

Согласно урартским источникам, в середине VIII в. до н. э. во главе царства Кулха стоят «царь» и «наместники». Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что Сар-

---

ским путем. Они прошли через Западное Причерноморье, откуда и попали в Малую Азию (Лидия) [42; 106; 188]. По мнению этих авторов, Геродотом нигде не указано, что киммерийцами был использован меотидо-колхидский путь. Речь идет лишь о том, что кратчайшим путем от Меотиды (Азовское море) в Мидию является путь через Колхиду, и отмечается ошибка, допущенная скифами, преследовавшими киммерийцев по пятам и тем не менее не использовавшими этот кратчайший путь [145, с. 168]. Пребывание киммерийцев в Западной Грузии не подтверждается археологическими материалами [106, с. 12]. Нет никаких свидетельств о какой-либо катастрофе, имевшей место в Западной Грузии в конце VIII в. до н. э., т. к. именно в это время начинается подлинный расцвет колхидской культуры, который продолжается и впоследствии.

дур II не видит разницы между собственными наместниками и наместниками царя Кулха [140, с. 371, 388]. Таким образом, царством Кулха «правили по-царски, а не по-кашкски» [140, с. 361]. По мнению Г. А. Меликишвили, «наместники» Кухи не вожди племен, а царские чиновники, которые правят «городами царства», единоличным правителем же является царь [140, с. 388].

Вышеописанная система политического правления, существующая в царстве Кулха, по-видимому, не распространялась на Западную Грузию. В настоящее время для подобного утверждения мы не располагаем ни сведениями письменных источников, ни археологическими данными. Значительные демографические сдвиги, имеющие место в Центральной Колхиде в VIII в. до н. э. и последующее время, общее повышение социально-экономического уровня были обусловлены не каким-либо воздействием извне, а ростом местных производительных сил и интенсивным распадом родового строя. В экономическом подъеме страны значительную роль должен был сыграть переход к широкому производству железа.

По данным археологии, в VIII—VI вв. до н. э. в Центральной Колхиде городов все еще не существует, т. е. место, где мог находиться упоминаемый в урартских источниках «царь», — фактически отсутствует. Не видны также царские резиденции, предназначенные для «наместников» отдельных областей этого региона: поселения городского типа с гарнизоном, крепостью и т. п.

Экономическим центром можно считать общеколхидский рынок, который обязательно должен был существовать в VIII—VI вв. до н. э. в связи с товарными отношениями, однако трудно сказать, где именно он располагался, т. к. неизвестно, где его искать: в среднем течении р. Рионн (Вани? Кутаиси? Намарну?) или в другом месте.

В VIII—VI вв. до н. э. в Центральной Колхиде по-прежнему отсутствуют религиозные центры — храмы и святилища. Места для отправления культа следует искать на самих поселениях, как это имело место в эпоху поздней бронзы[2]. В этой связи знаменателен факт обнаружения на дюнных стоянках большого количества глиняных подставок. Так, например, только в 1974 году во время раскопок на дюнной стоянке Гудавы было выявлено более 150 подставок [214, с. 5]. В основном они напоминают изображение рогов животного. Поскольку на дру-

---

[2] Единственным таким примером служил, предположительно, холм Наохваму. По мнению А. И. Амиранашвили-Болтуновой, здесь существовало место для отправления «примитивного земледельческого культа». На это указывает деревянный пень, обнаруженный на дне северной части южного «котлована», рассматриваемый автором как остаток священного дерева [120, с. 173].

гих поселениях подобные подставки не засвидетельствованы, можно предположить, что они предназначались для какого-то особого культового церемониала, характерного исключительно для данных поселений.

С VIII в. до н. э. в Центральной Колхиде рядом с жилыми холмами появляются поселения открытого типа, поселения-производства и дюнные стоянки. Очевидно, что появление поселений нового типа должно указывать на рост производительных сил, демографические сдвиги, экономический прогресс, однако эти новые поселения, как правило, находятся в пределах общины, на ее территории и, соответственно, принадлежат общине. В VIII—VI вв. до н. э., так же как и в XV—IX вв. до н. э., село оставалось поселением хуторского типа. На небольших поселениях жили по-прежнему отдельные семьи, более крупные же (т. е. поселения, занимающие территорию площадью в 1 га и более), представляли собой родовые поселения. Очевидно также, что в это время здесь уже существовали крупные племенные союзы. На это указывает однородность высокоразвитой материальной культуры по всей территории Западной Грузии. Однако, где именно находились центры этих союзов, для нас пока еще не ясно.

Несмотря на то, что в VIII—VI вв. до н. э. в Центральной Колхиде были развиты различные отрасли ремесла, нет оснований считать, что ремесленники в это время были выделены из общины. В этом нас убеждает то обстоятельство, что в регионе нигде не засвидетельствованы места или поселения, на которых бы проживали только ремесленники. Поселения-производства (Очхомури, Нацисквилари) представляют собой крупные производственные очаги, однако на них довольно богато представлены материалы, связанные и с земледелием. Исходя из этого, можно утверждать, что в VIII—VI вв. до н. э. ремесленники и земледельцы проживают совместно и зависимы от общины. По справедливому замечанию Н. Д. Хахутайшвили, «...в эпоху раннего железа основные процессы социального развития колхидского общества протекали внутри общины и вокруг нее. В это время сельская община представляла собой основную социальную ячейку и, соответственно, основная форма собственности на производственные средства должна была быть общинной» [203, с. 122].

На могильниках Центральной Колхиды в VIII—VI вв. до н. э. представлены, в основном, погребения рядовых общинников. Имущественные различия между членами общины прослеживаются по составу погребального инвентаря. Индивидуальные погребения Урекского могильника №№ 13, 14, 26, 35, 36, 37, 38, 49, 52 и 53 содержат по одному керамическому сосуду, в то время как погребения №№ 10, 11, 15, 16, 18, 23, 31, 47, 64, 68 и 70 характеризуются сравнительным богатством инвентаря [148, с. 106—112]. Так, например, погребение № 10

содержит две бронзовые пряжки, пояс, кинжал, шейную гривну, спираль, заклепку и оселок [40, табл. XX]. В погребении № 68 обнаружены керамическая кружка и двуушный сосуд с биконическим туловом, бронзовый «сегмент», кинжал, наконечник копья и предмет, не поддающийся определению [148, табл. XXV], и т. п. Такое различие в погребальном инвентаре общинников свидетельствует об имущественном расслоении внутри данной общины. На углубление процесса имущественного и социального расслоения общества по сравнению с предшествующим периодом указывает и то, что в это время наряду с бронзовыми кладами появляются клады, в состав которых, помимо бронзовых предметов и слитков, входит значительное число золотых, латунных и серебряных украшений, золотых и серебряных слитков, сердоликовых (сардеровых) бус. Подразумеваются клады из Чубурхинджи, Носири и Парцханаканеви [6, с. 61; 116, с. 133—135; 119, с. 172—178]. Эти клады, по-видимому, являлись собственностью привилегированных членов общины.

Углублению процесса имущественного расслоения между членами общины во многом способствовало развитие хозяйственной жизни и межплеменные меновые отношения. Отношения между племенами, заселяющими обширную территорию, входящую в ареал распространения однородной колхидской культуры, были не всегда мирными. Нередки были и военные действия со стороны врагов. На это указывает присутствие в коллективных и индивидуальных погребениях региона эпохи раннего железа огромного количества бронзового и железного боевого оружия (кинжалы, наконечники стрел и копий, умбоны и др.) [57, с. 30; 148, с. 30—46, 78—81; 165, с. 104—108]. Очевидно, в связи с возросшей военной опасностью с этого времени появляются укрепленные поселения, такие, как Намарну [67, с. 50, 51; 154, с. 34] и Намчедури [149, с. 20, 21]. Возможно, традиция закапывания кладов в известной мере вызвана опасностью вражеских набегов.

По справедливому замечанию Г. А. Меликишвили, «в эпоху разложения первобытнообщинного строя, в период «военной демократии», характерной для населения значительной части Грузии в эпоху поздней бронзы, особенно частыми становятся столкновения между отдельными родоплеменными коллективами... В обстановке постоянных войн с соседними племенами сильно увеличивается, конечно, удельный вес военачальников — родовых старейшин, племенных вождей. Процесс выделения военно-родовой знати, начавшийся еще раньше, в этот период продвигается вперед очень быстрыми темпами... в эту эпоху наблюдается уже довольно резкое имущественное различие между членами общества. Богатые погребения, встречающиеся на могильниках этого периода, являются, по всей вероятности, захоронениями представителей родовой знати, все

более и более резко выделявшейся из основной массы народа» [138, с. 196, 197]. Каждое племя должно было иметь свою родовую верхушку. Родовая знать, как видно, располагала правом превращения плененных, захваченных во время военных операций, в рабов. Во всяком случае, в «Аргонавтике» Аполлония Родосского использованы термины: «служанка», «пленный», «раб» [16, с. 124, 125]. Однако, очевидно, основную часть общества составляли не «слуги» и «рабы», а свободные общинники, упоминаемые в поэме под именем «колхов» [16, с. 122]. Изучению колхидского общества второй половины II и первой половины I тыс. до н. э. в свете сведений Аполлония Родосского посвятил свое исследование Т. К. Микеладзе, поэтому здесь мы не будем подробно касаться этого вопроса [145, с. 150—162]. В руках родовой знати должен был накопляться «избыточный продукт», создаваемый руками рядовых общинников. По сравнению с остальными членами общины они должны были пользоваться особыми правами и привилегиями: им принадлежало право объявления войны, созыва войска, управления сельскохозяйственными работами и ремесленным производством, решения судьбы членов общины и т. д.

Таким образом, в VIII—VI вв. до н. э. в Центральной Колхиде интенсивно протекает процесс разложения родового строя и закладываются основы классового неравенства. Уже к концу VI в. до н. э. здесь возникает раннеклассовое государство [138, с. 236]. Выше мы уже ознакомились с процессом разложения родового общества Центральной Колхиды в эпоху раннего железа, рассмотрение же социально-политических вопросов Колхидского царства раннеантичной эпохи выходит за рамки нашего исследования.

2. ВНЕШНИЕ КОНТАКТЫ

Выявленные на центральноколхидских памятниках эпохи поздней бронзы — раннего железа материалы содержат достаточную информацию по взаимоотношениям региона с внешним миром. Среди них встречаются предметы, попавшие сюда как в результате торгово-экономических контактов, так и военных операций.

Контакты Центральной Колхиды с Северным Причерноморьем наблюдаются по крайней мере с VII в. до н. э. В регионе обнаружены такие характерные для скифской культуры предметы, как акинаки и наконечники стрел. При этом отсутствуют не менее характерные для той же культуры части конской сбруи (уздечки и псалии) и топоры.

На могильниках Центральной Колхиды в основном засвидетельствованы акинаки первого типа по классификации А. И. Мелюковой [142, с. 47—51]. Это акинаки с планковидным и бабочковидным перекрестьем. Семь аналогичных пред-

метов обнаружены на могильнике Нигвзиани [148, с. 80], по три экземпляра — на могильниках Эргета и Палури [18, с. 37, 39] и один на могильнике Мерхеули [18, с. 34].

На могильниках Центральной Колхиды скифские акинаки и наконечники стрел встречаются в весьма ограниченном количестве и всегда в сопровождении колхидского оружия. Этот факт подтверждает правомерность мнения Т. К. Микеладзе и Р. И. Папуашвили, согласно которому присутствие этого оружия в Центральной Колхиде исключает существование чуждых элементов, и эти предметы попадают сюда в результате торговых контактов [148, с. 42; 167, с. 27]. В Колхиде акинаки и скифские наконечники стрел встречаются лишь в погребениях их владельцев.

Нередко те или иные завозные предметы находили здесь широкое распространение и впоследствии налаживалось их местное производство, причем в этом случае им придавался «колхидский» облик. О. М. Джапаридзе показал, что один из видов плоского топора, приближающийся ко II типу его классификации и характеризующийся рядом особенностей (форма края, размер рукояти и др.), проникает в Колхиду в эпоху поздней бронзы из Малой Азии [82, с. 296—298, рис. 3, 9, 11]. То же самое можно сказать и относительно черенковых бронзовых наконечников стрел. Следует отметить, что близкие по форме к колхидским черенковым наконечникам стрел эпохи раннего железа наконечники встречаются на территории Малой Азии значительно раньше. Подобный наконечник стрелы изображен на одном из рельефов Аладжа-Гуюка, датированного XIV—XIII вв. до н. э. [148, с. 43].

На связи Центральной Колхиды с Восточной Грузией и Передней Азией указывают обнаруженные на Урекском могильнике псалии в форме колеса арбы, оформленные четырьмя симметричными сквозными отверстиями. По справедливому замечанию Т. К. Микеладзе, этот предмет проявляет тесную близость с псалиями Квемо-Сасирети (Внутренняя Картли) и Тель-Амарна [148, с. 46]. Псалии данного типа встречаются в Передней Азии и Южной Грузии значительно раньше (XIII—XII вв. до н. э.), чем на территории Центральной Колхиды. Поэтому есть основания предполагать, что предметы этого ряда проникают из Передней Азии сначала в Восточную Грузию, а затем в Центральную Колхиду, где продолжают бытовать значительно дольше.

Среди бронзовых фибул специалисты выделяют три основных типа: дуговидные, пиявковидные и спиралевидные с другой [33, с. 29, 32]. На колхидских памятниках встречаются все перечисленные типы. Они засвидетельствованы в составе инвентаря могильников эпохи раннего железа и бронзовых кладов. По мнению одной группы исследователей, прототипами колхидских фибул являются «субмикенские» фибулы,

распространившиеся в Колхиде из Греции [33, с. 32; 115, с. 103; 118, с. 316; 126, с. 22, 23; 162, с. 202—227]. Другие считают, что прототипами для них следует считать фибулы, распространенные на территории Италии [33, с. 29, 32, 33]. Оригинальное предположение высказывает по этому поводу Б. В. Техов. По его мнению, дуговидные фибулы появляются на Кавказе и затем, в XII—XI вв. до н. э., проникают в Грецию [189, с. 144—147]. Мнение Б. В. Техова разделяет и Г. К. Шамба [214, с. 40—41]. В последнее время Ю. Н. Вороновым было высказано предположение, согласно которому «...в генезисе кавказских дуговидных фибул основную роль сыграли европейские, в первую очередь греческие и итальянские фибулы, образовавшие на Кавказе свой локальный, северо-восточный вариант» [33, с. 32].

Несмотря на определенное внимание со стороны исследователей, многое в этом вопросе остается неясным. Так, например, суждения авторов о путях распространения фибул на Кавказе недостаточно убедительны. Нет оснований утверждать, что они распространяются здесь именно из Восточного Средиземноморья; несколько искусственной выглядит попытка распространения датировок средиземноморских фибул на соответствующие материалы Кавказа. Для того чтобы признать европейское происхождение кавказских фибул, требуется более полное освещение кавказско-европейских связей, изучение целого ряда комплексов. Для окончательного решения этого вопроса недостаточно изучение одних лишь фибул.

В Центральную Колхиду в большом количестве поступала греческая посуда. Наиболее ранние образцы этой посуды обнаружены на холме Симагре (середина VI в до н. э.) [147, с. 68]. Аттический краснофигурный килик из Ванского городища датирован третьей четвертью VI в. до н. э. [131, с. 8]. Со второй половины VI в. до н. э., по крайней мере, налажено производство колхидских амфор по греческим образцам. Об этом свидетельствуют факты находок днищ подобных амфор на поселениях-производствах Очхомури и Нацисквилари. Кувшины с трубчатой ручкой, широко распространившиеся на всей территории Колхиды с VI в. до н. э., изготовлены, по-видимому, в подражание схожих сосудов ахеменидского Ирана [34, с. 17].

О наличии связей с Урарту свидетельствует бронзовый колокольчик с Мухурчского могильника [218, табл. 23], почти полностью идентифицирующийся с аналогичным предметом из Тейшебайни. На последнем имеется надпись: «Из арсенала царя Сардуры». Колокольчик имеет коническую форму и украшен шестью сквозными отверстиями [169, табл. 58].

Выявленная на территории Центральной Колхиды керамика находит много общего с соответствующим материалом из

Восточной Грузии (Шида-Картли: Тли, Уплисцихе, Катланан-схеви, Нацаргора, Мцхета-Самтавро) [203, рис. 19]. Очевидно, черноглиняные миски с ровными бортами, черноглиняные «банки» с желобчатым горлышком и крупные или средних размеров сосуды с желобками на плечиках или тулове проникают в Колхиду из ареала распространения «восточногрузинской» культуры [55, с. 31]. В свою очередь, в Восточную Грузию проникают формы и признаки, характерные для колхидской посуды. На упомянутых памятниках Восточной Грузии засвидетельствованы сосуды с зооморфными ушками и ушками в виде «грудки птицы», с узкими каннелюрами на тулове и др. Эти контакты более четко прослеживаются на бронзовом материале. Полностью идентичны бронзовые топоры, кольца, шейные гривны, крючки, булавки, фибулы, пинцеты, цепочки и прочие предметы с могильника Тли [192; 193; 194]и могильников Центральной Колхиды. То же самое касается и бус из полудрагоценного камня. Взаимоотношения Колхиды с Шида-Картли (Тли) и кобанской культурой представляют собой предмет отдельного исследования.

Таким образом, племена Центральной Колхиды были вовлечены в широкие контакты с народами Малой и Передней Азии, Урарту, Ахеменидского Ирана, Восточного Средиземноморья, Северного Причерноморья и Северного Кавказа.

ГЛАВА IV

К ВОПРОСУ ХРОНОЛОГИИ — ПЕРИОДИЗАЦИИ ПАМЯТНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОЛХИДЫ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ — РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Первые попытки датировки отдельных памятников колхидской культуры предприняты в работах В. И. Стражева, А. А. Лукина, М. М. Иващенко и А. А. Иессена. В 1926 году В. И. Стражевым были опубликованы памятники колхидской культуры из Абхазии (Лабрский клад, погребение из с. Приморское, материалы Эшерского «кургана» (кромлеха), некоторые случайные находки) и отнесены к числу памятников, синхронных кобанской культуре [185, с. 109]. В 1930 году А. А. Лукиным в с. Эшера было обнаружено погребение, датировка которого, по его мнению, «соответствует древнейшему горизонту Кобани» [135, с. 38]. В 1930 году М. М. Иващенко в Нижней Эшере раскопал кувшинное погребение (грунтовое погребение). Автор датирует это погребение временем, соответствующим периоду разложения родового строя, т. е. последнему этапу кобанской культуры [95, с. 78, 79].

А. А. Иессен выделил в развитии кавказской бронзовой индустрии три этапа. К эпохе поздней бронзы он относит III этап и датирует его концом II и началом I тыс. до н. э. [97, с. 111]. К этому времени автор относит известный Кобанский могильник, Закавказские курганы и грунтовые погребения (Редькин-Лагер, Кедабеги, Элен-Эндорф и др.) [97, с. 77]. В этот же период вмещаются и колхидские бронзовые клады. Перечислено 24 клада, в том числе и клады, обнаруженные на территории центральной Колхиды (Хеттский, Махарийский, Джварский, Сабериоский, Чубурхинджский, Багдадский и Обшетский) [97, с. 124—127]

Г. К. Ниорадзе датировал Сасиретский клад [220, с. 97], погребение Гомны [164, с. 211], Земо-Авчальскую могилу и погребения № 208 и 260 Самтаврского могильника [162, с. 202] XIII в. до н. э. В каждом из этих комплексов встречаются единичные предметы, относящиеся к колхидской культуре. Так, в погребениях из Самтавро обнаружено три колхидских топора, по одному колхидскому топору встречается в Сасиретском кладе, погребениях Гомны и Земо-Авчала. Поскольку в указанных комплексах оружие, характерное для колхидской куль-

туры, присутствует, и, поскольку эти комплексы датируются XIII в. до н. э., следует полагать, что колхидская культура в это время уже существует [77, с. 83; 82, с. 299, 300].

В этой связи обращает на себя внимание погребение № 11 Бешташенского могильника, раскопанное в Триалети Б. А. Куфтиным, в состав инвентаря которого входит колхидский топор. Погребение датировано автором XII—XI вв. до н. э. [116, с. 68]. По его мнению, форма колхидского топора окончательно сформировалась на рубеже II—I тыс. до н. э. [118, с. 72], период же расцвета колхидской культуры, по его мнению, совпадает с т. н. «урартским периодом» [117, с. 27].

Фактически впервые вопроса датировки колхидской культуры коснулся О. М. Джапаридзе. В работах, опубликованных в 1950 и 1953 гг., автор датировал эту культуру XIII—VIII вв. до н. э. [77, с. 85; 82, с. 300]. В публикации за 1982 год О. М. Джапаридзе изменил предложенную ранее датировку и в свете новейших открытий определил хронологические рамки для эпохи поздней бронзы серединой II тыс. и концом VII в. до н. э. [86, с. 61].

В «Археологии Грузии», изданной в 1959 г., Г. Ф. Гобеджишвили датировал период поздней бронзы — раннего железа XIII—VI вв. до н. э. [47, с. 155]. Впоследствии в «Очерках истории Грузии» (т. I, 1970 г.) хронологические рамки указанной эпохи были определены им в пределах XV—XIV и конца VII вв. до н. э. [51, с. 253].

Г. А. Меликишвили началом поздней бронзы считает XV—XIV вв. до н. э. По его мнению, «этим достигается синхронность с соседней и, бесспорно, близкой по культуре Малой Азией, где точкой отсчета для позднебронзовой эпохи является 1600 г. ...» [139, с. 78].

Основываясь на материалах колхидских бронзовых кладов, Д. Л. Коридзе определяет начало и конец колхидской культуры соответственно XVI и VII вв. до н. э. [110, с. 11—47, 61]. В основном разделяя предложенную Д. Л. Коридзе хронологическую схему, А. Т. Рамишвили в качестве верхнего хронологического предела для кладов позднейшего времени, обнаруженных в Юго-Западной Колхиде, предлагает VIII в. до н. э. [174, с. 88].

Т. К. Микеладзе, опираясь на комплексное изучение керамического и металлического материала Колхиды с одной стороны, и на колхидские бронзовые предметы, обнаруженные на памятниках Малой Азии (Алишар, Богаз-Кей, Иазиликана) — с другой, определил начало колхидской культуры XV в. до н. э. [145, с. 46, табл. XXIV]. В этой связи особое значение имеет факт обнаружения некоторых бронзовых предметов (плоский топор, колхидский топор, сегментовидное орудие) на упомянутых хорошо стратифицированных хеттских памятниках. Конец позднебронзовой колхидской культуры, по мнению Т. К.

Микеладзе, приходится на середину VI в. до н. э. [145, табл. XXIV].

В качестве хронологических рамок для периода оформления графическим декором памятников художественного ремесла колхидской и кобанской культур Л. Н. Панцхава предложены конец IX в. и начало VI в. до н. э. [166, с. 54—82].

Ю. Н. Воронов в своей докторской диссертации «Восточное Причерноморье в железном веке» наряду с прочими вопросами касается некоторых аспектов датировки колхидской и кобанской культур. По его мнению, кавказские фибулы, могильники Тли, Самтавро и Абхазии эпохи раннего железа позволяют датировать колхидско-кобанские древности периода гравированного орнамента в основном VIII—VII вв. до н. э. [34, с. 4—9].

Таким образом, хронологические рамки колхидской культуры определяются большинством исследователей в пределах середины II тыс. до н. э. и VII — середины VI в. до н. э.

Тем не менее остается невыясненной продолжительность позднебронзовой эпохи в той или иной области Колхиды, а также существуют ли хронологические различия для начала эпохи раннего железа в различных областях или это явление единовременное. Кроме того, немало неясностей связано и с датировкой верхнего предела эпохи поздней бронзы — раннего железа: одна часть исследователей считает таковым VIII в. до н. э. , другая — VII в. до н. э., третья — середину VI в. до н. э.

В настоящее время в специальной литературе преимущество отдается мнению, согласно которому формирование колхидской культуры происходило на территории причерноморской полосы Колхиды, точнее, в ее юго-западной части [86, с. 63; 97, с. 156, 157; 110, с. 122—125; 174, с. 106; 145, с. 47; 203, с. 57, 118, 119; 208, с. 60]. Сторонники этой гипотезы отмечают, что именно в Юго-Западном Причерноморье Колхиды обнаружены наиболее ранние клады начального этапа колхидской культуры, в большом количестве подтверждаются прототипы для колхидских топоров и мотыг. Более того, отмечается, что «...только здесь подтверждается в целом тот феномен, который мы именуем колхидской бронзой со всеми своими основными элементами (колхидский топор, плоский топор, цалди, мотыги, сегментовидные орудия и кельтовидное орудие с вертикальным отверстием), объединяющимися тесными формально-типологическими связями» [145, с. 47].

Резко разграничивают в своих работах месторасположения центров по добыванию медной руды и металлообрабатывающих мастерских в эпоху поздней бронзы А. А. Иессен [97, с. 157], Г. Ф. Гобеджишвили, О. М. Джапаридзе [47, с. 141], Д. Л. Коридзе [110, с. 122], А. Т. Рамишвили [174, с. 103, 104], О. Д. Лордкипанидзе [134, с. 54, 55] и др. Так, по мнению Г. Ф. Го-

беджишвили и О. М. Джапаридзе, «связь между ремесленными центрами и центрами горнорудного производства, наблюдаемая вплоть до эпохи средней бронзы, в это время в основном нарушена... центры производства не всегда совпадают со сталелитейными, т. к. с развитием транспортных средств и широким распространением знаний в области обработки металла начинается вывоз металла в виде слитков и затем их обработка на местах» [47, с. 141].

В монографии О. Д. Лордкипанидзе «Аргонавтика и древняя Колхида», опубликованной в 1986 г., автором высказано мнение, что отмежевание центров добычи металла (руды) и металлолитейных мастерских позволяет предполагать, что «родиной колхидской бронзовой культуры следует считать не горные области Колхиды, в частности бассейн р. Чорохи и области, богатые рудой, а Колхидскую низменность! При этом есть основания утверждать, что основные виды колхидских бронзовых предметов, определяющиеся местным характером хозяйства, появляются почти одновременно по всей территории Колхидской низменности. Наглядным свидетельством тому служит генезис одного из определяющих элементов колхидской бронзовой культуры — колхидского топора, первоначальный ареал его хронологического и территориального распространения» [134, с. 55].

Приведенные здесь суждения О. Д. Лордкипанидзе открывают широкие перспективы в плане выяснения места зарождения и возникновения колхидской бронзовой культуры. На примере Центральной Колхиды мы попытались рассмотреть все те данные, которые существуют на сегодняшний день вокруг этого вопроса, и получили интересные результаты. Тем самым, мы фактически разделяем мнение О. Д. Лордкипанидзе и, с другой стороны, подкрепляем его новыми данными.

Одним из основных аргументов в пользу того предположения, согласно которому родиной колхидской культуры считается территория между реками Чорохи и Супса, является то, что в состав местных ранних кладов этой культуры входят прототипы для колхидских топоров и мотыг, их наиболее ранние образцы и предшественники [47, с. 147, 86, с. 63—67; 174, с. 106; 145, с. 47; 203, с. 57, 118, 119]. В качестве контраргумента служат факты обнаружения ранних кладов колхидской бронзовой культуры и в других районах Центральной Колхиды (Гали, Мужава, Диди Чкони) [196, с. 169—174]. Ранние комплексы обнаружены также и в Северо-западной Колхиде (Гагра, Пиленково, Пицунда, Лыхны) [110, с. 132—135]. Кроме того, в последнее время на территории Северо-Западной и Северной Колхиды участились случаи находок древних выработок меди, на основе чего здесь выделяются все новые и новые очаги по добыче медной руды (Аденьг, Башкапсара, Зааргаш, Гебы и др. [26, с. 7—9; 52, с. 441—443; 159, с. 10, 11; 211, с. 158—

166]. Следует отметить также, что трубчатообушные топоры, предшествующие колхидским топорам и датирующиеся ранним этапом эпохи бронзы, в настоящее время появляются и в северных районах Центральной Колхиды. До 30 керамических литейных форм этих топоров засвидетельствовано в VIII слое центрального Диха-Гудзубе с. Пичори [23, с. 21; 88, табл. 1]. Ранее подобный топор был обнаружен в нижнем слое Диха-Гудзубе I с. Анаклия. Предмет хранится в Зугдидском историческом музее (табл. CIX, 1)[1].

В Центральной и Северо-Западной Колхиде в большом количестве обнаружены прототипы II типа топоров с прановным обухом. В этой связи обращают на себя внимание непосредственный предшественник бронзового топора II типа, хранящийся в Зугдидском музее[2] (табл. CIX, 3) и топор II типа с круглым отверстием из клада, обнаруженного в с. Мужава в 1928 г.[3] (табл. CIX, 5). Круглым отверстием характеризуются образцы раннего этапа колхидской культуры. В позднебронзовую эпоху же колхидские топоры имеют овальное отверстие, представляющее собой развитую форму этого элемента [77, с. 47]. К числу разновидностей ранних топоров I типа относится, по нашему мнению, топор, входящий в состав клада из Дидн-Чкони, обнаруженного случайно в 1984 г. Предмет хранится в Мартвильском музее (табл. CIX, 4). Прототипы и непосредственные предшественники топоров II типа в большом количестве засвидетельствованы в кладах из Гали [196, табл. VII], Гагра, Пиленково, Пицунды, Лыхны, Сухумской горы и т. д. [110, табл. V]. Что же касается топоров I типа с клиновидными обухами, то их прототипы и непосредственные предшественники обнаружены как в Юго-Западной (Эрге, Чорохи, Махо, Дидачара) [174, табл. II, V, XXXIII, XXXIV], так и в кладах Центральной (Пичвнари, Кобулети, Уреки, Очамчире) [174, табл. XIII, XIX, XX; 196, табл. IX] и Северо-Западной Колхиды (Пицунда, Пиленково, Гагра) [110, табл. V, 1, 6, 7, 8].

До последнего времени топоры с изогнутым корпусом III типа с гравированным орнаментом происходили лишь с Северо-Западной и Северной Колхиды, Тли и Кобани (Верхнекобанский могильник, могильники Фаскау, Галиати и др.) [110, с. 68, 69; 192; 193; 194; 199; 211, табл. XXI]. Раскопки последних лет выявили предметы данной категории и на территории Центральной Колхиды — на могильниках Мухурча и Дзваба [57, рис. 1; 218, табл. 25] (табл. CXIV, 1, 2).

Родиной колхидских мотыг принято считать Юго-Западную Колхиду. Выделяют три основных типа колхидских мотыг (по классификации Д. Л. Коридзе). Тип I составляют мотыги

---

[1] ЗИМ, арх. № 182.

[2] Там же , арх. № 83/5427.

[3] Там же, арх. № 49.

с треугольным краем и прямым туловом, тип II — мотыги с прямым или согнутым туловом и широким рабочим краем, тип III — мотыги небольшого размера, трапециевидной формы [110, с. 80—85].

Древнейшие образцы мотыг типа I засвидетельствованы в составе Урекского клада (XVIII—XVI вв. до н. э.). Предметы данной категории продолжают бытовать и в XIII—XII вв. до н. э.: в Зенитском кладе мотыги этого типа встречаются с мотыгами с широким рабочим краем [110, с. 16, 17, рис. 7, 8; 174, с. 20—22, табл. XIV]. После XIII в. до н. э. мотыги с треугольным рабочим краем полностью вытесняются мотыгами II и III типа, впервые появляющимися именно в комплексах XIII—XII вв. до н. э. (клады Зенити, Парцханаканеви и др.) [110; 174].

До последнего времени считалось, что мотыги с треугольным краем распространены исключительно в южных районах Центральной Колхиды (клады Зенити, Уреки, Мелекедури, Шрома и др.) и что именно эта область является родиной предметов данного типа [110, с. 80—82]. Сегодня есть все основания для опровержения этого мнения, т. к. в культурном слое эпохи средней бронзы Пичорского Диха-Гудзубе обнаружено пять мотыг т. н. «урекского типа», а также их керамическая литейная форма [23, с. 21; 89, с. 69]. Знаменателен также факт обнаружения двух керамических литейных форм для бронзовых мотыг в слое среднебронзовой эпохи Анаклийского Диха-Гудзубе II [153, с. 44].

Как выяснилось, в конце среднебронзовой и начале позднебронзовой эпох (XVI—XIV вв. до н. э.) на территории Центральной Колхиды помимо тяжелых мотыг использовались удлиненные мотыги с листовидной рабочей частью. Два таких предмета входят в состав Мужавского клада[4] (табл. CIX, 6, 7). В этом же комплексе присутствует топор II типа с круглым отверстием и граненным обухом, представляющий собой древнейшую форму топоров этого типа и соответствующий начальному этапу позднебронзовой эпохи. К этому же времени относятся и мотыги с листовидной лопастной частью. В колхидских комплексах XIII—XII вв. такие мотыги уже не встречаются. С этого времени доминирующее положение здесь занимают мотыги II и III типа. Мотыги, обнаруженные в Сванети (Чубери, Худони), Ш. Г. Чартолани относит к началу эпохи поздней бронзы [211, с. 100—103, табл. XXVII, 1—3].

На основе приведенных примеров есть основания определить период бытования мотыг листовидной формы начальным этапом позднебронзовой эпохи. К этому же времени, по

---

[4] ЗИМ. $\frac{\text{арх. 79}}{5423}$, $\frac{\text{арх. 81}}{5425}$

нашему мнению, следует относить и Мужавский клад (XVI—XIV вв. до н. э.).

Как мы уже убедились, в настоящее время нет оснований для ограничения первоначального ареала распространения колхидских топоров и мотыг юго-западными областями Колхиды. По-видимому, процесс формирования колхидских топоров и мотыг протекал в низинных районах Колхиды: спрос на земледельческие орудия труда в зоне земледелия ставился на повестку дня самим характером хозяйства.

Трудно также согласиться с мнением, что один из наиболее характерных элементов колхидской культуры — «сегменты» — ведет свое происхождение из Юго-Западной Колхиды. Наиболее ранним кладом, в состав которого входят сегментовидные орудия, является Парцханаканевский клад (XIV—XIII вв. до н. э. [110, с. 14, 16, рис. 4]. В Юго-Западной Колхиде же они впервые появляются лишь в XII—XI вв. до н. э. (Цихисдзири-Самебский клад, Артвинский клад) [110, с. 20, 23].

Цалди, которые ранее считались характерным элементом для комплексов Юго-Западной Колхиды [110, с. 95; 174, с. 70], в настоящее время обнаружены и на территории Центральной Колхиды. Так, например, засвидетельствован факт обнаружения этого орудия в среднем слое Даблагомского Нацихвара [120, табл. 11, 7], в составе Зенитского клада [110, с. 24] и др. При этом, не исключается возможность, что топоры с вертикальным отверстием и топоры-сечки (цул-сакапи) действительно представляют собой одну из локальных особенностей Юго-Западной Колхиды, т. к. предметы этого ряда в других областях Западной Грузии не засвидетельствованы [174, с. 71—73]. Небезынтересно отметить, что топоры с вертикальным отверстием севернее реки Чаквисцкали не обнаружены. Они встречаются в Чаисубанском, Гантиадском и Артвинском кладах [174, табл. VI, 7; VII, 1; XXX, 1, 3]. Разновидностью цул-сакапи можно считать группу бронзовых и железных ножей, обнаруженных на разных памятниках Центральной Колхиды. Так, согнутые железные ножи Нигвзиани и Палури вполне могли выполнять функцию упомянутых орудий [148, с. 78, табл. XXXIII, XLI, XVLIII; 165, с. 109, табл. XIII]. То же самое можно сказать и в отношении бронзового ножа с холма Симагре [147, табл. XXXVII].

Таким образом, в XVI—XV вв. до н. э., на рубеже среднебронзовой и позднебронзовой культур в низинных областях Колхиды формируется т. н. колхидская культура позднебронзовой эпохи. К концу XIV в. до н. э. она имеет уже вполне законченный облик [145, с. 60]. И лишь после этого появляются комплексы (клады), в составе которых одновременно представлены все компоненты колхидской бронзы.

Конец II тыс. и начало I тыс до н. э. является периодом расцвета бронзовой металлургии на территории Центральной Колхиды. На это указывает значительный рост количества бронзовых кладов. К этому периоду относятся клады из Опшквити (XII—XI вв. до н. э.), Вакиджвари (XII—XI вв. до н. э.), Шрома (XII—XI вв. до н. э.), Зенити (XII—XI вв. до н. э.), Макванети (XII—XI вв. до н. э.), Земо-Симонети (XII—XI вв. до н. э.), Гоголейсубани (XII—XI вв. до н. э.), Махариа (XII—XI вв. до н. э.), Дгнориса (рубеж II—I тыс. до н. э.), Гагилони (XII—XI вв. до н. э.), Гали (XII—XI вв. до н. э.), Лекумхара (Пирвели-Гали) (XI—X вв. до н. э.), Лесничине (X—VIII вв. до н. э.), Оджола (X—VIII вв. до н. э.), Джвари (X—VIII вв. до н. э.) и Дгнориса (X—VII вв. до н. э.), [9, с. 47; 10, с. 655; 110, с. 23—40]. К XII—XI вв. до н. э. следует относить и клад из Нога, в состав которого входит колхидский топор, проявляющий тесную близость с колхидскими топорами I подтипа, являющимися одним из компонентов кладов указанной эпохи. Этим же периодом должен датироваться и клад из Эчачуе, известный нам по топору I подтипа и обуху аналогичного топора. Оба этих предмета проявляют близость к топорам I подтипа из кладов конца II тыс. до н. э. (табл. CIV (B), 1, 2).

При датировке кладов особое значение приобретают колхидские топоры, т. к. бронзовые мотыги и сегментовидные орудия на протяжении всего существования характеризуются консервативностью форм. Более того, форма мотыги колхидской культуры настолько совершенна, что практически не отличается от формы мотыг, зафиксированных в этнографической действительности Грузии. Поэтому не случайно, что в эпоху раннего железа формы характерных для колхидской бронзовой культуры колхидских топоров, мотыг, «сегментов», плоских топоров и т. д. без изменений переходят в железо. Многочисленные примеры тому засвидетельствованы в материалах Уреки [148, с. 24—29, 33, 34], Палури [165, с. 108—110] и других могильников эпохи раннего железа.

Разграничение топоров XVI—XIV и XIII—XI вв. до н. э. не составляет особой сложности. На топорах из кладов XVI—XV вв. до н .э. (Пиленково, Гагра, Пицунда, Эрге, Чороxи и др.) еще не вполне сформированы признаки, характерные для колхидских топоров. Они предстают в качестве переходных форм от прототипов к полностью сформировавшимся образцам. Таковыми являются, к примеру, пицундские топоры I и II подтипов. Топор I подтипа имеет выступ на обухе более короткий, чем на колхидских топорах I подтипа. Проушина в нижней части отверстия отсутствует. Тулово более массивное [110, табл. V, 1]. Пицундский топор II подтипа характеризуется массивностью, приземистостью, округло асимметричным краем и проявляет сходство с топорами II подтипа лишь по

некоторым признакам — по форме лба и тулова [110, табл. V, 3]. То же самое можно сказать относительно топоров I подтипа из Пиленково, Махунцети, Уреки и других памятников этого времени.

В XV—XIV вв. до н. э. топоры I и II подтипов в основном уже носят признаки колхидского топора, однако вполне очевидно, что они представляют собой архаичную форму предметов данной категории. Таким является, например, топор из коллекции Зугдидского музея (табл. CIX, 3). На нем пока еще отсутствуют такие характерные элементы, как выделенный от отверстия горлышком граненный обух, каннелюры на наружной стене отверстия, прямая лобная часть, овальное отверстие для рукоятки, округло-асимметричный рабочий край, наблюдается тенденция к шестигранности тулова. Этот предмет должен датироваться временем не позднее XV—XIV вв. до н. э.

Таким образом, к концу XIV в. до н. э. основная форма топоров I и II подтипов уже сформирована. В кладах XIII—XI вв. до н. э. встречаются именно такие топоры. На рубеже II—I тыс. до н. э. в Центральной Колхиде создаются новые, более развитые формы колхидских топоров: от топоров I подтипа производится I тип и от II подтипа — топоры II типа. В кладах X—IX вв. до н. э. топоры I — II подтипов уже почти не встречаются. Их место занимают топоры I и II типов. Тем не менее, как известно, «колхидская культура очень долго хранит древнейшие традиции, особенно обычаи, утвердившиеся в быту» [56, с. 78]. В силу этих обстоятельств архаичные элементы как в керамике, так и бронзовом инвентаре могут сохраняться вплоть до VII—VI вв. до н. э. Так, например, в составе Очхомурского клада засвидетельствованы топоры I типа. Однако на двух из них присутствует один из характерных элементов топоров I подтипа — выступающий вниз проух (табл. XXVI, 1, 2). Следовательно, в ряде случаев некоторые признаки топоров раннего периода могут сохраняться в виде отдельных элементов на топорах развитого типа более позднего времени. Иногда в комплексах VIII—VI вв. до н. э. встречаются наконечники копий и кинжалы конца II тыс. до н. э. Примером тому служат все те же Очхомурский клад, Палурский могильник и др. (табл. XXV, 15, 16). В данном случае мы имеем дело с оживлением древней традиции. Неоднократно зафиксированы случаи присутствия отдельных предметов раннего времени в поздних комплексах. Это явление может объясняться традиционностью культуры, накоплением кладов в течение столетий и т. д.

В кладах X—IX вв. до н. э. Центральной Колхиды железные предметы не засвидетельствованы, в то время как в кладах VII—VI вв. до н. э. они довольно часто присутствуют. Кроме того, в кладах VIII—VI вв. до н. э. появляются предметы, характерные для синхронных могильников: фибулы, спира-

ли, шейные гривны, ножи и др. Встречаются также сердоликовые и сардеровые бусы, иногда золотые и серебряные украшения, как, например, в кладах из Парцханаканеви, Носири и Чубурхинджи [6; 38; 116].

VIII—VII вв. до н. э. датируются клады Курзу [110, с. 44] и Бзвани [209, с. 150, 151], в состав инвентаря которых, наряду с бронзовыми изделиями, входят и железные. К этому же времени относится, по-видимому, и клад из с. Рачха, содержащий в своем составе бронзовое кольцо, находящее прямые аналоги с кольцами могильников Центральной Колхиды VII—VI вв. до н. э. (табл. CVII, 3). Дата Квибийского клада, в состав которого входит бронзовый топор I типа с низким рабочим краем и одиннадцать железных трубчатообушных топоров с коротким туловом (табл. CIV (с), 1—3), может быть определена концом VII и началом VI в. до н. э. В основе подобной датировки лежит тот факт, что железные топоры на территории Центральной Колхиды впервые появляются лишь в VII в. до н. э. [148, с. 34]. Трудно датировать Речхский клад, так как он известен лишь двумя бронзовыми колхидскими топорами I типа (табл. CVIII, 1, 2). Они находят близкие аналогии с топорами Урекского (Капровинского) клада [110, рис. 36], третьего коллективного погребения Урекского могильника [148, табл. 10] и др., которые датированы VIII—VII вв. до н. э. [110, с. 43; 148, с. 90]. Исходя из этого, Речхский клад условно можно датировать VIII—VII вв. до н. э.

Некоторого уточнения требует датировка клада, обнаруженного в с. Джвари в 1903 г. В состав клада входят колхидский топор II типа, трубковидная спираль и фибула с утолщенной дугой [97, с. 125, рис. 17]. Д. Л. Коридзе в качестве даты для данного комплекса предложены X—VIII вв. до н. э. [110, с. 32, 33]. Могильники начала I тыс. до н. э. на территории Центральной Колхиды пока неизвестны. Самые ранние из обнаруженных здесь могильников датируются VIII в. до н. э. [148, с. 3, 4]. Бронзовые фибулы с утолщенной дугой и шейные гривны встречаются исключительно в комплексах VIII—VI вв. до н. э. Следует учесть также, что фибула из Джварского клада украшена графическим декором, временем появления которого на территории Колхиды считается конец IX в. до н. э. [166, с. 89]. На основе вышесказанного считаем целесообразным определить хронологию Джварского клада VIII—VII, а не X—VIII вв. до н. э.

Очхомурский клад обнаружен в траншее № 1 Очхомурского поселения-производства (SO угол квадрата FF 23) на глубине 0,7—0,9 м под каменным настилом. Вопроса датировки Очхомурского поселения-производства мы коснемся ниже. Здесь лишь отметим, что этот памятник датируется VIII—VI вв. до н. э. Видимо, захоронение клада относится к последнему периоду жизни на поселении, т. е. к концу VI в. до н. э. Естест-

венно, временем захоронения нельзя датировать клад. По-видимому, датировку клада надо искать в хронологических рамках самого поселения-производства.

Датировке Очхомурского клада VIII—VI вв. не противоречат входящие в его состав топоры I типа, мотыги, «сегменты» и серпы. Не древнее этого времени и керамический материал, обнаруженный неподалеку от места находки клада. Однако здесь наблюдается одно несоответствие, требующее дальнейшего выяснения. В частности, в состав комплекса входит три наконечника копий с узким клинком и раскрытой втулкой и два колхидских топора с выступающим вниз проухом. Наконечники копий Очхомурского типа с узким клинком засвидетельствованы в погребениях № 11 и № 13 Бешташенского могильника [116, табл. XLVII и XLIX], датированных VIII—VII вв. до н. э. Определенное сходство проявляют эти предметы с наконечниками копий из клада Лухвано, датируемого X—VIII вв. до н. э. [110, с. 34]. Таким образом, наконечники копий с узким клинком не противоречат датировке Очхомурского клада VIII—VI вв. до н. э., т. к. пример клада Лухвано позволяет предполагать, что они вполне могли быть изготовлены в VIII в. до н. э. Два топора I типа из Очхомурского клада имеют выступающий вниз проух, характерный для топоров I подтипа, которые, как отмечалось, прекращают свое существование в конце XI в. до н. э., и, таким образом, переход ряда характерных для них признаков на топоры I типа объясняется оживлением древней традиции.

Изучению вопросов железного металлургического производства Колхиды посвящены исследования О. М. Джапаридзе [78, с. 111], Н. В. Хоштария [208, с. 29], И. А. Гзелишвили [45], Д. А. Хахутайшвили [200, с. 29—33; 202], Т. К. Микеладзе [145, с. 114—149], О. Х. Бгажба [24], Ю. Н. Воронова [34] и др.

Д. А. Хахутайшвили, который внес большой вклад в изучение железной металлургии древней Колхиды, железоплавильные мастерские, обнаруженные в различных районах Центральной Колхиды (Чолоко-Очхамурский, Супса-Губазеульский и Хоби-Очхомурский производственные очаги) в основном датирует первой половиной I тысячелетия до н. э. [202, с. 67, 70, 72, 76, 77, 79, 85, 88, 91, 94, 97, 106, 115, 128, 136, 138, 148, 169, 175, 178]. Однако некоторые мастерские («Аскана II, I», «Мзиани II», «Мзиани IV» и «Мшидобаури IV») он относит к XV—XIV вв. до н. э. [202, с. 109, 132, 143, 155], а «Мшвидобаури II», «Нагомари 1, 2» даже к XIX—XVIII вв. до н. э. [202, с. 150, 162].

На основании каких данных получены такие ранние датировки? В первую очередь — методом радиокарбонного и археомагнитного исследования. Кроме того, эти датировки опираются на анализ конструкции железоплавильных мастерских и обнаруженный здесь керамический материал.

Полученные путем анализа древесного угля даты точны только в том случае, если содержащий уголь материал очень чист. В железоплавильных мастерских, где встречаются различные примеси и глина, трудно говорить о чистоте обнаруженных остатков древесного угля. Так, например, Д. А. Хахутайшвили пишет, что взятый из железоплавильной мастерской «Мзиани IV» древесный уголь «...из-за сильного загрязнения разными примесями и глиной не поддался анализу...» [202, с. 143]. По словам автора, датировка этой мастерской удалась с помощью крошки древесного угля, взятого из ямы воздуходувных мехов, которая отличалась высокой стерильностью [202, с. 143]. К сожалению, автор ничего не говорит о том, насколько чистыми были обнаруженные в других железоплавильных мастерских Центральной Колхиды остатки древесного угля и насколько точный анализ можно было получить от них.

Неточность датировок, полученых в результате радиокарбонного исследования, станет очевидной, если остановимся на датировке железоплавильной мастерской «Мзиани III, I». Д. А. Хахутайшвили эту мастерскую датирует рубежом II—I тыс. до н. э. [202, с. 136]. Такая датировка становится спорной, так как образец древесного угля, взятый из этой мастерской с глубины 0,80 м, датируется VII—VI вв. до н. э., а образец, взятый с глубины 0,90 м, — XI—X вв. до н. э. [202, с. 135, 136]. Между двумя вышеотмеченными уровнями железоплавильной печи не существует никакого хронологического различия, во всяком случае автор не говорит о нем. Думаем, что лозообразный двуушный сосуд, который аналогичен сосудам, обнаруженным на могильниках и поселениях Колхиды VII—VI вв. до н. э. (например, погребение № 11 Урекского могильника содержит лозообразный сосуд [148, табл. XX, 13]), датирует эту мастерскую VII—VI вв. до н. э.

Датировки железоплавильных мастерских, полученные археомагнитными исследованиями, не могут быть точными и окончательными. Геофизик З. А. Челидзе, который специально изучает вопросы датировки железоплавильных мастерских древней Колхиды, отмечает, что «отсутствие опорных (эталонных) кривых изменения элементов геомагнитного поля во времени на территории Грузии для второй половины II тысячелетия и первой половины I тысячелетия до н. э. пока что снимает с повестки дня вопрос о возможности точной датировки памятников этой эпохи магнитным методом» [212, с. 35]. Имеющиеся датировки железоплавильных мастерских Центральной Колхиды лишь относительны, и они фактически имеют значение для дальнейших исследований в этом направлении.

Железные шлаки, которые в большом количестве выявляются в железоплавильных печах Колхиды, для датировки этих памятников не играют никакой роли. В связи с датировкой же-

лезоплавильной мастерской «Мзиани I» Д. А. Хахутайшвили отмечает: «В будущем, когда мы научимся определять возраст железных шлаков, возможно, предложенная хронология будет уточнена» [202, с. 128]. Конструкция этих мастерских также не дает возможности для определения хронологических различий между ними: они все облицованы массивными камнями и напоминают перевернутую усеченную пирамиду. А некоторые несущественные различия в технике строительства железоплавильных печей разных производственных очагов объясняются локальными особенностями, а не хронологическим фактором.

Можно сказать, что в железоплавильных мастерских Центральной Колхиды археологический материал фактически отсутствует, за исключением единичных случаев находки обломков керамических сосудов. В основном это сосуды с кратерообразным венчиком с округлым краем («Аскана II, I», «Нагомари I», «Чога I» и др.) [202, рис. 25, 55, 58] и каннелюрная керамика («Цецхлаури I», «Цецхлаури II», «Аскана I», «Мзиани» и др.) [202, рис. 13, 16, 23, 35]. Временем первого появления сосудов этого типа считается конец XI в. и начало X в. до н. э. [56, с. 58; 57, с. 39, рис. 11]. Они бытуют на протяжении продолжительного периода, с начала I тыс. до н. э., включая раннеантичную эпоху, когда эти сосуды сосуществуют с керамикой V—IV вв. до н. э. [131, с. 53, 56, табл. 44, 49 и др.]. Это касается и обнаруженных на железоплавильных мастерских («Цецхлаури I», «Цецхлаури», «Легва», «Джиханджури II», «Аскана I», «Аскана II», «Аскана III, 1», «Чога II» и др.) ушек от сосудов с роговидными выступами, в виде «птичьей грудки», сегментовидных или полусферических в сечении ушек с круглым отверстием и ленточных ушек, овальных в сечении [102, рис. 13, 16, 17, 19, 23, 25, 27, 61]. Ушки этого типа впервые появляются в середине II тыс. до н. э. (слой II и III Носири) [56, с. 54—57, табл. 38—40] и продолжают бытовать по раннеантичную эпоху включительно [131, с. 57, табл. 4—6]. Однако вполне очевидно, что ушки от сосудов из железоплавильных мастерских Центральной Колхиды являются поздними вариантами ушек описанного типа и относятся ко II периоду датировки колхидской керамики по Т. К. Микеладзе (ДКК II) и датируются первой половиной I тыс. до н. э. [145, с. 57, табл. XXIV]. Особенно близко стоят ушки железоплавильных мастерских с ушками VIII—VII вв. до н. э. из различных памятников исследуемого региона. Этими памятниками являются средний слой Даблагомского поселения Нацихвари [120, табл. 35], верхний слой Наохваму [120, рис. 48], III слой Намчедури [149, табл. 24, 34, 35], Очхомури (табл. XIX, XXI), верхний горизонт Тамышского поселения [35, с. 7] и др. Все упомянутые поселения датируются в рамках VIII—VI вв. до н. э.

В пользу датировки железоплавильных мастерских Центральной Колхиды эпохи раннего железа первой половиной I тыс. до н. э., а точнее VIII—VI вв. до н. э. свидетельствуют и прочие археологические данные. В погребальных комплексах и кладах Центральной Колхиды железные орудия впервые появляются лишь с VIII в. до н. э. Мухурчский могильник датирован VIII—VI вв. до н. э. [57, с. 31, рис. 1], Палурский могильник— VIII—V вв. до н. э. [165, с. 120], Урекский и Нигвзианский могильники — VII—VI вв. до н. э. [148, с. 88—90], Мерхеульский могильник — VI — началом V в. до н. э. [18, с. 69]. Судя по опубликованному материалу, синхронными по отношению с перечисленными памятниками выглядят могильники Эргета [155, с. 85—88; 156, с. 22—24; 157, с. 38—40; 158, с. 16].

В с. Зенити в 1926 году был обнаружен клад, в состав которого, по сообщению А. Т. Рамишвили, наряду с бронзовыми входили и железные орудия и оружие [174, с. 20—22]. А. Т. Рамишвили опирается на словесную информацию крестьянина А. Гогитидзе, который ему в 1960 году сообщил, что этот клад был найден в его приусадебном участке и в состав клада входили бронзовые и железные предметы (ножи, топоры, мотыги), но железные орудия из-за плохой сохранности были выброшены.

Зенитский клад впервые в 1929 году изучил А. А. Иессен [97, с. 122, рис. 14], а затем Б. А. Куфтин [118, с. 217, 218, рис. 40], но о железных предметах они не упоминают. Д. Л. Коридзе тоже не упоминал о железных орудиях, Зенитский клад датировал XII—XI вв. до н. э. [110, с. 22, рис. 14]. На каком основании датирован этот клад XII—XI вв. до н. э. трудно сказать. Даже по словам самого Д. Л. Коридзе, топоры III вида (по классификации О. М. Джапаридзе I типа) в Колхиде появляются лишь с конца XI — начала X века до н. э. [110, с. 61]. Археологические открытия последних лет позволяют датировать Зенитский клад более точно. Бронзовый топор Зенитского клада находит прямые аналогии с топорами Урекского могильника [148, табл. X, XXVII]. Аналогии наблюдаются и в других могильниках Центральной Колхиды, датированных VIII—VI вв. до н. э. Мы не отрицаем присутствие в составе Зенитского клада железных предметов, но это указывает на то, что этот клад надо датировать не XII—XI, а VIII—VII вв. до н. э., так как железные изделия в погребальных комплексах Центральной Колхиды, как выше сказано, впервые появляются лишь с VIII в. до н. э. Во всяком случае пока другими данными не располагаем. Знаменательно, что другие клады, в состав которых наряду с бронзовыми также входят и железные предметы, различными авторами датированы VIII—VI вв. до н. э. Клад Курзу датирован VIII—VII вв. до н. э. [110, с. 44], Бзванский клад— VII—VI вв. до н. э. [209, с. 150, 151], а дата Квибийского клада определена нами VII—VI вв. до н. э. [14, с. 51].

Железное боевое оружие в Центральной Колхиде впервые появляется в VIII в. до н. э. Предметы данной категории засвидетельствованы на нижней погребальной площадке Мухурчского могильника, датированной VIII — первой половиной VII в. до н. э. [57, рис. 1]. Орудия труда из того же металла появляются лишь в VII в. до н. э., а их массовое производство налаживается только на рубеже VII—VI вв. до н. э. [148, с. 90]. Предполагают, что в это время «прекращается производство бронзового оружия и орудий труда, несмотря на то, что отдельные образцы бронзового оружия встречаются и в комплексах VI в. до н. э.» [там же]. Такая постановка вопроса в основном правильна, однако вести речь об окончании эпохи раннего железа можно лишь с того времени, когда из комплексов полностью исчезает бронзовое оружие. Такие комплексы на территории Колхиды появляются лишь с последней четверти VI в. до н. э. Так, например, в I или II слое холма Симагре обнаружен бронзовый нож. Слой I образуется в конце первой половины VI в. до н. э.; слой II дважды обновляется в последней четверти VI в. до н. э. [147, с. 70, табл. XXXVII].

На основе анализа археологического материала как бы выясняется, что эпоха раннего железа в Центральной Колхиде вмещается в пределы VIII—VI вв. до н. э. Однако нижнюю хронологическую границу раннежелезной эпохи Центральной Колхиды, видимо, следует удревнить на 2—3 века, так как до начала массового производства железа (VIII—VI вв. до н. э.) проходил процесс освоения железной металлургии и производство железных предметов осуществлялось в ограниченном количестве. Было бы правильно датировать концом XI—IX вв. до н. э. те железоплавильные мастерские, которые Д. А. Хахутайшвили относит к XV—XIII («Аскана II, 1», «Аскана II, 2», «Мзиани IV», «Мшвидобаури IV») и XIX—XVIII вв. до н. э. («Нагомари 1, 2», «Мшвидобаури II»).

Таким образом, раннежелезная эпоха для Центральной Колхиды определяется концом XI—VI в. до н. э. С конца XI по IX в. до н. э. включительно здесь, видимо, шел процесс освоения железной металлургии. В VIII—VI вв. до н. э. она получила широкое развитие.

Для правильной датировки поселений Центральной Колхиды эпохи поздней бронзы — раннего железа огромное значение имеют такие памятники, как Анаклийский Диха-Гудзубе I, Наохваму [120], Носири, Кекелури-Зуга, Начвис-Зуга, Носирские разведочные площадки I и II [56], Намчедури [149], Зурга-Чаладиди, I и II участки Сабажо [147], Тамышское поселение [35], поселения Даблагоми [120; 195] и Мтисдзири [40] и соответствующий слой Ахвледианебис-Гора в Вани [105; 133]. В качестве параллелей можно привести некоторые поселения Юго-Западной (Цихисдзири) [174] и Северо-Западной (Кистрик)

[35] Колхиды. Ввиду малочисленности публикаций и незавершенности археологических раскопок мы лишены возможности включить в этот список такие значительные памятники Центральной Колхиды, как Пичорский Диха-Гудзубе, Накаргалес-Гудзубе, Гудзубе-Мамулиа, Гора-Датешидзе, холмы Патрикети, Сакулия, Парцханаканеви, Намарну и Лецавское поселение.

В первую очередь хотим коснуться вопроса датировки поселений-производств Очхомури и Нацисквилари. Как мы впоследствии убедимся, от правильности датировки этих памятников во многом зависит определение хронологических рамок последнего этапа колхидской культуры.

Так как археологический материал поселения-производства Очхомури уже рассмотрен нами в первой главе работы, переходим непосредственно к вопросу датировки этого памятника. Выше упоминали бронзовый клад, обнаруженный в траншее № 1, в углу постройки, в квадрате FF 23, на глубине 0,7—0,9 м и определили его дату VIII—VI вв. до н. э. Возникает вопрос, подтверждается ли предложенная датировка на основе прочих материалов поселения-производства. В первую очередь коснемся керамики.

На поселении-производстве Очхомури обнаружено значительное число различных по размерам и функции сосудов с округлым и уплощенным краем венчика (табл. VII, VIII, IX и др.), с узкими концентрическими желобками (табл. XI; XIII, 8; XIV, 10—12; XV) и волнистым (табл. XIV, 9) орнаментом на плечике; с желобчатым горлышком (табл. X, 1, 2), с узкими и широкими каннелюрами на тулове (табл. XVI; XXIV, 9, 12), ушками с роговидными, срезанными по краям выступами (табл. XIX, 4—7; XXI, 1, 2, 4) и др. Керамика данной категории в Колхиде появляется с конца XI и начала X в. до н. э. [56, с. 58]. На территории Центральной Колхиды такая керамика впервые появляется именно на памятниках X—IX вв. до н. э. Здесь подразумеваются IV слой Носири [56, с. 58, табл. 41, 45], III (верхний) слой Наохваму [120, с. 186, 187, рис. 47], IV слой Намчедури [142, с. 17, табл. 39, 40 и др.] и нижний горизонт Тамышского поселения [35, с. 12].

Вышеописанная посуда продолжает бытовать на протяжении всей первой половины I тыс. до н. э. и даже в раннеантичную эпоху (VI—IV вв. до н. э.). Так, например, банкообразные горшки из раннеантичного слоя Ванского городища (III, тип I), кувшины с трубчатой ручкой (VII, тип I), кубки с коническим туловом (VII, тип 2) и на ножке (VIII, тип 14) по своей форме ведут свое происхождение от керамики предантичной эпохи [131, с. 56, 57]. Из них на поселениях-производствах Очхомури и Нацисквилари встречаются банкообразные горшки (табл. VIII, 5; XIII, 8; XV, 7) и кубки упомянутых типов (табл. XXIV, 1, 3, 6). Обращает на себя внимание близкое сходство фраг-

ментов корчаги с концентрическими полосками и выступами на плечике из Вани (VI—IV вв. до н. э.) [131, табл. 45, рис. 9] и фрагмента аналогичного сосуда с поселения-производства Очхомури (табл. XVII, 6). Два этих обломка полностью идентичны. Для раннеантичной эпохи характерны сосуды с широкими налепными каннелюрами, однако в раннеантичных слоях Ванского городища и холма Симагре встречаются также сосуды с каннелюрами, которые характерны для предшествующего времени [131, с. 57; 147, табл. XXV]. Из эпохи раннего железа переходят налепные зооморфные ушки, маленькие фигурки животных и др. «Зооморфные» ушки в большом количестве засвидетельствованы в раннеантичных слоях Ванского городища и холма Самагре [131, с. 57, табл. 4, 5, 72, 73, 78; 147, табл. XXXIV].

Таким образом, рассмотренный выше керамический материал свидетельствует в пользу датировки исследуемых поселений-производств первой половиной I тыс. до н. э. Однако эта датировка довольно общая и требует дальнейшего уточнения. При определении нижнего хронологического предела для поселений-производств Очхомури и Нацисквилари большое значение имеют выявленные здесь керамические сосуды с валикообразными, позднее «коленовидными» ушками и ушками в виде «птичьей грудки», выступы на котлообразных сосудах и волнистый орнамент на горлышке и плечиках сосудов. Предметы этого ряда впервые появляются лишь с VIII в. до н. э. Один из культурных слоев Даблагомского холма Насакдреви представляет собой поселение VIII—VII вв. до н. э. Здесь засвидетельствованы ушки с валикообразными налепами [195, с. 75, 76]. В среднем слое Даблагомского поселения, датируемом VIII—VII вв. до н. э., также встречаются ушки с валикообразными и более поздние сосуды с «коленовидными» ушками [120, табл. 35, 36]. Последние, появившиеся на территории Центральной Колхиды уже в начале II тыс. до н. э. [56, с. 52], как бы продолжают традиции древнего Носири и Зурга-Чаладиди, однако, в отличие от соответствующих предметов с указанных памятников, явно отличаются грубостью выделки (табл. XXII, 5—12). То же самое можно сказать относительно полусферических, сегментных в сечении ушек и ушек с округлыми отверстиями (табл. XXIII).

Помимо Даблагомского поселения вышеуказанная керамика встречается на I и II участках поселения Сабажо, датированного VIII—VII вв. до н. э. [147, с. 34, 36, табл. IX, X]. Т. К. Микеладзе считает, что на ушках, обнаруженных в Сабажо, «явно наблюдается тенденция к передаче боковых выступов посредством валика, налепленного на ушко сверху, что, фактически, становится характерным для ушек сосудов именно с этого времени (т. е. с VIII в. до н. э. — **Д. А.**). Следовательно, эти

ушки отражают особенности нового этапа...» [147, с. 34]. Полностью идентичны сосуды небольшого размера, обнаруженные на поселениях-производствах и могильниках VIII—VI вв. до н. э. — Горадзири [55, 11—15, табл. I—XIV, XVI—XXIII], Палури [165, с. 98—104, табл. III—IX], Уреки, Нигвзиани [148, с. 20—24] и др. Это «зооморфные» и валикообразные ушки, кубки, миски с вогнутым внутрь краем, солонки и банки с концентрическими желобками на горлышке.

Керамический материал Очхомури и Нацисквилари находит прямые аналогии в соответствующих материалах с таких хорошо стратифицированных памятников, как холм Намчедури (слой III) и Тамышское поселение (верхний горизонт). По технологии изготовления, форме и оформлению керамика с перечисленных памятников фактически полностью идентична. На поселениях-производствах не представлена лишь т. н. текстильная керамика, засвидетельствованная на Тамышском поселении. Знаменательно, что датировки этих памятников, в принципе, полностью совпадают: III слой Намчедури датирован Т. К. Микеладзе и Д. А. Хахутайшвили IX—VII вв. до н. э. [149, с. 15, 24], верхний горизонт Тамышского поселения А. Н. Габелия относит к VIII—VII вв. до н. э. [35, с. 12].

Таким образом, керамический материал дает возможность определить нижний хронологический предел Очхомури и Нацисквилари VIII в. до н. э. В пользу подобной датировки, как мы уже убедились, свидетельствует и состав Очхомурского клада.

Твердую основу для определения верхнего хронологического предела поселений-производств Очхомури и Нацисквилари создает ряд предметов, обнаруженных на этих памятниках. В первую очередь это фрагменты сосудов (пифосы, корчаги?), украшенных мелкими или широкими гравированными полосками, нанесенными в различных направлениях (табл. XVIII, 12—14). Подобная посуда появляется на территории Колхиды лишь в раннеантичную эпоху, примерно с середины или конца VI в. до н. э. Предметы данной категории в большом количестве засвидетельствованы в культурных слоях VI—IV вв. до н. э. Ванского городища [131, с. 37], во всех трех слоях Симагре (середина VI—V в. до н. э.) [147, с. 55] и др. Это касается и орнаментации края венчиков пифосов и корчаг — гребенчатого или сетчатого штампа (табл. X; LXXI, 1). Появление этого орнамента можно предполагать лишь с середины VI в. до н. э. В дальнейшем, в V в. до н. э. он находит широкое распространение.

Первые греческие поселения на территории приморских городов Юго-Западной Колхиды возникают в середине VI в. до н. э. [104, с. 123]. Что же касается городов Центральной и Северо-Западной Колхиды, греческое население появляется здесь, по мнению исследователей, со второй половины V в. до н. э.

[145, с. 104]. Торгово-экономические связи между городами Колхиды и греческим миром налаживаются значительно раньше, уже с начала VI в. до н. э. Древнейшие для Колхиды греческие предметы засвидетельствованы в Кобулети-Пичвнари [104, с. 109, 135], на поселении Симагре [147, с. 70, табл. XLIV, XLV] и Ванском городище [131, с. 8].

Выявленные в раннеантичных слоях Ванского городища греческие изделия датированы VI в., а точнее—третьей «четвертью VI в. до н. э. [131, с. 8]. Поскольку греческий импорт распространяется во внутренних районах Центральной Колхиды после середины VI в., нет оснований для датировки колхидских амфор с поселений-производств Очхомури и Нацисквилари периодом ранее конца VI в. до н. э., т. к. установлено, что изготовление т. н. колхидских амфор начинается под влиянием греческих образцов и, следовательно, их производство могло наладиться лишь после появления здесь греческих амфор. Таким образом, рассмотренный керамический материал позволяет определить верхний хронологический предел исследуемых поселений-производств концом VI в. до н. э.[5]

В пользу подобной датировки, помимо металлических и керамических изделий, свидетельствуют и прочие материалы с этих памятников. На Очхомурском поселении-производстве обнаружена уплощенная буса из черного стекла, украшенная тремя глазками («бородавки») из желтоватой пасты (табл. XXXIX, 2). Прямая аналогия для этого предмета засвидетельствована в материалах Северного Причерноморья (II группа бус с простым орнаментом) [3, с. 15, табл. 12, рис. 10] и датирована Е. М. Алексеевой VI—V вв. до н. э. В Северном Причерноморье «бородавчатые» бусы появляются в VI в. до н. э. и бытуют вплоть до IV в. н. э. [5, с. 46]. В Центральной Колхиде подобные бусы широко распространяются в период после раннеантичного времени. Стеклянные глазчатые бусы засвидетельствованы, к примеру, в кувшинных погребениях VIII, XI и XX Дапнарского могильника [107, с. 21, 23, 27]. Погребение VIII датировано IV в. до н. э., погребение XI—III в. до н. э., погребение XX—IV—III вв. до н. э. [107, с. 40, 41]. Факт находки на Очхомурском поселении-производстве «бородавчатой» бусы свидетельствует о том, что предметы этого ряда существовали здесь уже во второй половине VI в. до н. э., т. к. вышерассмотренный керамический материал не дает оснований для иной датировки.

---

[5] Здесь же хотим отметить, что факт отсутствия на поселениях-производствах Очхомури и Нацисквилари греческого импорта еще раз подкрепляет предположения тех авторов, по мнению которых в VI в. до н. э. торгово-экономические контакты между внутренними районами Центральной Колхиды и греческим миром были гораздо слабее связей последнего с приморскими городами Колхиды.

Нельзя оставить без внимания факт находки на Очхомурском поселении-производстве кремневых наконечников стрел с выемчатым основанием (табл. LVI, 12, 13). Предметы этого ряда впервые появляются в самом начале XI в. до н. э. Они представлены в III слое Наохваму [120, с. 43, 3]. С раннеантичного времени (V в. до н. э.) на смену им приходят бронзовые наконечники стрел с выемчатым основанием. В этом нас убедил факт обнаружения таковых в культурном слое поселения раннеантичной эпохи — Кирцхи[6].

Небезынтересен факт находки на Очхомури и Нацисквилари кремневых вкладышей для серпов (табл. LVI, 9, 10; XCVI, 4—11). С появлением в эпоху поздней бронзы бронзовых серпов кремневые серпы должны были выйти из употребления, однако, как известно, этого не случилось [79, с. 202—204]. Не произошло этого и в эпоху раннего железа, когда было начато производство железных серпов. Более того, на колхидских памятниках VIII—VI вв. до н. э. их количественный показатель довольно высок, на поселениях-производствах же Очхомури и Нацисквилари явственно прослеживаются следы производства этих предметов.

Обращает на себя внимание факт обнаружения на Очхомури каменных мотыг т. н. «сочи-адлерского» типа (табл. LIII, 4; LIV, 2). Предметы данной категории находят широкое распространение на памятниках Северо-Восточного Причерноморья в IV—III тыс. до н. э., а в Передней Азии они известны с V—IV тыс. до н. э. [85, с. 177]. Подобные мотыги засвидетельствованы на поселениях эпохи ранней бронзы Очамчире [183, табл. I, III] и Мачари [25, с. 123],в слое среднебронзовой эпохи Носирского холма (слой II) [56, с. 46]. Еще четверть века назад, на тогдашнем уровне исследовния В. В. Бжания допускал, что эти мотыги продолжают бытовать вплоть до эпохи поздней бронзы [25, с. 125]. Новейшие открытия доказали, что мотыги «сочи-адлерского» типа используются на территории Центральной Колхиды в VIII—VI вв. до н. э.

Таким образом, археологический материал поселений-производств Очхомури и Нацисквилари дает основание для датировки этих памятников VIII—VI вв. до н. э.

Ранние могильники эпохи поздней бронзы — раннего железа на территории Центральной Колхиды пока еще не выявлены. Обнаруженные здесь памятники этого ряда относятся к концу указанного периода, точнее, к VIII—VI вв. до н. э. Так, могильники Уреки и Нигвзиани датированы Т. К. Микеладзе VII—VI вв. до н. э. [148, с. 91]. Палурский могильник отнесен Н. И. Окропиридзе и М. В. Барамидзе к VIII—V вв. до н. э.

---

6 Поселение Кирцхи находится в Чхороцкуском районе и раскапывалось нами в 1986 г.

[165, с. 120]. По мнению Э. М. Гогадзе, дата нижней погребальной площадки Мухурчского могильника определяется VIII в. до н. э. — первой половиной VII в. до н. э., верхней же площадки— второй половиной VII и VI в. до н. э. [57, с. 29]. Многочисленные поселения XV—IX вв. до н. э. (Носири III, Чаладиди I и II, Наохваму I и II и др.) дают основания предполагать существование на территории Центральной Колхиды синхронных могильников. Их невыявленность до настоящего времени объясняется недостаточной интенсивностью предпринимаемых в этом направлении изысканий.

Хронология представленных в работе нововыявленных погребальных комплексов поддается определению на основе упомянутых могильников. В первую очередь хотим коснуться 70-го по счету индивидуального грунтового погребения Урекского могильника. В состав погребального инвентаря, как уже отмечалось, входят: кувшин с трубчатой ручкой, колхидский бронзовый топор II типа, мотыга второго подвида I типа, «сегмент» II вида, лезвие кинжала, два умбона, сердоликовые, гагатовые и керамические бусы (табл. XCIX).

Кувшины с трубчатой ручкой представляют собой один из наиболее надежно датированных типов колхидской посуды. По словам Т. К. Микеладзе: «Мы не знаем почти ни одного поселения периода позднее VII в. до н. э. в Западной Грузии, на котором бы не подтвердились кувшины с трубчатой ручкой» [145, с. 63]. В большом количестве встречаются они и на могильниках эпохи раннего железа. Предметы данной категории засвидетельствованы на культовой площадке того же Урекского могильника VII—VI вв. до н. э., в коллективном грунтовом погребении № 1 и в составе инвентаря поврежденного погребения [148, с. 23, табл. IV, VI, XXVI, XXX], в коллективных грунтовых погребениях №№ 1, 3, 4, 6, 7 и 12 Нигвзианского могильника VII—VI вв. до н. э. [148, с. 75, табл. XXXVIII, XXXIX, XLIV, XLV, XLVI, XLVII], на верхней погребальной площадке Мухурчского могильника, датированной второй половиной VII и VI в. до н. э. [57, рис. 1, 46] и др.

На самом Урекском могильнике, частью которого является новооткрытое индивидуальное погребение № 70, помимо кувшина с трубчатой ручкой, встречаются два бронзовых колхидских топора II типа. Аналогичные топоры засвидетельствованы в коллективном погребении № 3 того же могильника и поврежденном погребении [148, с. 31, табл. X, XXX]; бронзовая мотыга второго подвида II типа обнаружена в поврежденном погребении [148, с. 24, табл. XXIX]; «сегменты» II вида и бронзовые пластинчатые полусферические умбоны — в коллективном грунтовом погребении № 3 и поврежденном погребении [148, с. 25, 26, табл. XI, XXIX, XXX]; бронзовый, округлый в сечении кинжал II типа, украшенный двумя рядами чередующихся продольных

желобков и рельефных полос — в индивидуальных грунтовых погребениях № 18 и № 47 [148, с. 34, 35, табл. XXI, XXIV]; гагатовые и сердоликовые бусы сферической и уплощенной формы в большом количестве подтвердились в коллективном грунтовом погребении № 3, на культовой площадке и в большинстве индивидуальных грунтовых погребений [148, с. 57, 58, табл. XV, XVI, XIX и др.]; здесь же обнаружены пастовые бусы белого и голубого цвета, цилиндрической, четырехугольной, биконической формы, а также сплющенные бусы [148, табл. VII, 6; XVII, 4].

Урекский могильник датирован Т. К. Микеладзе VII—VI вв. до н. э. [148, с. 88—91]. К этому же периоду можно было бы отнести и погребение № 70. Однако, поскольку кувшины с трубчатой ручкой распространяются на территории Колхиды в период после VII в. до н. э. [145, с. 63] и являются более-менее надежно датированными предметами, опираясь на них, можно было бы определить дату индивидуального погребения № 70 Урекского могильника рубежом VII—VI вв. до н. э. Как мы уже убедились, сопровождающий материал подобной датировке не противоречит.

Погребение Налепсао можно отнести к VI в. до н. э. на основе присутствия в его инвентаре «бородавчатой» бусы (табл. C, 3). Как отмечалось выше, такие бусы появляются на территории Колхиды лишь с VI в. до н. э., точнее—со второй его половины. Предложенной датировке не противоречат входящие в состав погребального инвентаря бронзовый колхидский топор, фрагменты железного кинжала и наконечник стрелы, пряслица и бронзовые подвески в виде кисти руки.

К VI в. до н. э. должно относиться и Гурдземское погребение, в котором помимо прочих бронзовых предметов, обнаружены бронзовые перстни (табл. CIV(A), 4—6). Несколько более ранним выглядит погребение из Лече, т. к. в составе его инвентаря засвидетельствована ручка от бронзовой ситулы (табл. CI, 5). Период же бытования ситул с зооморфными ушками в Колхиде определен VIII—VII вв. до н. э. [116, с. 53; 117, с. 33—35; 166, с. 55, 59]. Сегментное орудие, бронзовое кольцо и кинжал с узким клинком могут быть датированы указанным временем.

К VIII—VII вв. до н. э. относится, по нашему мнению, погребение из Ведидкари-Махати (Начкадури) (табл. XCVIII). Именно в эти хронологические рамки вмещаются входящие в состав комплекса бронзовые фибулы с утолщенной и витой дугой, шейная гривна и маленькое кольцо с раскрытыми концами. Бронзовые фибулы с утолщенной и витой другой засвидетельствованы и на нижней погребальной площадке Мухурчского могильника [57, рис. 1, 97; 218, табл. 23], шейные гривны и маленькие кольца с раскрытыми концами в большом количест-

ве представлены в погребениях Палурского, Нигвзианского и Эргетского могильников [148; 155; 156; 157; 158; 165]. Что же касается плоского бронзового топора, листовидного наконечника стрелы, серпов с двумя пвоздями, «сегментов», бронзовой бусы, браслета и слитка, их тоже можно датировать VIII—VII вв. до н. э., так как они находят близкие аналогии с подобными материалами погребений региона этого времени.

Несколько труднее определить датировку погребения Нахунао, т. к. его инвентарь состоит из плоских бронзовых топоров и глиняной миски (табл. CII). По нашему мнению, это погребение относится ко времени не ранее VIII в. до н. э., т. к. топоры из этого погребения несколько отличаются от предметов этого ряда, распространенных в Колхиде в XIII—IX вв. до н. э. [111, табл. 1]. Это плоский топор с боковыми роговидными выступами, с насечками в верхней части. Подобное оформление плоских топоров представляется нам более поздним явлением.

Несколько завышен, на наш взгляд, возраст погребения из Курзу, хронологические рамки которого определены Д. Л. Коридзе IX—VII вв. до н. э. [109, с. 69]. Инвентарь погребения не содержит ни одного предмета, который не являлся бы обычным для колхидских могильников VIII—VI вв. до н. э. Обилие железных предметов косвенным образом указывает на то время, когда в низинных областях Колхиды наступает период широкого освоения железа, который, по мнению Т. К. Микеладзе, определяется серединой VII в. до н. э. [148, с. 89]. Бронзовый колокольчик из погребения Курзу, полностью идентичный соответствующему предмету с нижней погребальной площадки Мухурчского могильника [57, рис. 1] и не может быть датирован временем ранее VIII в. до н. э. Это касается также пятиконечных бронзовых булавок, спиралевидных трубочек и т. п. Таким образом, есть основания для датировки погребения Курзу VIII—VII вв. до н. э. вместо ранее предложенных IX—VII вв. до н. э.

Суммируя все вышерассмотренные факты в развитии бронзовых изделий Центральной Колхиды исследуемой эпохи, удается выделить четыре основных периода.

I период — XV—XIV вв. до н. э. Бронзовые изделия этого периода представлены, в основном, прототипами для топоров I и II подтипов и их ранними образцами. К этому же времени относятся листовидные мотыги. Если прототипы колхидских топоров тяготеют к XV в. до н. э. и к более древним временам, то ранние типы колхидских топоров должны датироваться XIV в. до н. э. С конца XIV в. до н. э. уже завершен процесс формирования основных составных элементов колхидской культуры.

II период охватывает XIII—XI вв. до н. э. Бронзовые орудия XIII—XI вв. до н. э. в Центральной Колхиде представле-

ны колхидскими топорами I и II подтипов, всеми тремя видами мотыг и «сегментами», согнутыми серпами с отверстиями для гвоздей, плоскими топорами I и III подвидов.

III период — X—IX вв. до н. э. В начале указанного периода появляются колхидские бронзовые топоры I—II типов, пришедшие на смену топорам I — II подвидов и продолжают бытовать до конца VI в. до н. э.

IV период — VIII—VI вв. до н. э. Очевидно, в самом начале этого периода формируется еще один вид колхидского топора — топор III типа. На это указывает то обстоятельство, что как на территории Колхиды, так и за ее пределами подобные топоры засвидетельствованы в комплексах VIII—VI вв. до н. э. Таковыми являются Мухурчский и Двабский могильники в Центральной Колхиде [218, табл. 25, 35], Ачандарский могильник в Северо-Западной Колхиде [32, с. 262, рис. 5, 1], Кобанский могильник в Северной Осетии [92; табл. V; 199] и др. Тлийский могильник датирован Б. В. Теховым XVI—VI вв. до н. э. [190; 192; 193; 194]. Новейшие исследования не подтверждают правильность предложенной автором датировки и свидетельствуют в пользу определения хронологии указанного памятника VIII—VI вв. до н. э. [33, с. 7; 166, с. 54—82].

По наблюдению Л. Н. Панцхава, украшенные графическим декором топоры появляются в конце IX в. и бытуют до конца VII в. до н. э. [166, с. 55—71]. Следовательно, топоры с изогнутым корпусом III типа, в основном, могут быть характерны для комплексов IX—VII вв. до н. э.

В VIII—VI вв. до н. э. рядом с бронзовыми орудиями и оружием появляются их железные подражания — железные колхидские топоры, мотыги, «сегменты», черенковые наконечники стрел, плоские топоры и др. В этот период бронзовые и железные предметы данной категории сосуществуют. В составе погребального инвентаря и кладов VIII—VI вв. до н. э. появляются украшения из бронзы, золота, серебра и латуни, бусы из полудрагоценного камня и др. Материал, в основном, местный, хотя встречаются и импортные предметы, проникающие сюда в результате торгово-экономических контактов с другими странами. Это скифские акинаки и наконечники стрел, «бородавчатые» бусы из Северного Причерноморья, керамика и др.

В развитии колхидской керамики эпохи поздней бронзы — раннего железа удается выделить три основных периода. Выделить отдельные периоды в развитии керамической посуды второй половины II тысячелетия до н. э. в настоящее время довольно затруднительно, т. к. посуда, засвидетельствованная в культурных слоях середины II тыс. до н. э. (Начвис-Зуга, Кекелури-Зуга [56, с. 59, 60, табл. 47—52], Анаклийский Диха-Гудзубе I— слой III [56, с. 92], слой I Наохваму [56, с. 92], слои I и II Чаладидского Зурга [147, с. 24—32, 40, табл. II—

VIII), Абедатский Гудзубе [173, с. 137—144, табл. II—V]) и XIII—XI вв. до н. э. (слой III Носирского холма [56, с. 55, 56, 67, 92, табл. 39, 40, 43, 44], слой IV Диха-Гудзубе I [56, с. 92], слой III Наохваму [56, с. 92], слой V Намчедури [149, табл. 59—77] и др.), по своей технологии, формам и орнаментации фактически однородна.

Здесь мы воздерживаемся от подробного рассмотрения керамического материала второй половины II тыс. до н. э., образцы которого представлены на соответствующих таблицах (табл. CXXI; CXXII; CXXIII). Отметим лишь, что это, преимущественно, черноглиняная и светлоглиняная посуда, характеризующаяся многообразием форм и функций. Здесь представлены, в основном, миски, горшки, кружки, банки, корчаговидные сосуды и др. Встречаются также сосуды с округлым и граненым краем венчика, с вогнутым или кратерообразным венчиком. Очень часты сосуды с плавно отогнутым венчиком. Сосуды имеют, в основном, «полусферическую» и «округлую» формы. Почти все украшены круговым орнаментом. Основными элементами декора являются: желобчатые фестоны, ободки, вертикальные полоски, косые и круглые насечки, елочная штриховка, рельефные шишкообразные налепы, выступы в виде женской груди, паркетный и вафельный орнамент и др. Подавляющее большинство сосудов плоскодонные. Преобладают ушки в виде «птичьей грудки», «коленовидные» и «зооморфные». Встречаются также миниатюрные полусферические и фацетированные ушки [145, с. 54—56, 67—72, табл. XXIV; 57, с. 41—53, рис. II, III; 147, с. 24—32, 40, табл. II—VII; 56, с. 55, 56, 59, 60, 92, табл. 39, 40, 43, 44; 120, с. 161—257, табл. 47, 53, 55—57, 60, 62—69, 67, рис. 48, 49; 145, с. 54—56, 67—72, табл. XXIV; 149, с. 18, табл. 59, 67—69, 74, 75; 173, с. 137—144; табл. II—V].

Керамика II периода относится к X—IX вв. до н. э. В основном, она представлена материалами из IV слоя Носирского холма [56, с. 58, табл. 44, 45], III слоя Наохваму [120, с. 193—200, рис. 148] и IV слоя Намчедури [149, с. 17, табл. 39—54] (см. табл. CXXIV; CXXV). В это время уже исчезают округлые формы и обычай украшения сосудов круговым орнаментом, хотя некоторые элементы декора предшествующего времени продолжают свое существование в более упрощенном виде. К числу таковых относятся: гребенчатый штамп, елочный орнамент, выемки, насечки и др. «Зооморфные» ушки этого периода характеризуются в основном катушковидными или усеченно-роговидными выступами. Часты случаи огранки ручек, а также штриховки их поверхности или украшения их вдавленным орнаментом. Такие ушки обычно массивны и характеризуются крупными размерами. С этого времени в качестве оформления используется каннелирование поверхности сосуда. Большинство сосудов изготовлено на гончарном круге, хотя

нередко встречаются сосуды ручной лепки с тщательно залощенной поверхностью.

Керамика III периода относится к VIII—VI вв. до н. э. Образцы керамического производства этого периода засвидетельствованы на поселениях-производствах Очхомури и Начисквилари (табл. VII—XXIV, LXVII—LXXVII), на участках I и II Сабажо [147, с. 33—36, 40, табл. IX, X], II разведочной площадке Носирского поселения [56, с. 92], III слое Намчедурского поселения [149, с. 14, 15], на могильниках Уреки и Нигвзиани [148, с. 20—24, 73—75, табл. II—IV, VI, VIII, X, XIV, XXVI, XXX, XXXII, XXXVII—XL, XLIV—XLVII] (табл. CXXVI; CXXVII), Палурском могильнике [165, с. 98—104, табл. III—IX] и др. Переход к использованию гончарного круга к этому времени завершен повсеместно. Налаживается массовое (серийное) производство керамической посуды. Меньше уделяется внимания лощению поверхности изделия. Повсеместно распространяются сосуды с незалощенной поверхностью, часто грубой лепкой. Очевидно, с переходом к серийному производству у гончаров не оставалось времени на оформление поверхности сосудов. К этому времени почти полностью исчезает круговой декор, даже в том упрощенном виде, в каком он существовал в X—IX вв. Зато повсеместно распространяется каннелирование поверхности сосуда и украшение верхней его части простым орнаментом — насечками, длинными штрихами, волнистым и сетчатым декором (табл. XVIII). С VIII в. до н. э. появляется новый элемент в оформлении ушек — валикообразные налепы, позднее распространяются «коленообразные» полусферические, сегментные в сечении ушки, а также ушки с круглым отверстием. В этот же период увеличивается число мисок с вогнутым венчиком, кубков на поддоне, солонок, т. н. «текстильной керамики», ленточных ушек, широко распространяются ушки с усеченно-роговидными выступами от сосудов малых и средних размеров и др. К концу VII в. до н. э. уже появляются кувшины с трубчатой ручкой и кубки на высокой ножке [145, с. 63] (табл. CXXVI; CXXVII). Примерно в это же время налаживается производство пифосов [28, с. 96]. Края венчиков пифосов и корчаг украшаются сетчатым, гребенчатым и ромбическим орнаментом. Со второй половины VI в. до н. э. появляются колхидские амфоры.

Заключение

1. Эпоха поздней бронзы — раннего железа для Центральной Колхиды определяется XV—VI вв. до н. э. Конец же XI—VI в. до н. э. совпадает с периодом сосуществования бронзового и железного металлургического производства.

2. В эпоху поздней бронзы — раннего железа, и в особенности с эпохи раннего железа, Центральная Колхида предстает в качестве одного из наиболее передовых и экономически развитых регионов Колхиды. Для нее было характерно многоотраслевое хозяйство при ведущей роли трех основных отраслей: земледелия, металлургии и металлообработки и производства бус из полудрагоценного камня.

3. Помимо трех упомянутых отраслей, среди племен, заселяющих Центральную Колхиду в эпоху поздней бронзы — раннего железа, были развиты златокузнечество, керамическое производство (с VIII в. до н. э. перешедшее к серийному производству), ткачество (колхидский лен и льняные изделия пользовались большим спросом на мировом рынке), добыча и производство соли (на дюнных стоянках), животноводство, рыболовство, охота, виноградарство и виноделие.

4. На основе изучения археологических памятников Центральной Колхиды среднебронзовой и начала позднебронзовой эпох есть основания предполагать, что ореал формирования колхидской бронзы, помимо юго-западных областей Колхиды, охватывает Колхидскую низменность и предгорья. Можно без преувеличения сказать, что в эпоху поздней бронзы — раннего железа Центральная Колхида представляет собой один из основных центров бронзовой металлургии Колхиды. Именно на этот регион приходится более 48% от общего числа бронзовых кладов. Здесь обнаружены литейные формы для колхидских топоров и мотыг, большие и малые очаги металлургического производства.

5. В эпоху раннего железа в Центральной Колхиде начинается интенсивный процесс развития железной металлургии. С VIII в. до н. э. здесь уже начинается переход к широкому освоению железа. В VII—VI вв. до н. э. производство железа значительно расширяется. Об этом свидетельствуют многочисленные железоплавильные мастерские, выявленные на Центрально-Одишском, Супса-Губазеульском и Чолоко-Очхомурском производственных очагах.

6. Факт обнаружения в Центральной Колхиде — в Очхомури и Нацисквилари, поселений-производств по изготовлению бус из полудрагоценного камня (сердолик, агат, яшма, гагат) снимает с повестки дня вопрос об импорте предметов данной категории. Широкие масштабы производства бус на упомянутых памятниках указывают на то, что значение этого производства выходило за рамки удовлетворения нужд местного населения и носило товарный характер. В связи с этим следует отметить, что сердоликовые, агатовые, гагатовые и яшмовые бусы, засвидетельствованные на колхидских могильниках (Уреки, Нигвзиани, Эргета, Палури, Мухурча и др.), в составе кладов (Носири, Парцханаканеви, Напвазао) и на поселениях-производствах, датируемых VIII—VI вв. до н. э., проистекают из одного производственного центра.

7. Развитию внутренней и внешней торговли способствовали упорядоченные сухопутные дороги и системы рек и каналов. Население Центральной Колхиды в указанный период в качестве средств передвижения использовало колесный транспорт (арба, колесница), лодки-однодеревки и многомачтовые суда.

8. Присутствие на центральноколхидских археологических памятниках эпохи поздней бронзы — раннего железа скифских, урартских, греческих, передне- и малоазиатских, южнозакавказских и восточногрузинских изделий указывает на наличие в указанный период торгово-экономических связей с упомянутыми странами.

По-видимому, из Центральной Колхиды в сопредельные страны вывозились железо и сталь, широкие масштабы производства которых здесь не вызывают сомнения. Богатство этого региона лесом позволяет предполагать, что лес также являлся предметом экспорта. Колхидские лен и мед, по словам древних авторов (Геродот, Ксенофонт), были повсеместно известны в странах Древнего Мира.

9. По данным археологии, в XV—IX вв. до н. э. общество Центральной Колхиды находилось на стадии «военной демократии». В VIII—VI вв. до н. э. интенсивно протекает процесс разложения родового строя. Разложение общины, зарождение социального неравенства и экономический подъем создали предпосылки для возникновения на территории Центральной Колхиды в конце VI в. до н. э. раннеклассового государства.

J. B. APAKIDZE

CENTRAL COLCHIS IN THE LATE BRONZE AND EARLY IRON AGE

Summary

Colchian Late Bronze—Early Iron Age culture (15th—6th cent. B. C.) constitutes one of the striking cultures of the Caucasus, particularly Georgia. For over 60 years this culture has been studied fruitfully by specialists who have written valuable monographs on its various aspects. However, the central area of Colchis has until recently been studied weakly. The recent archaeological excavations of settlements, burial grounds, metallurgical workshops, etc. have yielded important results, shedding new light on a number of problems. Special mention should be made of the first discovery on the territory of Colchis—and perhaps of the entire Caucasus—of workshops for the manufacture of various adornments of semi-precious stones.

On the basis of an analysis of vast archaeological material and historical sources, an attempt has been made at a monographic study of the material and spiritual culture of Central Colchis in the Late Bronze—Early Iron Age.

The boundaries of the region under study are defined as follows the Black Sea in the west; the Machara river in the north-west; the southern part of the limestone belt of Okhachkue, Tsulishi, Qvira, Gaucha, Migaria, Askhi and the southern slopes of the Khvamli massif and the Nakerala ridge in the north; the middle reaches of the Qvirila in the vicinity of the modern town of Zestaponi in the east; and the Kintrishi river in the south.

The study of the archaeological remains of Central Colchis of the Middle Bronze and the beginning of Late Bronze Ages gives ground to assume that, besides the south-western areas of Colchis, its Bronze culture involved the Colchian lowland and foothills as well. It will not be an overstatement to say that in the Late Bronze

—Early Iron Age Central Colchis was one of the principal centres of the bronze metallurgy of Colchis. This region accounts for over 48 per cent of the total number of hoards, moulds for colchian axes and hoes, and large and small centres of metallurgical manufacture. An intensive process of development of iron metallurgy in Central Colchis commenced in the Early Iron Age. Transition to the wide use of iron was completed here by the mid—7th cent. B. C., as evidenced by numerous iron-foundries discovered at the Choloki-Ochkhamuri, Supsa-Gubazeuli and Khobi-Ochkhomuri production centres, as well as by numerous iron wares at the archaeological sites of the region.

The fact of discovery in Central Colchis, viz. in Ochkhomuri and Natsiskvilari, of settlement-factories for the manufacture of beads of semi-precious stones (cornelian, agate, jasper, jade) invalidates the view on the import of this category of articles. The wide-scale manufacture of beads at this workshop exceeded the needs of the local population and was of commodity character. It should be noted in this connection that cornelian, agate, jade and jasper beads—found in Colchian burials (Ureki, Nigvziani, Ergeta, Paluri, Mukhurcha, etc.), in hoards (Nosiri, Partskhanaqanevi, Nagvazao), and at settlement-factories, dated to the 8th—6th cent. B. C.—come from a single manufacturing centre.

In the Late Bronze Age, and particularly from the Early Iron Age, Central Colchis is seen as one of the most advanced and economically developed regions of Colchis. The region was characterized by a varied economy with three leading branches: farming, metallurgy and metal-working, and manufacture of beads of semi-precious stones.

Besides these three branches, the tribes inhabiting Central Colchis in the Late Bronze—Early Iron Age engaged in goldsmithing, ceramic manufacture (with serial production from the 8th cent. B. C.), weaving (Colchian flax and linens being in great demand on the world market), salt manufacture (at dune stations), animal husbandry, fishing, hunting, vinegrowing and winemaking.

According to archaeological evidence, in the 15th—9th cent. B. C. the Colchian society was at the stage of „military democracy". In the 8th—6th cent. B. C. the tribal system underwent intensive

disintegration. The breakup of the commune, the inception of inequality,and economic advance created the preconditions for the emergence at the end of the 6th cent. B. C. of an early-class state on the territory of Central Colchis.

For Central Colchis the Late Bronze—Early Iron Age is detable to the period covering the 15th—6th cent. B. C., the Late Bronze Age falling to the 15th—11th cent B. C.; in the 10th—6th cent. B. C. bronze and iron metallurgical manufacture coexisted.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамишвили Р. М., Микеладзе Т. К. Археологические раскопки в 1964 году на строительных площадках Ингургэса. — В сб.: Объединенная научная сессия ЗГИЭМ и ИИАЭ АН ГССР. Зугдиди, 1965, с. 4—7 (на груз. яз.).
2. Авдусин Д. А. Полевая археология СССР. — М.: Высшая школа, 1972. — 344 с.
3. Алексеев Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. — САИ, 1975, вып. Г 1—12. — 94 с.
4. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. — САИ, 1978, вып. Г 1—12. — 105 с.
5. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. — САИ, 1982, вып. Г 1—12. — 185 с.
6. Амиранашвили А. И. Новая находка в низовьях реки Ингура. — Тифлис: Изд-во госуниверситета, 1935. — 78 с.
7. Апакидзе А. М. Археологические памятники античной эпохи Западной Грузии. — В кн.: Археология Грузии. Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1959, с. 223—251 (на груз. яз.).
8. Апакидзе А. М. Культура античной эпохи. — В кн.: ОИГ, т. I. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1970, с. 661—783 (на груз. яз.).
9. Апакидзе Д. Б. Клад «литейщика» из Гали. — Дзеглис Мегобари, Тбилиси, 1984, № 66, с. 42—47 (на груз. яз.).
10. Апакидзе Д. Б. Клад из Лекумхара. — САНГ, 1985, 117, № 3, с. 653—656 (на груз. яз.).
11. Апакидзе Д. Б. Новый памятник поздней бронзы—раннего железа в Центральной Колхиде (раскопки поселения-производства в сел. Очхомури Чхороцкуского района). — Дзеглис Мегобари, Тбилиси, 1985, № 70, с. 60—68 (на груз. яз.).
12. Апакидзе Д. Б. Клад из Ахути. — В сб.: Материалы V республиканской конференции молодых ученых-историков. Тбилиси: Изд-во ТГУ, 1986, с. 98—100 (на груз. яз.).
13. Апакидзе Д. Б. К вопросу производства цветных каменных и стеклянных бус в древней Колхиде. — САНГ, 1986, т. 123, № 3, с. 657—660 (на груз. яз.).
14. Апакидзе Д. Б. Археологическая карта Центральной Колхиды (XV—VI вв. до н. э.). Погребения, клады, металлургические мастерские). — Дзеглис Мегобари. Тбилиси, 1988, № 3, с. 46—52 (на груз. яз.).
15. Аполлоний Родосский. Аргонавтика. (Греческий текст с гру-

зинским переводом издал, комментариями и указателем снабдил А. Урушадзе). — Тбилиси: Мецниереба, 1970. — 397 с. (на груз. яз.).
16. Аполлоний Родосский. Аргонавтика (перевод А. Геловани). — Тбилиси: Мецниереба, 1975. — 247 с. (на груз. яз.).
17. Артаманов М. И. Киммерийцы и скифы (от появления на исторической арене до конца IV в. до н. э.). — Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. — 156 с.
18. Барамидзе М. В. Мерхеульский могильник. — Тбилиси: Мецниереба, 1977. — 85 с. (на груз. яз.).
19. Барамидзе М. В., Пхакадзе Г. Г., Бжания В. В., Шамба Г. К., Чигошвили Т. Э., Квирквелия Г. Т., Хубутия Г. П. Отчет археологической экспедиции Абхазии. — ПАИ, 1979. Тбилиси, 1982, с. 64—68.
20. Барамидзе М. В., Чигошвили Т. Э., Квирквелия Г. Т., Квициния В. К., Хвистани Р. Краткий отчет работ 1980 г. археологической экспедиции Абхазии. — В сб.: Археологические открытия 1980 г. в Абхазии. Тбилиси, 1982, с. 44—46.
21. Барамидзе М. В., Чигошвили Т. Э., Квирквелия Г. Т., Джибладзе Л. В., Махарадзе З. С., Хубутия Г. П., хеологической экспедиции Абхазии. — ПАИ—1982. Тбилиси, 1985, с. 40—44.
22. Барамидзе М. В., Чигошвили Т. Э., Квирквелия Г. Т., Джибладзе Л. В., Махарадзе З. С., Хубутия Г. П., Хвистани Р. Археологические исследования в с. Пичори Гальского района. — В сб.: Археологические открытия 1983 года в Абхазии. Тбилиси, 1987, с. 47—50.
23. Барамидзе М. В., Чигошвили Т. Э. Новый металлургический очаг в с. Пичори. — В сб.: БПАС. Тезисы докладов. Сухуми, 1988, с. 20, 21.
24. Бгажба О. Х. Черная металлургия и металлообработка в древней и средневековой Абхазии. — Тбилиси: Мецниереба, 1983. — 104 с.
25. Бжания В. В. Мачарское поселение энеолита и бронзы в Абхазии. — СА, 1966, № 1, с. 113—126.
26. Бжания В. В. Древние рудники у перевала Аденгь. — В сб.: БПАС. Тезисы докладов. Сухуми, 1988, с. 7—9.
27. Биттель К. Бронзовые археологические находки из Артвина. — ИИЯИМК, 1938, т. II, вып. 2, с. 257—266 (на груз. яз.).
28. Вашакидзе Н. В., Лордкипанидзе Г. А. Колхский пифос. — ПЮЗГ, 1975, вып. V, с. 93—106 (на груз. яз.).
29. Витрувий. Десять книг об архитектуре (перевод Ф. Петровского), т. I. — ВАА, 1936. — 331 с.
30. Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии. — Сухуми: Алашара, 1969. — 94 с.
31. Воронов Ю. Н. Древности Сочи и его окрестностей. — Краснодар, 1979. — 125 с.
32. Воронов Ю. Н., Гунба М. М. Новые памятники колхидской культуры в Абхазии. — СА, 1978, № 2, с. 257—264.

33. Воронов Ю. Н. Кавказские дуговидные фибулы раннежелезной эпохи. — КСИА, 1983, № 176, с. 29—33.
34. Воронов Ю. Н. Восточное Причерноморье в железном веке. (Вопросы хронологии и интерпретация памятников VIII в. до н. э. — VIII в. н. э.). Автореф. докт. дис. М.: ИА АН СССР, 1984. — 37 с.
35. Габелия А. Н. Поселения колхидской культуры (на материалах Абхазии). — Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1984. — 16 с.
36. Габелия А. Н. О металлобработке Абхазии в эпоху колхидской культуры. — В сб.: БПАС. Тезисы докладов. Сухуми, 1988, с. 38—39.
37. Гагошидзе В. С. Конструкция древнейшего типа колхидского жилого дома по Витрувию. — Мацне. Тбилиси, 1974, № 4, с. 158—163.
38. Гагошидзе Ю. М. Материалы к истории златокузнечества в Грузии (I половина I тысячелетия до н. э.). — ВГМГ, 1976, вып. XXXII—В, с. 5—32 (на груз. яз.).
39. Гамбашидзе О. С. Тхморский клад. — Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1963, — 95 с. (на груз. яз.).
40. Гамкрелидзе Г. А. Древние поселения Центральной Колхиды (с. Мтисдзири). — Тбилиси: Мецниереба, 1982. — 146 с. (на груз. яз.).
41. Гамкрелидзе Г. А. «Античная эпоха» или «иберийско-колхидская эпоха»? — ВАГ, 1985, вып. III, с. 123—126 (на груз. яз.).
42. Гветадзе Д. Н. К вопросу о локализации страны Гимиров. — Цискари, Тбилиси, 1976, № 2, с. 127—131 (на груз. яз.).
43. Геоморфология Грузии. Рельеф ГССР в аспектах пластики, происхождения, динамики и истории. (Ред. коллегия: Л. И. Маруашвили (отв. ред.) и др.). — Тбилиси: Мецниереба, 1971. — 609 с.
44. Геродот. История (перевод, предисловие и указатель Т. С. Каухчишвили), т. 1. — Тбилиси: Изд-во ТГУ, 1975. — 358 с.
45. Гзелишвили И. А. Железоплавильное дело в древней Грузии. — Тбилиси: Мецниереба, 1964. — 123 с.
46. Гобеджишвили Г. Ф. Археологические раскопки в Советской Грузии. — Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1952. — 168 с. (на груз. яз.).
47. Гобеджишвили Г. Ф., Джапаридзе О. М. Памятники эпохи поздней бронзы в Западной Грузии .— В кн.: Археология Грузии. Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1959, с. 129—155 (на груз. яз.).
48. Гобеджишвили Г. Ф. Начальный этап металлургии бронзы и железа. — В кн.: Археология Грузии. Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1959, с. 206—222 (на груз. яз.).
49. Гобеджишвили Г. Ф. Памятники древнего горного дела в Раче. — Дзеглис Мегобари. Тбилиси, 1966, № 6, с. 16—20 (на груз. яз.).
50. Гобеджишвили Г. Ф. Культура Западной Грузии. — В кн.: ОИГ, т. I. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1970, с. 255—295 (на груз. яз.).
51. Гобеджишвили Г. Ф. Новые явления в экономической и социальной жизни. — В кн.: ОИГ, т. I. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1970, с. 243—255 (на груз. яз.).
52. Гобеджишвили Г. Г., Муджири Т. П., Инайшвили Г. В., Майсурадзе В. Г. К истории древнейшего производства бронзы в горной Раче. — САНГ, 1983, т. III, № 2, с. 441—443 (на груз. яз.).

53. Гогадзе Э. М., Давлианидзе Ц. О., Панцхава Л. Н., Рамишвили Р. М. Результаты работ Носири-Мухурчской экспедиции за 1980—1981 гг. — АЭГМГ, 1986, вып. VIII, с. 45—55 (на груз. яз.).
54. Гогадзе Э. М. Результаты работ Носири-Мухурчской археологической экспедиции в 1983—1984 гг. — В сб.: Достижения советской археологии в XI пятилетке. Тезисы докладов. Баку, 1985, с. 385—387.
55. Гогадзе Э. М., Давлианидзе Ц. О. Горадзири. — Тбилиси: Мецниереба, 1981. — 97 с. (на груз. яз.).
56. Гогадзе Э. М. Культура поселений Колхиды эпохи бронзы и раннего железа. — Тбилиси: Мецниереба, 1982. — 108 с. (на груз. яз.).
57. Гогадзе Э. М. К вопросу о хронологии и периодизации памятников колхидской культуры (по материалам Носири-Мухурча). — ВГМГ, 1984, вып. XXXVII—В, с. 28—54.
58. Гоголишвили В. М. Проблема изучения древних памятников Колхидской низменности. — БКИЧП, 1940, № 6—7, с. 109, 110.
59. Гордезиани Р. В. Проблемы гомеровского эпоса. — Тбилиси: Изд-во ТГУ, 1978. — 394 с.
60. Григолия Г .К., Барамидзе М. В. Результаты работ изыскательно-археологической экспедиции в 1963 г. в связи со строительством Ингургэса. — В сб.: XIII научная сессия ИИАЭ АН ГССР Тезисы докладов. Тбилиси: Мецниереба, 1964, с. 10—14 (на груз. яз.).
61. Григолия Г. К., Пхакадзе Г. П., Барамидзе М. В., Лордкипанидзе Г. А. Результаты работ Западногрузинской археологической экспедиции в 1966 году. — МАГК, 1973, вып. V, с. 17—39 (на груз. яз.).
62. Григолия Г. К., Барамидзе М. В., Окропиридзе Н. И., Цитланадзе Л., Рамишвили Р. М., Джапаридзе В. М., Джгамая Д. К., Чартолани Ш. Г. Итоги работ Ингурской археологической экспедиции за 1968 г. — В сб.: XVIII научная сессия ИИАЭ АН ГССР. Краткие отчеты. Тбилиси: Мецниереба, 1969, с. 8 (на груз. яз.).
63. Григолия Г. К., Барамидзе М. В., Лордкипанидзе Г. А., Джапаридзе В. М., Джгамая Д. К. Результаты работ Ингурской археологической экспедиции в 1969 г. — В сб.: Археологические исследования в Грузии в 1969 г. Тбилиси: Мецниереба, 1971, с. 26—30 (на груз. яз.).
64. Григолия Г. К., Барамидзе М. В., Лордкипанидзе Г. А., Пхакадзе Г. А., Джапаридзе В. М., Кигурадзе Н. Ш., Джгамая Д. К. Результаты работ Западногрузинской археологической разведочной экспедиции в 1968 году. — В сб.: XVIII научная сессия ИИАЭ АН ГССР. Тбилиси: Мецниереба, 1969, с. 12, 13 (на груз. яз.).
65. Григолия Г. К. Результаты работ Западногрузинской археологической экспедиции в 1969 году. — В кн.: Археологические исследования в 1959 году. Тбилиси: Мецниереба, 1971, с. 18—20 (на груз. яз.).
66. Григолия Г. К., Окропиридзе Н .И., Джапаридзе В. М., Цирквава В., Чартолани Ш. Г. Результаты работ Западногрузинской археологической экспедиции в 1971 году. — В кн.: Ар-

хеологические исследования в 1971 году. Тбилиси: Мецниереба, 1971 — [illegible] (на груз. яз.).
67. Григолия Г. К. О локализации «Большого колхидского города». — Дзеглис Мегобари. Тбилиси, 1973, № 3, с. 50—57 (на груз. яз.).
68. Гунба М. М. Памятник эпохи поздней бронзы в Гальском районе. — ПАИ — 1976. Тбилиси, 1979, с. 60—66.
69. Джавахишвили И. А. Экономическая история Грузии, кн. I. — Тифлис: Картули цигни, 1930. — 428 с. (на груз. яз.).
70. Джавахишвили А. И. Строительное дело и архитектура поселений Южного Кавказа V—III тыс. до н. э. — Тбилиси: Мецниереба, 1973. — 374 с.
71. Джавахишвили А. И., Глонти Л. И. Урбниси, т. 1. — Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1962. — 73 с. (на груз. яз.).
72. Джалабадзе Г. В. Земледелие в Самегрело. — В сб.: Материалы по этнографическому изучению Самегрело. Тбилиси: Мецниереба, 1979, с. 3—44 (на груз. яз.).
73. Джандиери М. И. Древнее башенное общинное жилище. — ВДИ, 1981, № 2, с. 118—155.
74. Дзидзигури Л. Ш. О назначении так называемого сегментовидного орудия. — Мацне, 1985, № 2, с. 158—170 (на груз. яз.).
75. Джанелидзе Ч. П. Палеография Грузии в голоцене. — Тбилиси: Мецниереба, 1980. — 178 с.
76. Джапаридзе В. М. Археологические разведки и раскопки в зоне строительства Вардцихской ГЭС. — ПАИ — 1977. Тбилиси, 1980, с. 252—262.
77. Джапаридзе О. М. Колхидский топор. — ВГМГ, 1950, вып. XVI—В, с. 35—89 (на груз. яз.).
78. Джапаридзе О. М. Разведочная экспедиция в Гурии. — ВГМГ, 1950, вып. XVI—В, с. 109—121 (на груз. яз.).
79. Джапаридзе О. М. Земледельческие орудия западногрузинской культуры. — Тбилиси: Изд-во ТГУ, 1953, т. 49, с. 173—213 (на груз. яз.).
80. Джапаридзе О. М. Клад из Бежатубани. — ВГМГ, 1950, вып. XVI—В, с 217—220 (на груз. яз.).
81. Джапаридзе О. М. Цхинвальский клад. — ВГМГ, 1950, вып. XVI—В, с. 99—107 (на груз. яз.).
82. Джапаридзе О. М. Бронзовые топоры Западной Грузии. — СА, 1953, т. XVIII, с. 281—300.
83. Джапаридзе О. М. Среднебронзовая эпоха в Грузии. — В кн.: ОИГ, т. 1. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1970, с. 201—242 (на груз. яз.).
84. Джапаридзе О. М. Рецензия на книгу Т. К. Микеладзе «Исследования по истории древнейшего населения Колхиды и Юго-Восточного Причерноморья (II—I тыс. до н. э.)». — В сб.: Труды ТГУ, т. 162. Тбилиси, 1975, с. 137—144 (на груз. яз.).
85. Джапаридзе О. М. К этнической истории грузинских племен по данным археологии. — Тбилиси: Изд-во ТГУ, 1976. — 361 с. (на груз. яз.).

86. Джапаридзе О. М. Западногрузинская культура эпохи поздней бронзы. — Мацне. Тбилиси, 1982, № 1, с. 61—82 (на груз. яз.).
87. Джапаридзе О. М. Западногрузинская культура эпохи поздней бронзы. — Мацне. Тбилиси, 1982, № 2, с. 41—62 (на груз. яз.).
88. Джибладзе Л. В. Новейшие открытия в с. Пичори Гальского района. — САНГ, 1985, т. 119, № 3, с. 657—660 (на груз. яз.).
89. Джибладзе Л. В. Древнеколхидские материалы правобережья реки Энгури. — Дзеглис Мегобари. Тбилиси, 1985, № 70, с. 69—71 (на груз. яз.).
90. Джикия Л. Б. Археологическая карта Кутаиси и его окрестностей (I тысячелетие до н. э.). — Дзеглис Мегобари. Тбилиси, 1977, № 46, с. 26—30 (на груз. яз.).
91. Джикия Л .Б. Археологические памятники Кутаиси и его округи I тысячелетия до н. э. — Автореф. канд. дис. Тбилиси: ИИАЭ АН ГССР. — 24 с.
92. Доманский Я. В. Древняя художественная бронза Кавказа. — М.: Искусство, 1984. — 238 с.
93. Дьяконов М. И. История Мидии. От древнейших времен до конца IV века до н. э. — М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1956. — 488 с.
94. Задикашвили Л., Кереселидзе Л. Гагат в Грузии. — Мецниереба да техника. Тбилиси, 1981, № 5, с. 14, 15 (на груз. яз.).
95. Иващенко М. М. Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии. — ИНИИК, 1953, вып. 3. — 86 с.
96. Иващенко М. М. Материалы к изучению культуры колхов. — МАГК, 1941, вып. 2, с. 1—66.
97. Иессен А. А. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. — ИГАИМК, 1935, вып. 120. — 420 с.
98. Инайшвили А. К. Дидаджарский клад и некоторые вопросы истории материальной культуры древней Колхиды. — ПИОЗГ, 1975, с. 3—50 (на груз. яз.).
99. Каландадзе А. Н. Археологические памятники Сухумской горы. — Сухуми: Абгиз, 1954. — 102 с. (на груз. яз.).
100. Каландадзе К. С. Неолитическая культура Западной Грузии в свете новых археологических открытий. — Тбилиси: Мецниереба, 1985. — 125 с. (на груз. яз.).
101. Каухчишвили Т. С. Сведения Гиппократа о Грузии. — Тбилиси: Мецниереба, 1965. — 85 с. (на груз. яз.).
102. Каухчишвили Т. С. Сведения греческих писателей о Грузии. Т. II. (Аристотель, Николай Дамасский, Клавдий Элиан). — Тбилиси: Мецниереба, 1969. — 220 с. (на груз. яз.).
103. Каухчишвили Т. С. География Страбона (сведения о Грузии). — Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1957. — 302 с. (на груз. яз.).
104. Кахидзе А. Ю. Города Причерноморья Грузии в античную эпоху (Кобулети — Пичвнари). — Тбилиси, 1971. — 158 с. (на груз. яз.).
105. Качарава Д. Д., Кипиани Г. Г., Лордкипанидзе О. Д., Путуридзе Р. В. Археологические раскопки на верхней террасе Ванского городища (1970—1977 гг.). — В кн.: Вани, т. IV. Тбилиси: Мецниереба, 1979, с. 7—37 (на груз. яз.).

106. Квирквелия Г. Т. Материальная культура Северо-Западной Колхиды в VIII—V вв. до н. э. — Автореф. канд. дис. Тбилиси: ИИАЭ АН ГССР, 1981. — 26 с.
107. Кигурадзе Н. Ш. Даннарский могильник. — Тбилиси: Мецниереба, 1976. — 63 с.
108. Киквидзе Я. А. Земледелие и земледельческий культ в древней Грузии. — Тбилиси: Мецниереба, 1976. — 256 с. (на груз. яз.).
109. Коридзе Д. Л. Случайная археологическая находка в с. Курзу (Гегечкорский район). — ВГМГ, 1961, вып. XXII—В, с. 55—69 (на груз. яз.).
110. Коридзе Д. Л. К истории колхидской культуры. — Тбилиси: Мецниереба, 1965. — 167 с. (на груз. яз.).
111. Коридзе Д. Л. К вопросу классификации и генезиса плоских топоров из территории Грузии. — ВГМГ, 1969, вып. XXVIII—В, с. 5—28 (на груз. яз.).
112. Коридзе Д. Л. К вопросу о распространении и генезисе пламневидных копий и дротиков. — ВГМГ, 1972, XXIX—В, с. 34—50 (на груз. яз.).
113. Крупнов Е. И. Археологическая экспедиция Государственного исторического музея в Закавказье. — СЭ, 1934, № 3, с. 108, 109.
114. Крупнов Е. И. О походах скифов через Кавказ (по материалам конференции ИИМК АН СССР 1952 г.). — В сб.: ВССА. М.: Изд-во АН СССР, 1954, с. 186—194.
115. Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. — М.: Изд-во АН СССР, 1960. — 520 с.
116. Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети, т .I. — Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1941. — 231 с.
117. Куфтин Б. А. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и куро-аракский энеолит. — ВГМГ, 1944, вып. XIII—В, с. 1—171.
118. Куфтин Б. А. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе по данным археологии. — ВГМГ, 1944, вып. XII—В, с. 291—415.
119. Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды, т. I. — Тбилиси: Техника да шрома, 1949. — 360 с.
120. Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды, т. II. — Тбилиси: Техника да шрома, 1950. — 332 с.
121. Куфтин Б. А. Археологическая маршрутная экспедиция в Юго-Осетию и Имеретию в 1945 г. — Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1949. — 230 с.
122. Куталейшвили З. Г. Мореходство в Грузии. — Тбилиси: Изд-во ТГУ, 1987. — 371 с. (на груз. яз.).
123. Ламберти А. Описание Мегрелии (перевод Ал. Чкония). — Тифлис, 1938. — 205 с. (на груз. яз.).
124. Лежава Г. И. Древнейшая деревянная архитектура по «Анабасису» Ксенофонта. — Мацне. Тбилиси, 1971, № 3, с. 90—103.
125. Лордкипанидзе Г. А. Колхида в VI—II вв. до н. э. — Тбилиси: Мецниереба, 1978. — 170 с.

126. Лордкипанидзе О. Д. Античный мир и древняя Колхида. (К истории торгово-экономических и культурных взаимоотношений в VII—II вв. до н. э.). — Тбилиси: Изд-во ТГУ, 1966. — 228 с.
127. Лордкипанидзе О. Д. Античный мир и древняя Грузия (торгово-экономические и культурные взаимоотношения со второй половины II тысячелетия до н. э. до III—IV вв. н. э.). — Автореф. докт. дис. Тбилиси: ИИАЭ АН ГССР, 1966. — 57 с.
128. Лордкипанидзе О. Д. Ванское городище. — В кн.: Вани, т. I. Тбилиси: Мецниереба, 1971, с. 7—42 (на груз. яз.).
129. Лордкипанидзе О. Д. Археология и некоторые вопросы древней истории Грузии. — Мацне, 1976, № 2, с. 110—128 (на груз. яз.).
130. Лордкипанидзе О. Д. Древняя Колхида. (Миф и археология). — Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1979. — 230 с.
131. Лордкипанидзе О. Д., Гиголашвили Е. Г., Качарава Д. Д., Личели В. Т., Пирцхалава М. С., Чкония А. М. Колхидская керамика VI—IV вв. до н. э. из городища Вани (типологическая и хронологическая классификация, каталог). — В кн.: Вани, т. V. Тбилиси: Мецниереба, 1981. — 111 с. (на груз. яз.).
132. Лордкипанидзе О. Д. Город-храм Колхиды. — М.: Наука, 1984. — 93 с.
133. Лордкипанидзе О. Д. Новые археологические открытия в Вани. — В сб.: Достижения советской археологии в XI пятилетке. Тезисы докладов. Баку, 1985, с. 16.
134. Лордкипанидзе О. Д. Аргонавтика и древняя Колхида. — Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1986. — 151 с.
135. Лукин А. А. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии. — ТОИПКГЭ, 1941, вып. I, с. 17—87.
136. Маруашвили Л. И. Физическая география Грузии, т. II. — Тбилиси: Изд-во ТГУ, 1970. — 347 с.
137. Машников И. Секрет жрицы Медеи, или Одна версия похода аргонавтов. — Вокруг света. М., 1987, № 1, с. 35—39.
138. Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. — Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1959. — 507 с.
139. Меликишвили Г. А. К вопросу о древнейшем населении Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. — Тбилиси: Мецниереба, 1965. — 260 с. (на груз. яз.).
140. Меликишвили Г. А. Древнейшие объединения Юго-Западной Грузии. — В кн.: ОИГ, т. I. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1970, с. 358—391 (на груз. яз.).
141. Меликишвили Г. А. Нашествие киммерийцев и скифов. Уничтожение древнеколхидского царства. — В кн.: ОИГ, т. I. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1970, с. 392—399 (на груз. яз.).
142. Мелюкова А. И. Вооружение скифов. — САИ, 1964, вып. Д 1—4. — 88 с.
143. Менабде В. Л. Ботанико-систематические данные о хлебных злаках древней Колхиды. — Сообщ. Груз. филиала АН СССР, 1940, вып. 64, с. 683—689.
144. Микеладзе Т. К. «Анабасис» Ксенофонта. — Тбилиси: Мецниереба, 1967. — 155 с. (на груз. яз.).

145. Микеладзе Т. К. Исследования по истории древнейшего населения Колхиды и Юго-Восточного Причерноморья (II—I тыс. до н. э.). — Тбилиси: Мецниереба, 1974. — 209 с. (на груз. яз.).
146. Микеладзе Т. К., Барамидзе М. В. Колхский могильник VII—VI вв. до н. э. в с. Нигвзиани. — КСИА, 1977, № 151, с. 33—39.
147. Микеладзе Т. К. Археологические исследования в низовьях р. Риони. (Материалы к истории древнего Фасиса). — Тбилиси: Мецниереба, 1978. — 111 с.
148. Микеладзе Т. К. Колхидские могильники эпохи раннего железа (Урекский и Нигвзианский могильники). — Тбилиси: Мецниереба, 1985. — 133 с. (на груз. яз.).
149. Микеладзе Т. К., Хахутайшвили Д. А. Древнеколхидское поселение Намчедури. — Тбилиси: Мецниереба, 1985. — 55 с.
150. Микеладзе Т. К., Барамидзе М. В., Мусхелишвили Д. Л., Хахутайшвили Д. А., Пхакадзе Г. П. Результаты исследований Колхидской археологической экспедиции. — ПАИ — 1972. Тбилиси, 1973, с. 48—57.
151. Микеладзе Т. К., Барамидзе М. В., Лордкипанидзе Г. А., Мусхелишвили Д. Л., Хахутайшвили Д. А., Пхакадзе Г. П. Итоги археологических исследований Колхидской экспедиции. — ПАИ — 1973. Тбилиси, 1974, с. 27—31.
152. Микеладзе Т. К., Барамидзе М. В. О некоторых итогах полевых исследований в Колхидской низменности в зоне новостроек. — В сб.: АИН ГССР. Тбилиси: Мецниереба, 1976, с. 95—101.
153. Микеладзе Т. К., Мусхелишвили Д. Л., Хахутайшвили Д. А. Колхидская археологическая экспедиция. — ПАИ — 1978. Тбилиси, 1981, с. 43—49.
154. Микеладзе Т. К. Основные результаты полевых исследований Колхидской археологической экспедиции. — ПАИ — 1980. Тбилиси, 1982, с. 31—35.
155. Микеладзе Т. К. О некоторых результатах полевых исследований в зонах новостроек Колхидской низменности в десятой пятилетке. — В кн.: АИН ГССР. Тбилиси: Мецниереба, 1982, с. 75—89.
156. Микеладзе Т. К., Мигдисова Н. П., Папуашвили Р. И. Исследования Колхидской археологической экспедиции. — ПАИ — 1981. Тбилиси, 1984, с. 22—25.
157. Микеладзе Т. К., Мигдисова Н. П., Папуашвили Р. И. Основные итоги полевых исследований Колхидской экспедиции. — ПАИ — 1982. Тбилиси, 1985, с. 37—40.
158. Микеладзе Т. К., Мигдисова Н. П., Папуашвили Р. И. О полевых исследованиях Колхидской археологической экспедиции. ПАИ — 1983. Тбилиси, 1986, с. 15—17.
159. Муджири Т. П. Древние рудники горной Абхазии в системе горно-металлургического производства Грузии и Кавказа эпохи бронзы. — В сб.: БПАС. Тезисы докладов. Сухуми, 1988, с. 10, 11.
160. Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. — М.: Наука, 1975. — 415 с.

161. Мшвениерадзе Д. М. Строительное дело в древней Грузии. — Тбилиси: Техника да шрома, 1952. — 476 с.
162. Ниорадзе Г. К. Земоавчальская могила. — ВГМГ, 1929—1930, вып. VI, с. 139—228 (на груз. яз.).
163. Ниорадзе Г. К. Археологические раскопки в Колхиде. — ИИЯИМК, т. X, 1940, с. 323—343 (на груз. яз.).
164. Ниорадзе Г. К. Археологические разведки в ущелье р. Куры. — ВГМГ, 1944, вып. XIII—В, с. 173—226 (на груз. яз.).
165. Окропиридзе Н. И., Барамидзе М. В. Палурское «Садзвле» (итоги работ 1968 г.). — МАГК, 1974, вып. VI, с. 96—123 (на груз. яз.).
166. Панцхава Л. Н. Памятники художественного ремесла колхидской культуры. — Тбилиси: Мецниереба, 1988. — 118 с.
167. Папуашвили Р. И. Скифские элементы в материалах Колхидской археологической экспедиции. — Дзеглис Мегобари. Тбилиси, 1983, № 63, с. 25—27.
168. Пиотровский Б. Б. Археология Закавказья с древнейших времен до I тысячелетия до н. э. (Курс лекций). — Л.: Изд-во ЛГУ, 1949. — 132 с.
169. Пиотровский Б. Б. Кармир-Блур (альбом). — Л.: Аврора, 1970. — 36 с.
170. Пирцхалава М. С. К вопросу о распространении памятников скифской культуры в материальной культуре древней Грузии. — В кн.: ВАГ, т. 1. Тбилиси: Мецниереба, 1978, с. 31—52 (на груз. яз.).
171. Пицхелаури К. Н. Основные проблемы истории племен Восточной Грузии в XV—VII вв. до н. э. — Тбилиси: Мецниереба, 1973. — 233 с. (на груз. яз.).
172. Природные ресурсы Грузинской ССР. (Отв. ред. Ф. И. Тавадзе), т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1958.—232 с.
173. Пхакадзе Г. Г. Материалы из Абедатского Диха-Гудзубе. — МАГК, 1974, т. VI, с. 137—144 (на груз. яз.).
174. Рамишвили А. Т. Из истории материальной культуры Колхети. — Батуми: Сабчота Аджара, 1974. — 137 с. (на груз. яз.).
175. Рамишвили А. Т. О назначении стоянок с «текстильной керамикой» Восточного Причерноморья. — СА, 1975, № 4, с. 36—44.
176. Садрадзе В., Хубулури Н. Клад из Дгнориса. — В сб.: АИ. (Материалы II и III научной сессии молодых ученых). Тбилиси: Изд-во ТГУ, 1982, с. 15—21.
177. Сахарова Л. С. К изучению земледельческих орудий Лечхуми позднего бронзового века. — Мацне. Тбилиси, 1964, № 1, с. 156—169 (на груз. яз.).
178. Сахарова Л. С. Позднебронзовая культура ущелья реки Цхенисцкали. — Автореф. канд. дис. Тбилиси: ИИАЭ АН ГССР, 1966. — 31 с.
179. Сахарова Л. С. Керамика эпохи поздней бронзы и раннего железа из окрестности Кутаиси. — Мацне. Тбилиси, 1970, № 4, с. 87—92 (на груз. яз.).

180. Сахарова Л. С. К истории древнейшего боевого оружия (бронзовые наконечники дротиков). — Мацне. Тбилиси, 1973, № 3, с. 82—94 (на груз. яз.).
181. Сахарова Л. С. Бронзовые клады из Лечхуми. — Тбилиси: Мецниереба, 1976. — 53 с. (на груз. яз.).
182. Сабашвили М. Н. Почвы Грузинской ССР. — Тбилиси: Мецниереба, 1965. — 552 с. (на груз. яз.).
183. Соловьев Л. Н. Энеолитическое селище у Очамчирского порта в Абхазии. СМИА, 1939, 1, с. 3—65.
184. Соловьев Л. Н. Селища с «текстильной керамикой» на побережье Западной Грузии. — СА, 1950, т. XIV, с. 265—286.
185. Стражев В. И. Бронзовая культура в Абхазии. — ИАНО, 1926, вып. IV, с. 105—124.
186. Сумбадзе Л. З. Колхидское жилище по Витрувию. — Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1960. — 53 с.
187. Тавадзе Ф., Сакварелидзе Г. Бронзы древней Грузии. — Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1959. — 85 с.
188. Тереножкин А. И. Киммерийцы. — Киев: Наукова думка, 1976. — 223 с.
189. Техов Б. В. О появлении и развитии кавказских дугообразных фибул. — В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука, 1973, с. 141—149.
190. Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э. — М.: Наука, 1977. — 239 с.
191. Техов Б. В. Скифы и материальная культура Центрального Кавказа в VII—VI вв. до н. э. — Киев: Наукова думка, 1980, с. 219—257.
192. Техов Б. В. Тлийский могильник (комплексы XVI—X вв. до н. э.), вып. I. — Тбилиси: Мецниереба, 1980. — 59 с.
193. Техов Б. В. Тлийский могильник (комплексы IX — первой половины VII в. до н. э.), вып. 2. — Тбилиси: Мецниереба, 1982. — 74 с.
194. Техов Б. В. Тлийский могильник (комплексы второй половины VII—VI вв. до н. э.), вып .3. — Тбилиси: Мецниереба, 1985. — 70 с.
195. Толордава В. А. Археологические раскопки в Даблагоми 1973—1974 гг. — В кн.: Вани, т. III. Тбилиси: Мецниереба, 1977, с. 71—80 (на груз. яз.).
196. Трапш М. М. Отдельные клады и находки. Труды в 4-х т. Т. I — Сухуми: Алашара, 1970. — 210 с.
197. Трапш М. М. Культура населения Сухуми в эпоху бронзы и раннего железа. Труды в 4-х томах, т. II. — Сухуми: Алашара, 1969. — 373 с.
198. Трубникова Н. В. К вопросу о назначении «кобанских сечек». — КСИИМК, 1974, вып. XVIII, с. 49—53.
199. Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа. — МАК, 1900, т. VIII. — 394 с.
200. Хахутайшвили Д. А. Новооткрытые памятники древнеколхидской металлургии железа. — КСИА, 1977, № 151, с. 29—33.
201. Хахутайшвили Д. А. Материалы по истории раннего этапа прои-

зводства железа в Северной Колхиде. — ПЮЗГ, 1980, т. IX, с. 3—38 (на груз. яз.).
202. Хахутайшвили Д. А. Производство железа в древней Колхиде. — Тбилиси: Мецниереба, 1987. — 254 с.
203. Хахутайшвили Н. Д. Приморье Юго-Западной Грузии в эпоху раннего железа. — Тбилиси: Мецниереба, 1986. — 146 с. (на груз. яз.).
204. Хоштария Н. В. Диха-Гудзуба, древнее поселение Колхидской низменности. — САНГ, 1944, т. V, № 2, с. 207—212 (на груз. яз.).
205. Хоштария Н. В. Древние поселения Колхидской низменности и проблемы их исследования. — САНГ, т. VI, № 6, с. 465—472 (на груз. яз.).
206. Хоштария Н. В. Археологические исследования с. Кулеви. — САНГ, 1946, т. VII, № 1—2, с. 77—82 (на груз. яз.).
207. Хоштария Н. В. Об одном бронзовом орудии из Колхиды. — КСИИМК, 1951, т. XXXVI, с. 177—180.
208. Хоштария Н. В. Археологические исследования в Уреки. — МАГК, 1955, вып. 1, с. 25—78.
209. Хоштария Н. В. Археологические исследования в Вани и Ванском районе в 1952 году. — МАГК, вып. II, с. 149—162.
210. Чайлд Г. Прогресс и археология. (Перевод с англ. М. Б. Граковой-Свиридовой. Предисловие проф. А. В. Арциховского). — М.: изд. тип. Гос. изд. иностр. лит., 1949. — 195 с.
211. Чартолани Ш. Г. К истории нагорья Западной Грузии доклассовой эпохи. — Тбилиси: Мецниереба, 1989. — 268 с.
212. Челидзе З. А. Результаты археомагнитного исследования некоторых железоплавильных мастерских, выявленных на территории древней Колхиды. — ПЮЗГ, 1978, вып. VII, с. 35—41 (на груз. яз.).
213. Читая Г. С. Мотыжная культура в Западной Грузии (Колхиде). — Труды (ин-т истории), т. IV, вып. 2, 1959, с. 147—162 (на груз. яз.).
214. Шамба Г. К. Раскопки древних памятников Абхазии. — Сухуми: Алашара, 1984. — 99 с.
215. Шамба Г. К. Культура племен Абхазии в первом тысячелетии до н. э. — Автореф. докт. дис. — Ереван: ИАЭ АН Армянской ССР, 1987. — 38 с.
216. Шенгелия Г. Археологические материалы эпохи поздней бронзы из Очхомури. — Дзеглис Мегобари. Тбилиси, 1985, № 69, с. 52—54 (на груз. яз.).
217. Элиава Г. В. Гегечкорский краеведческий музей (путеводитель). — Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1968. — 91 с. (на груз. яз.).
218. Элиава Г. В. Археологические материалы Петрес Накару. — Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1987. — 141 с. (на груз. яз.).
219. Geiss H. Reise in das allte Knossos. — Leipzig: Im Prisma-Verlag, 1981.—182 S.
220. Nióradse G. K. Der Verwarfund von Kwemo-Sasirethi.—ESA, VII. Helsinki, 1932, S. 82—97.
221. Przeworski S. V. Der Grottenfund von Ordu. — AO, Vol. 7, № 8; 8 Nr, Praha, 1935—36.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Абгиз — Абхазское государственное издательство. Сухуми.
АИ — Археологические изыскания. Тбилиси.
АИН — Археологические исследования на новостройках ГССР. Тбилиси.
АЭГМ — Археологические экспедиции Государственного музея Грузии. Тбилиси.
АО — Археологические открытия. М.
БПАС — Башкапсарский полево-археологический семинар, Сухуми.
БКИЧП — Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. М.
ВАА — Всесоюзная академия архитектуры. М.
ВАГ — Вопросы археологии Грузии. Тбилиси.
ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии. Тбилиси.
ВДИ — Вестник древней истории. М.
ВССА — Вопросы скифско-сарматской археологии. М.
ГИЭМ — Гальский историко-этнографический музей.
ЗИМ — Зугдидский исторический музей.
ИАНО — Известия Абхазского научного общества. Сухуми.
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры. М.
ИИАЭ — Институт истории, археологии и этнографии АН ГССР.
ИИЯМК — Известия института языка и материальной культуры. Тбилиси.
ИНИИК — Известия научно-исследовательского института кавказоведения. Тбилиси.
КГМ — Кутаисский Государственный музей.
КСИА — Краткие сообщения института археологии. М.
КСИИМК — Краткие сообщения института истории материальной культуры. М.
ЛГУ — Ленинградский государственный университет.
МАГК — Материалы по археологии Грузии и Кавказа. Тбилиси.
МАК — Материалы по археологии Кавказа. М.
МКМ — Мартвильский краеведческий музей.
ОИГ — Очерки истории Грузии. Тбилиси.
ОКМ — Озургетский краеведческий музей.

ПАИ — Полевые археологические исследования в Грузии. Тбилиси.
ПКМ — Потийский краеведческий музей.
ПЮЗГ — Памятники Юго-Западной Грузии. Тбилиси.
СА — Советская археология. М.
САИ — Свод археологических источников. М.
САНГ — Сообщения Академии наук Грузинской ССР. Тбилиси.
СМИА — Сборник материалов по истории Абхазии. Сухуми.
СЭ — Советская этнография. М.
ТОИПКГЭ — Труды отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Л.
ТГУ — Тбилисский государственный университет.
ЧКМ — Чхороцкуский краеведческий музей.
AO—Archiv Orientalni.
ESA—Eurasia Septentrionalis Antiqua.

ОПИСАНИЕ ТАБЛИЦ

I. Ареал распространения колхидской культуры эпохи поздней бронзы — раннего железа (XV—VI вв. до н. э.).

II. Археологическая карта поселений Центральной Колхиды (XV—VI вв. до н. э.).

III. Археологическая карта Центральной Колхиды (XV—VI вв. до н. э.) (клады, могильники, погребения, металлургические мастерские).

Очхомурское поселение-производство (табл. IV—LVII)

IV. План Очхомурского поселения-производства.

V. Продольный разрез культурного слоя.

VI. Графическое изображение траншеи № 4.

VII—XXIV. Керамика.

XXV—XXXII. Клад.

XXXIII—XXXVI. Материалы бронзового и железного металлургического производства.

XXXVII. 1, 3— бусы стеклянные; 2— антропоморфная подвеска, стеклянная.

XXXVIII. Бусы «гагатовые».

XXXIX. Бусы стеклянные.

XL. Буса и «кольцо» «гагатовые».

XLI. 1 — буса «каменная»; 2 — буса сердоликовая.

XLII. Бусы, изготовленные из кремнистого материала; пластины и отщепы кремня.

XLIII, XLIV. Камни для фиксации заготовок бус.

XLV. 1 — желобчатый камень для шлифования бус; 2 — камень с острым верхним концом.

XLVI. Камни, связанные с изготовлением бус из полудрагоценных камней (Нацисквилари).

XLVII—LIV. Каменные орудия труда.

LV. Желваки кремневые.

LVI. 1—8 — Заготовки вкладышей для серпов, кремневые; 9,10 — вкладыши серпов, кремневые; 11, 14 — заготовки наконечников копий, кремневые; 12, 13 — наконечники копий, кремневые.

LVII. 1—9, 11—13 — пластины кремневые; 10, 14 — нуклеусы.

Нацисквиларское поселение-производство (LVIII—XCVII)

LVIII. План Нацисквилари.

LIX. Продольный разрез культурного слоя.

LX. Раскоп № 1 (1986 г.).
LXI. Шурф № 13.
LXII—LXV. Изображение отдельных частей Нацисквилари. (Раскоп № 11)
LXVI. 1,2 — глиняные фигурки овец; 3,4 — глиняные фигурки.
LXVII—LXXVII. Керамика.
LXXVIII, LXXIX, LXXXII, LXXXV—LXXXIX. Полуфабрикаты сердоликовых бус.
LXXX, LXXXI. Бусы сердоликовые.
LXXXIII. Полуфабрикат сердоликовой бусы.
LXXXIV. Полуфабрикат «каменной» бусы.
XC. Бусы стеклянные.
XCI. 1—буса «каменная»; 2, 3 — бусы сердоликовые.
XCII. Клад сердоликовых бус из Нагвазао.
XCIII—XCV. Желобчатые камни для шлифования бус из полудрагоценного камня.
XCVI. 1 — заготовка кремневого вкладыша серпа; 2, 3 — наконечники копий; 4—11 — вкладыши серпов.
XCVII. Глиняные пряслицы.
XCVIII. Инвентарь погребения Ведидкари-Махати.
XCIX. Инвентарь погребения № 70 из Урекского могильника.
C. Инвентарь погребения Налепсао.
CI. Инвентарь погребения Лече.
CII. Часть инвентаря погребения Нахунао.
CIII. Часть инвентаря Ленчехской металлургической мастерской.
CIV(A). Инвентарь Гурдземского погребения.
CIV (B). Часть инвентаря Эчачуеского клада.
CIV(C). Часть инвентаря Квибийского клада.
CV. Часть инвентаря Кицийской металлургической мастерской.
CVI. Часть инвентаря Нахунаоской металлургической мастерской.
CVII. Рачхский клад.
CVIII. Часть Речхского клада.
CIX. 1 — бронзовый трубчатообушный топор, обнаруженный в I слое Анаклийского Диха-Гудзубе I; 2 — литейная форма трубчатообушного топора из Пичорского центрального Диха-Гудзубе (по Л. В. Джибладзе); 3 — бронзовый топор II типа из Зугдидского исторического музея; 4 — бронзовый топор из Диди-Чконского клада; 5—7 — Мужавский клад.
CX. Гальский клад.
CXI. Лекумхарский клад.
CXII. 1 — колхидский жилой дом по Витрувию (реконструкция Г. И. Лежава); 2 — золотая подвеска из Ханши; 3 — колхидский жилой дом по Витрувию (реконструкция Марини); 4 — колхидский жилой дом по Витрувию (реконструкция Л. З. Сумбадзе); 5 — поселение Симагре, VI в. до н. э., план дома; 6 — поселение Носири. Общий план раскопок (по Э. М. Гогадзе).
CXIII. 1 — железный лемех из Нигвзианского могильника; 2—4 — железные лемехи из Эргетского могильника № 1; 5—7 — железные мотыги (Палури, Эргета); 8—9 — железные сегментовидные орудия (Эргета); 10—

13, 18—23 — железные серпы (Нигвзиани, Эргета); 14—16, 17, 22 — железные изогнутые ножи (Нигвзиани, Эргета) (по Т. К. Микеладзе).

CXIV. 1—2 — бронзовые гравированные топоры из Мухурчского могильника (VIII—VII вв. до н. э.).

CXV. Основные типы бронзовых (1—6) и железных топоров (7—11) Центральной Колхиды раннежелезной эпохи. 1—8 — инвентарь из Урекского могильника (по Т. К. Микеладзе); 9 — инвентарь из Палурского «Садзвале» (по М. В. Барамидзе); 10—11 — инвентарь из Мухурчского могильника (по Г. В. Элиава и Э. М. Гогадзе).

CXVI. Типологические разновидности бронзовых (1—11) и железных (12—21) кинжалов Центральной Колхиды эпохи поздней бронзы — раннего железа (по Т. К. Микеладзе и Г. В. Элиава).

CXVII. Основные типы бронзовых (1—3) и железных (4—13) наконечников копий Центральной Колхиды эпохи поздней бронзы — раннего железа. 1, 5—7, 11—13 — инвентарь из Нигвзианского могильника (по Т. К. Микеладзе); 2 — инвентарь из верхнего слоя поселения Наохваму (по Б. А. Куфтину); 3, 4, 8—10 — инвентарь из Палурского «Садзвале» (по Н. И. Окропиридзе и М. В. Барамидзе).

CXVIII. 1—3 — бронзовые умбоны из Урекского могильника (по Т. К. Микеладзе); 4—12 — основные виды скифских железных акинаков и стрел, обнаруженных на различных памятниках Центральной Колхиды (по Т. К. Микеладзе и Р. И. Папуашвили); 13—17 — типологические разновидности колхских бронзовых и железных наконечников стрел (по Т. К. Микеладзе).

CXIX, CXX. Основные типы золотых, бронзовых и железных украшений и предметов, связанных с туалетом из Урекского, Нигвзианского и Эргетского могильников (по Т. К. Микеладзе).

CXXI Керамика из III слоя Носирского холма (по Э. М. Гогадзе).

CXXII. Керамика из I и II слоев Наохваму (по Б. А. Куфтину).

CXXIII. Керамика из I и II слоев Зурга-Чаладиди (по Т. К. Микеладзе).

CXXIV. Керамика IV слоя Носирского холма (по Э. М. Гогадзе).

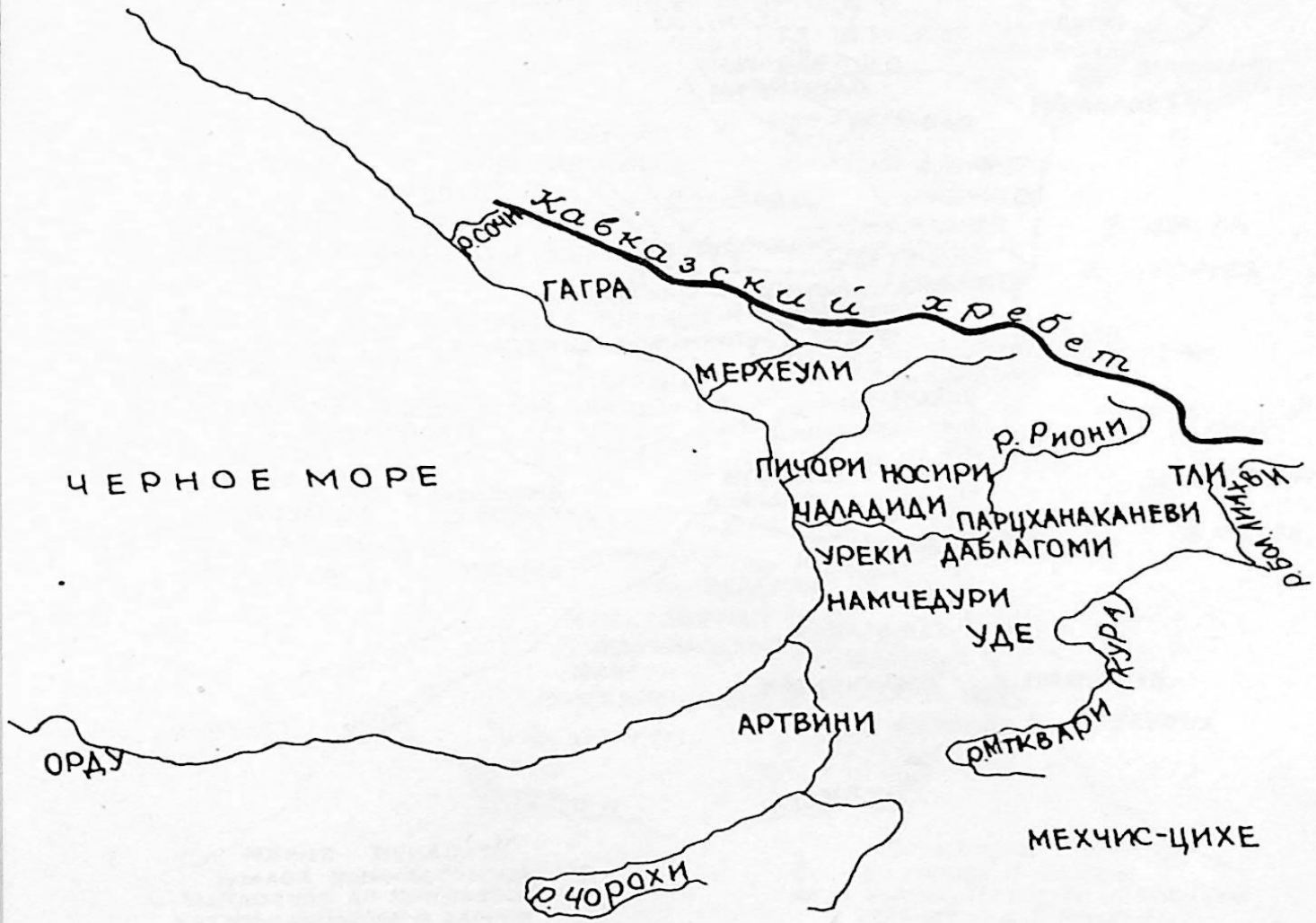
CXXV. Керамика III слоя Наохваму (по Б. А. Куфтину).

CXXVI, CXXVII. Керамика из Нигвзианского могильника (по Т. К. Микеладзе).

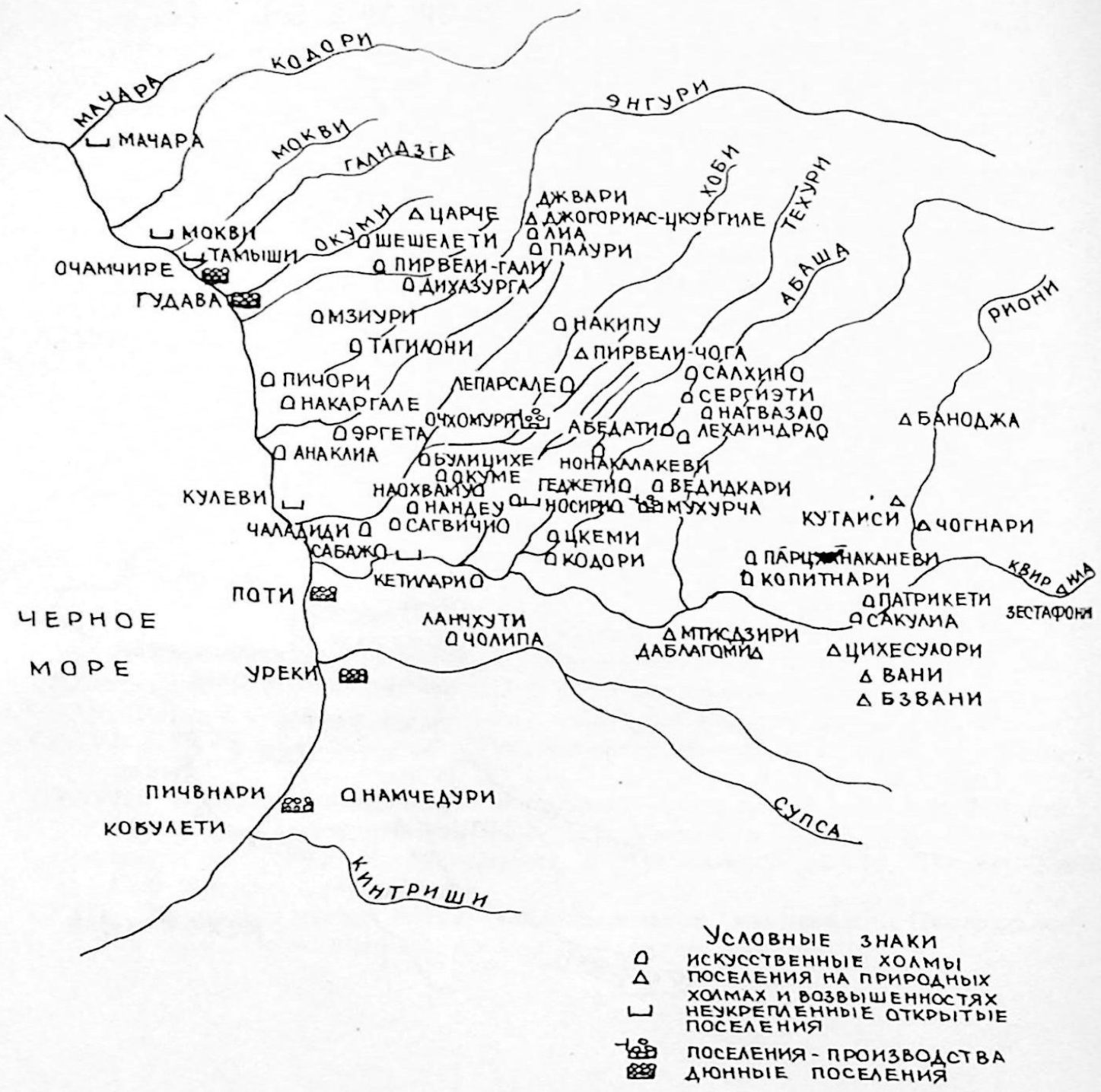
CXXVIII. Бронзовая пластика Центральной Колхиды раннежелезной эпохи. Инвентарь Эргетского (1, 2, 15, 16), Урекского (3, 13, 14), Нигвзианского (4) (по Т. К. Микеладзе) и Мухурчского (5—12, 17—23) (по Г. В. Элиава) могильников.

CXXIX. Хронологическая схема археологических памятников Центральной Колхиды эпохи поздней бронзы — раннего железа.

АРЕАЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ КОЛХИДСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ-РАННЕГО ЖЕЛЕЗА (XV-VI ВВ. ДО Н.Э.)

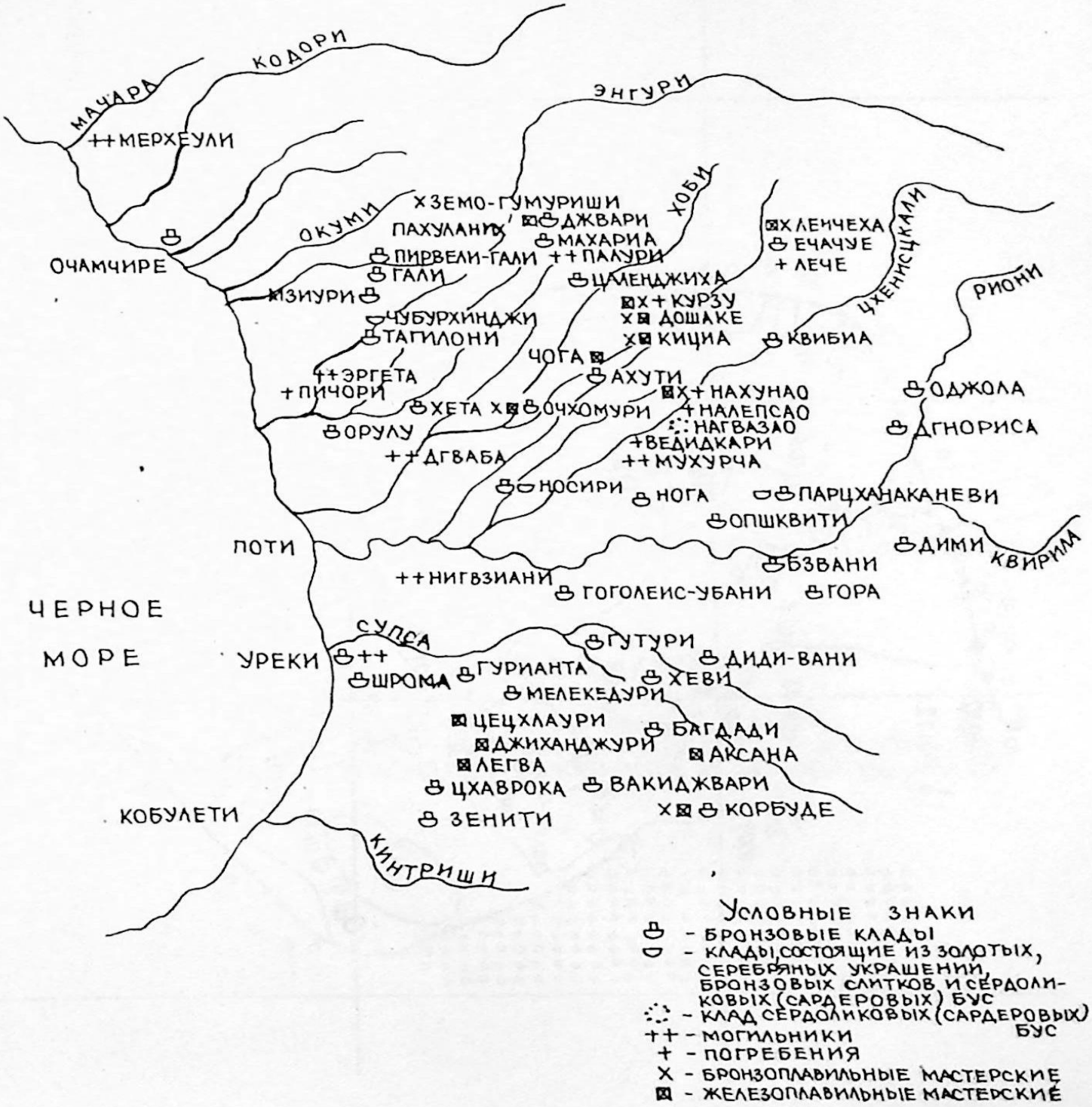

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА ПОСЕЛЕНИЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОЛХИДЫ (XV–VI ВВ. ДО Н.Э.)

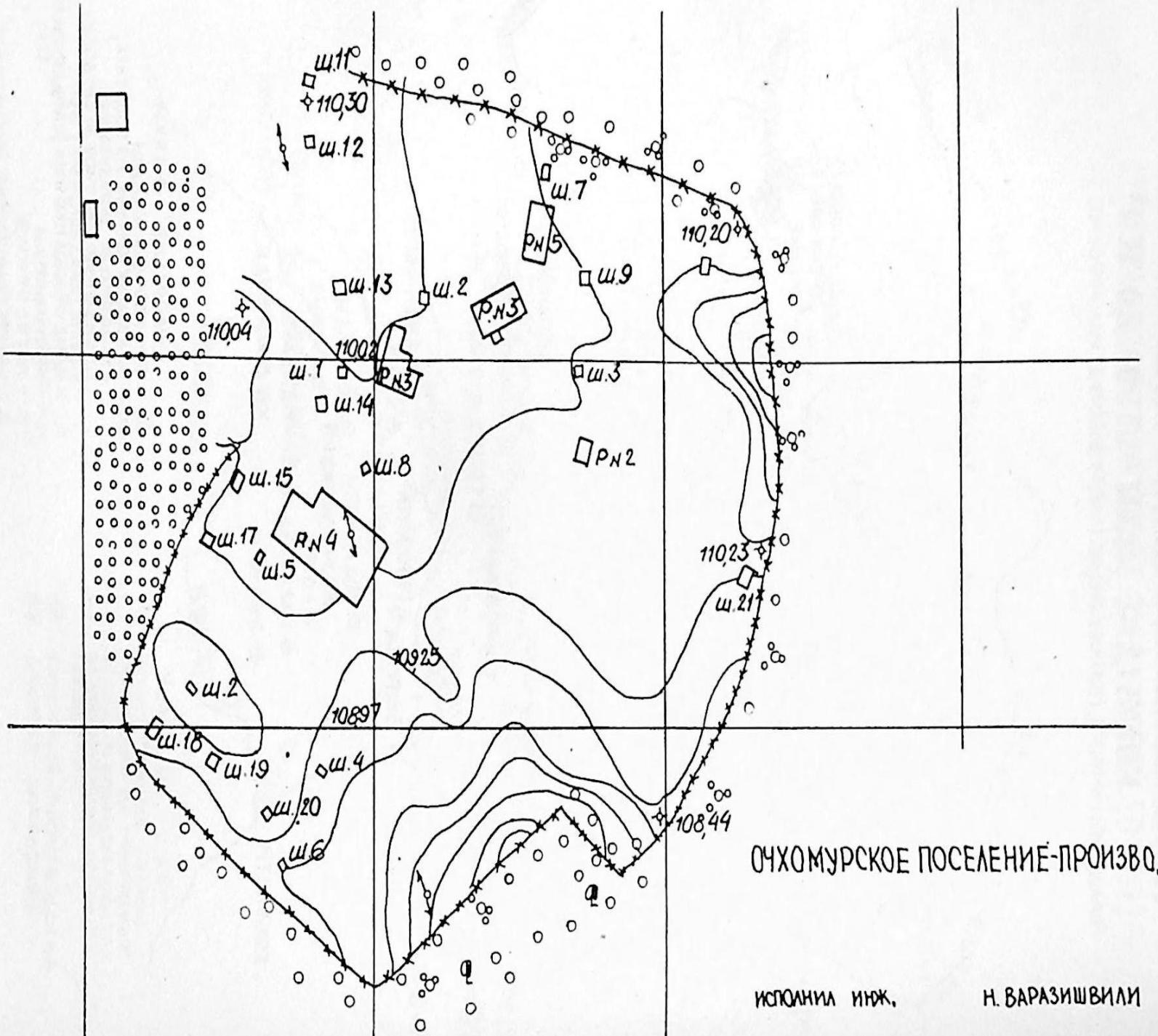
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОЛХИДЫ (XV–VIBB. ДО Н.Э.)

(КЛАДЫ, МОГИЛЬНИКИ, ПОГРЕБЕНИЯ, МЕТАМУРГИЧЕСКИЕ МАСТЕРСКИЕ)

Условные знаки

- ⛁ – бронзовые клады
- ⛁ – клады, состоящие из золотых, серебряных украшений, бронзовых слитков и сердоликовых (сардеровых) бус
- ⁘ – клад сердоликовых (сардеровых) бус
- ++ – могильники
- \+ – погребения
- X – бронзоплавильные мастерские
- ⊠ – железоплавильные мастерские

ОЧХОМУРСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ-ПРОИЗВОДСТВО

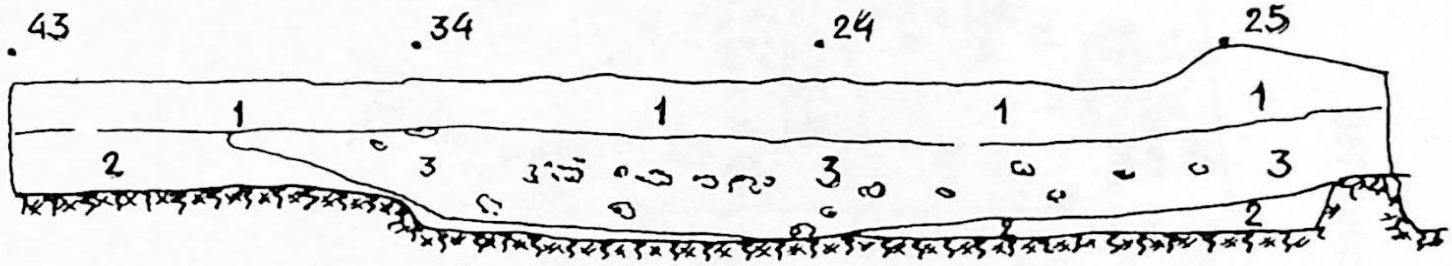
ИСПОЛНИЛ ИНЖ. Н. ВАРАЗИШВИЛИ

ОЧХОМУРСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ-ПРОИЗВОДСТВО

РАЗРЕЗ 1-1

М 1:25

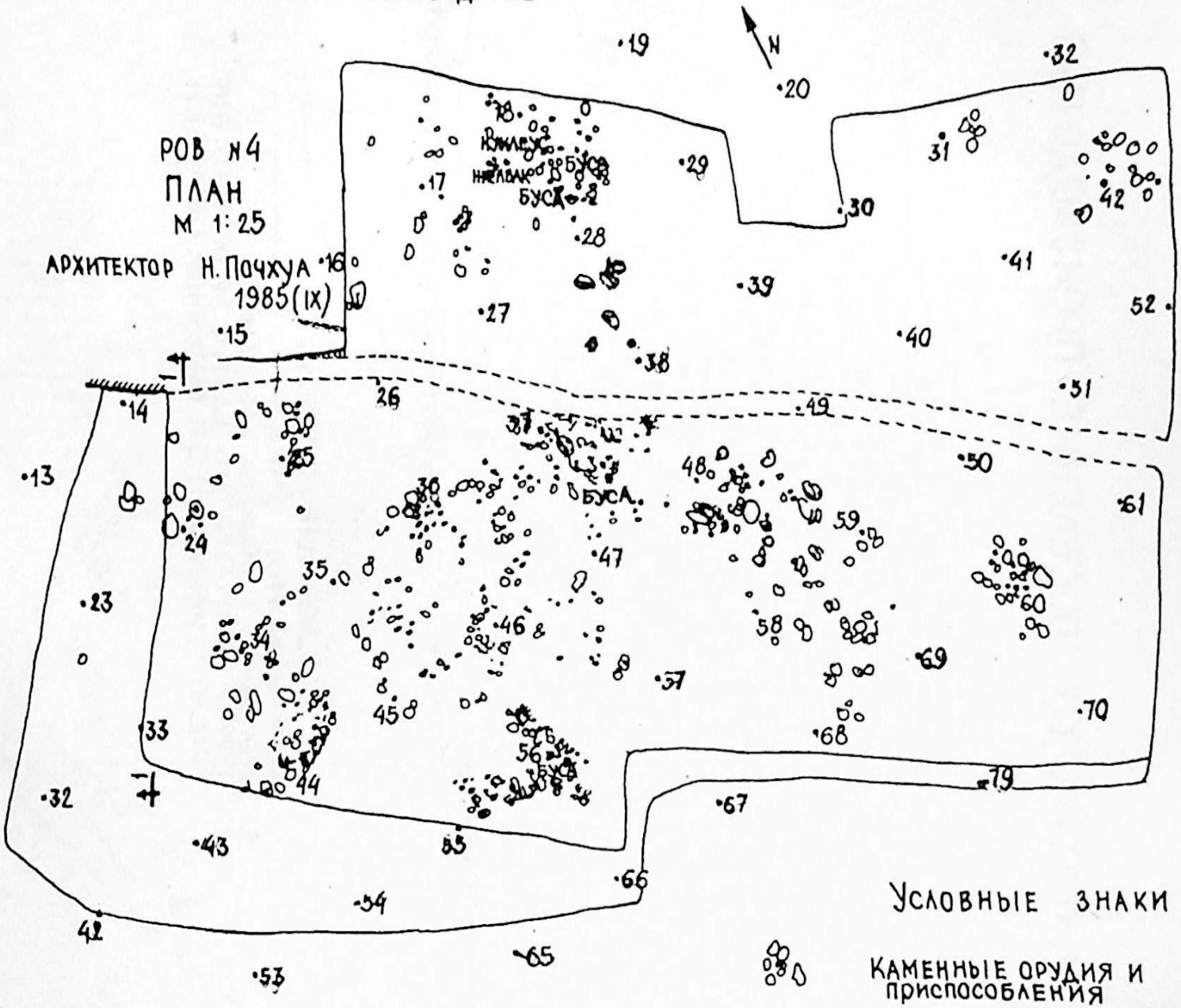
АРХИТЕКТОР Н.ПОЧХУА

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ

1. КОРИЧНЕВАТАЯ ГЛИНА
2. ЖЕЛТОВАТО-КОРИЧНЕВАТАЯ ГЛИНА
3. ЧЕРНО-КОРИЧНЕВАТЫЙ СЛОЙ С ВКЛЮЧЕНИЕМ КРАСНОПЕРЕЖЖЕННОЙ ГЛИНЯНОЙ ОБМАЗКИ.

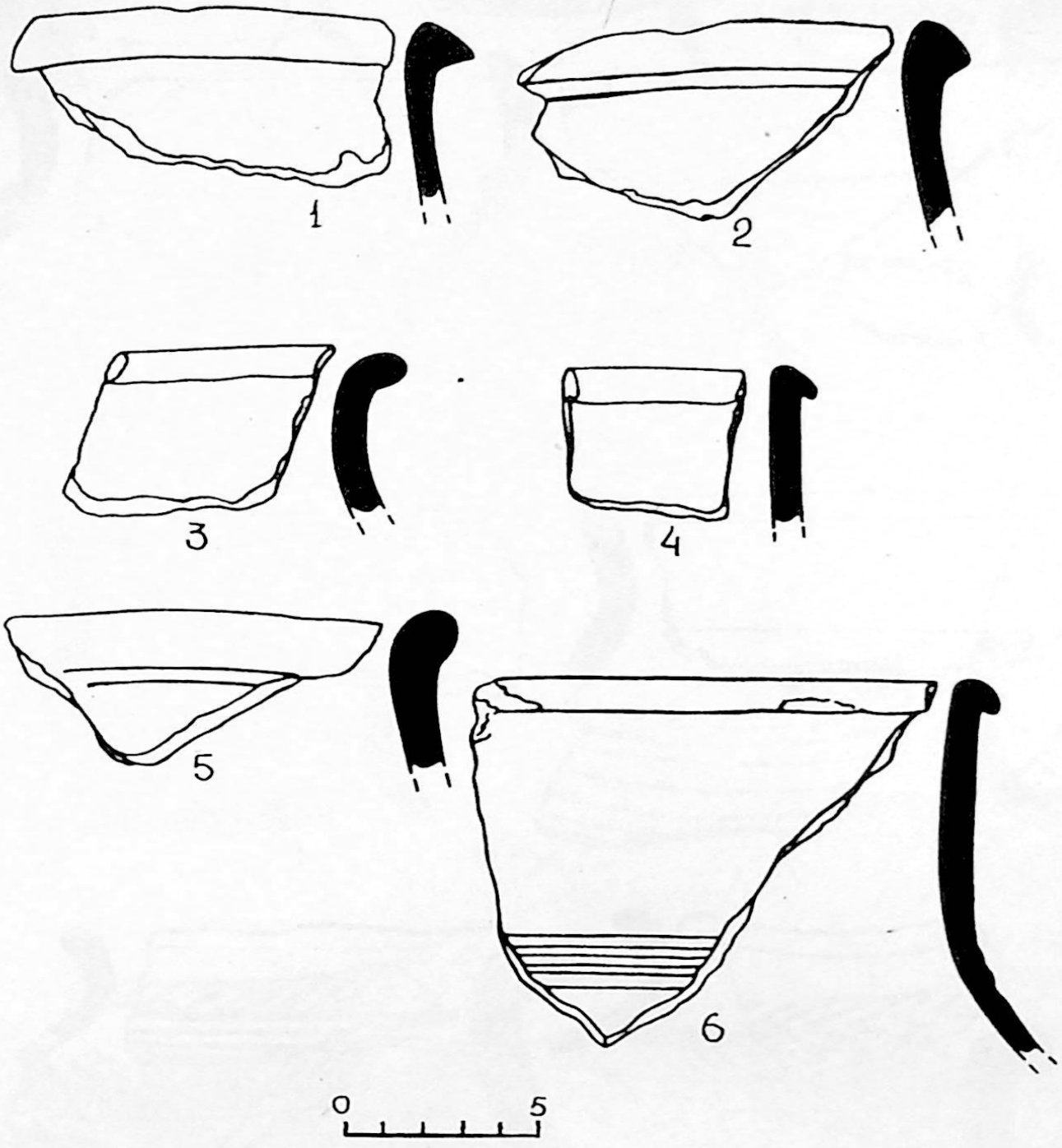
ОЧХОМУРСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ-ПРОИЗВОДСТВО

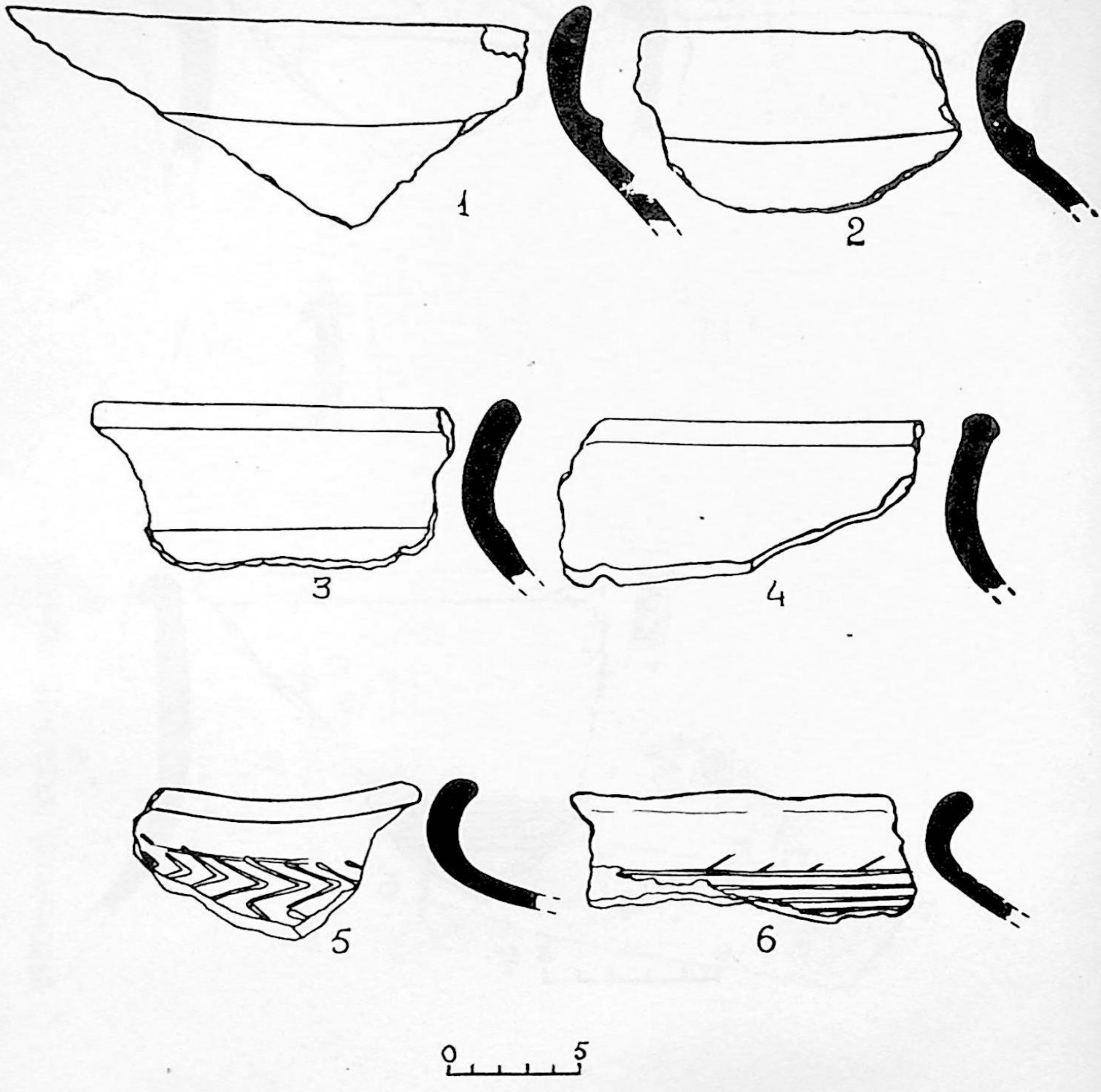

Условные знаки

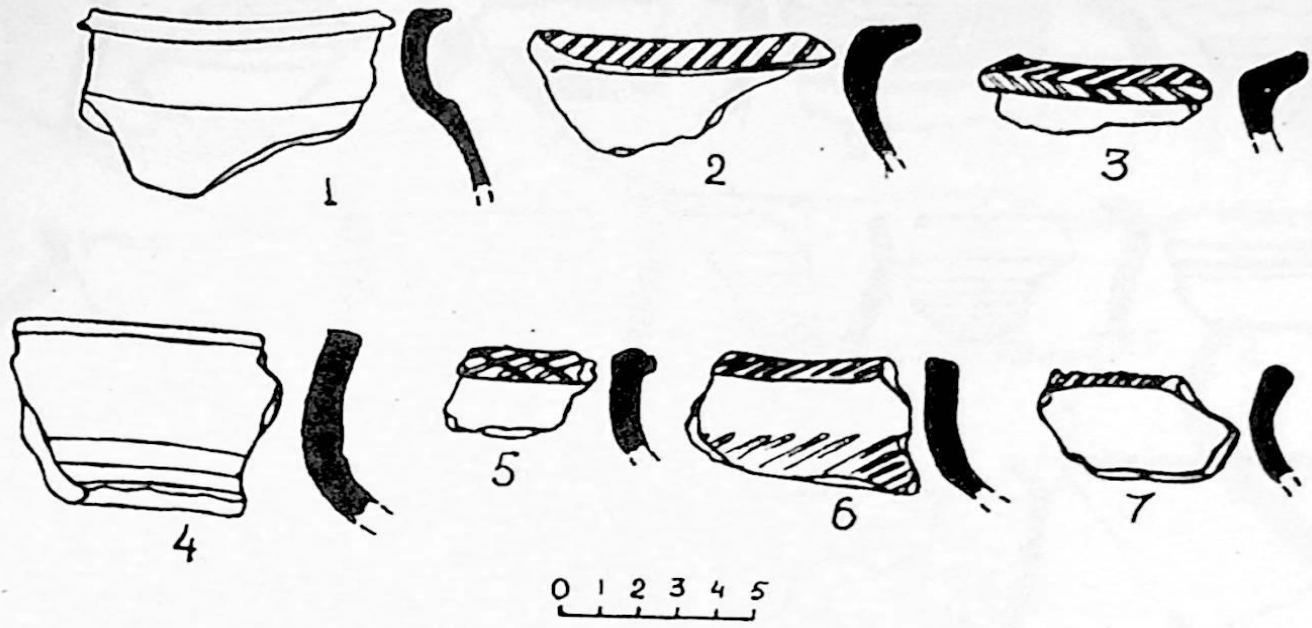
Каменные орудия и приспособления

Куски краснообожженной глиняной обмазки

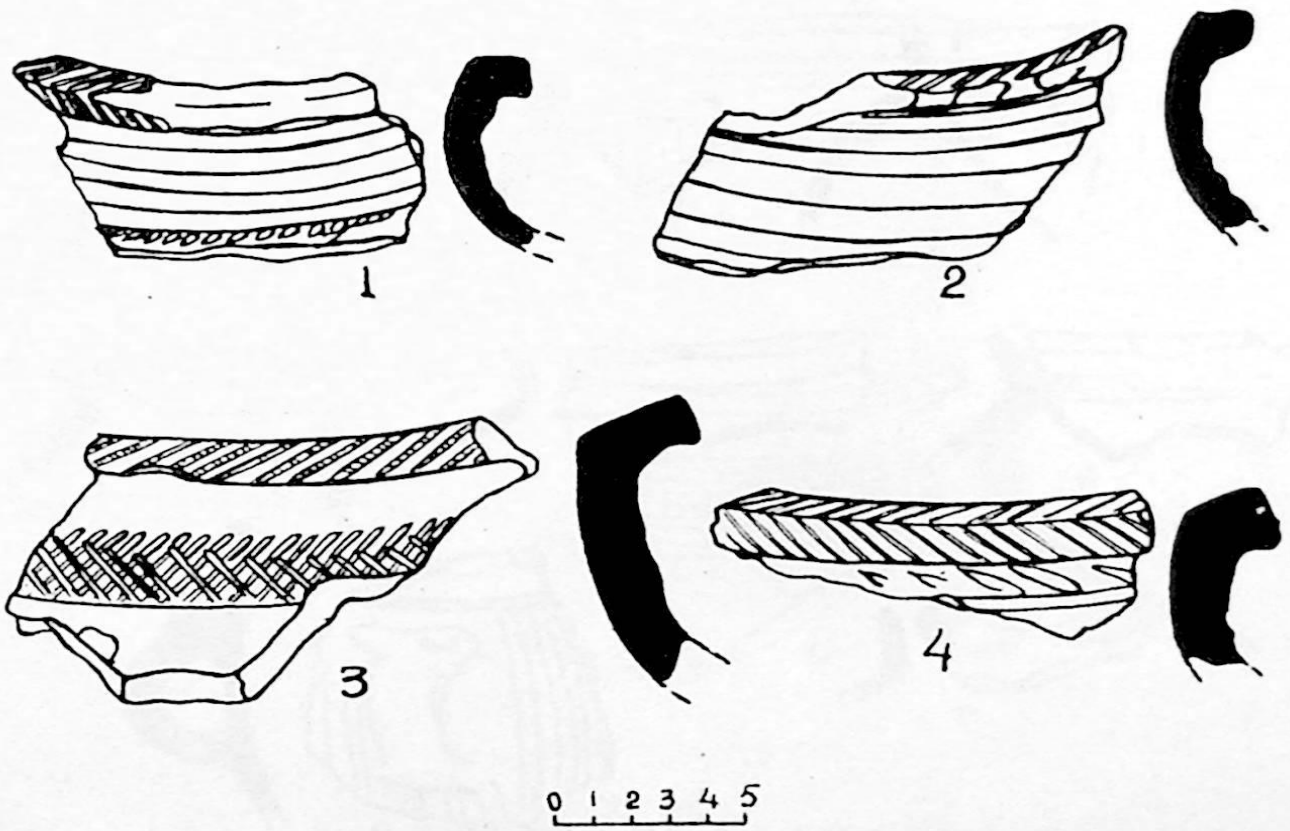

1
2
3
4
5
6
0
5

1
2
3
4
5
6
0
5

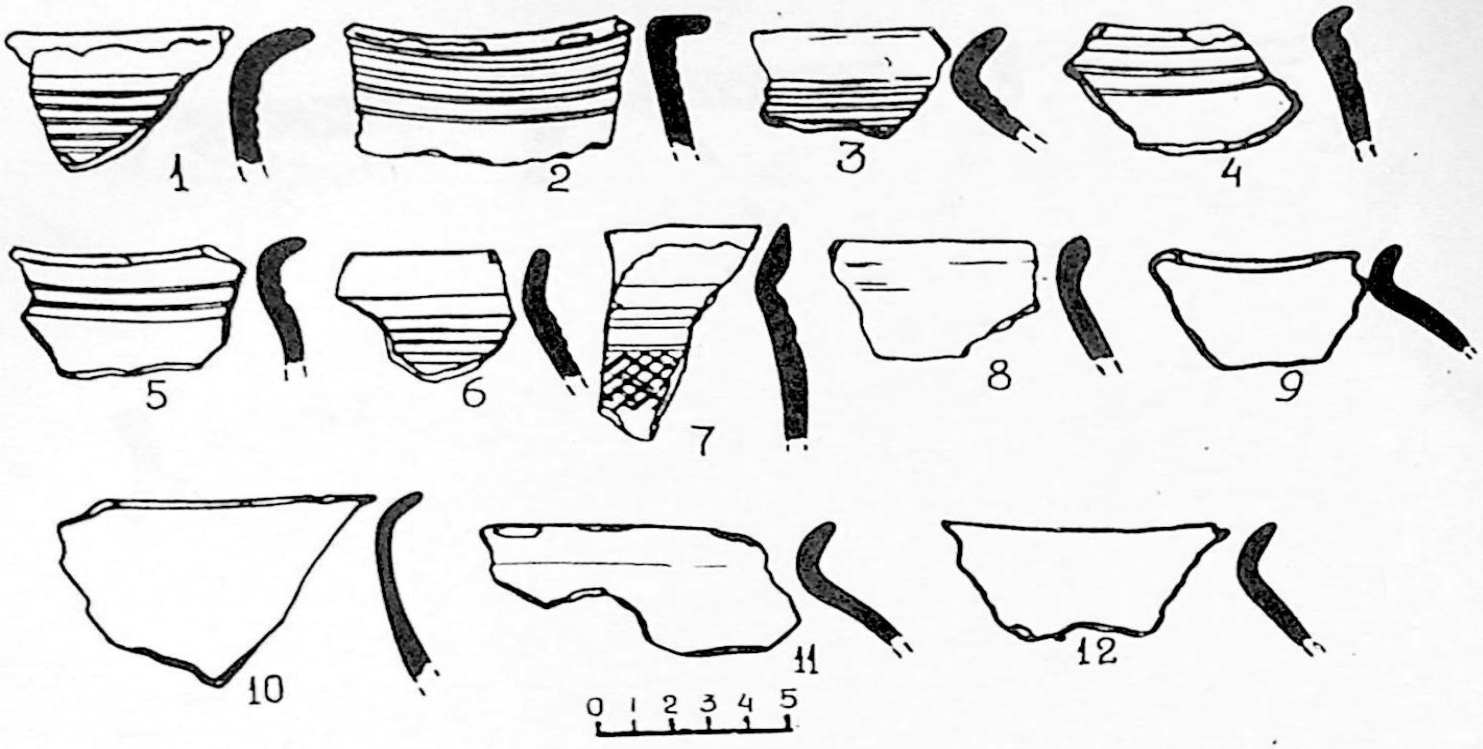
IX

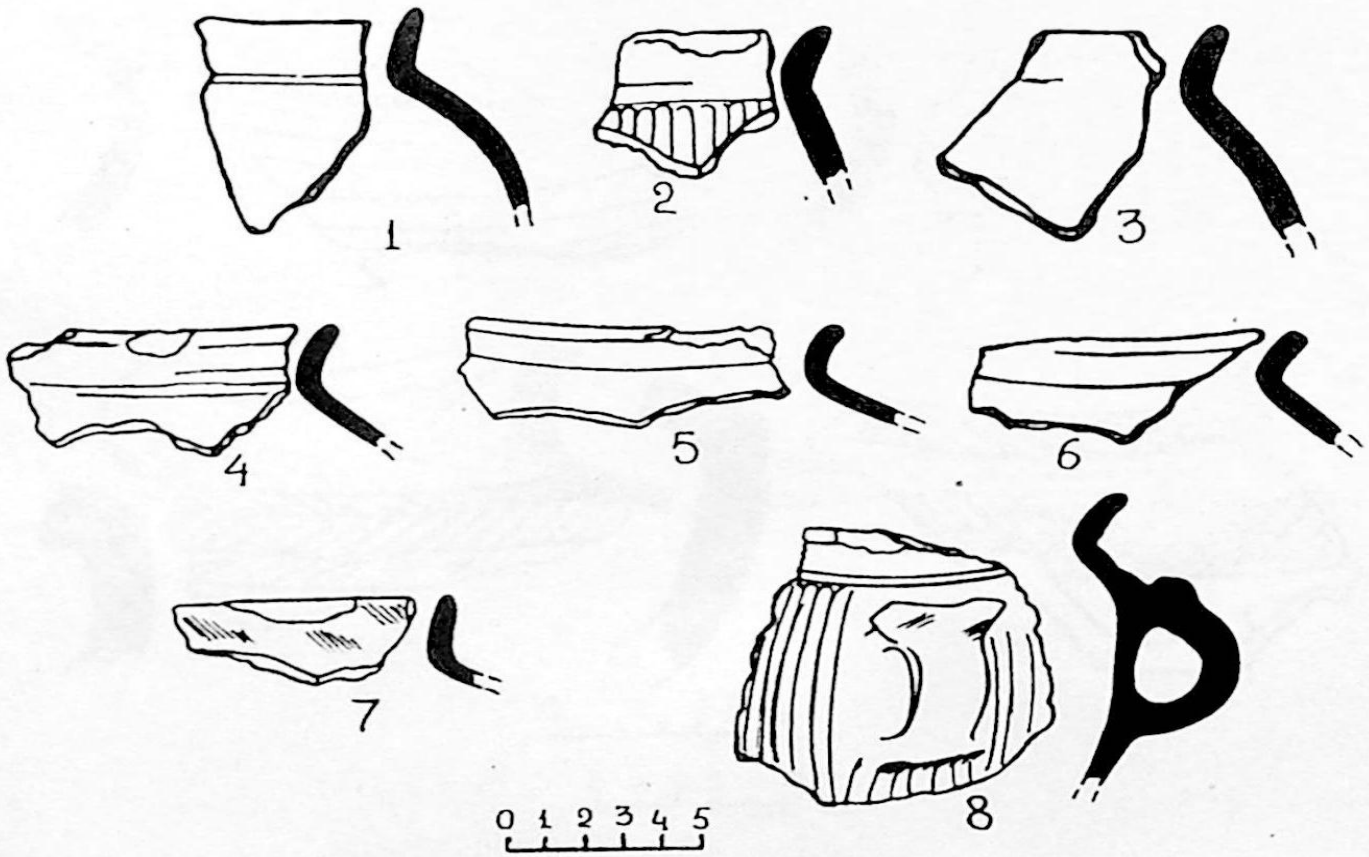
X

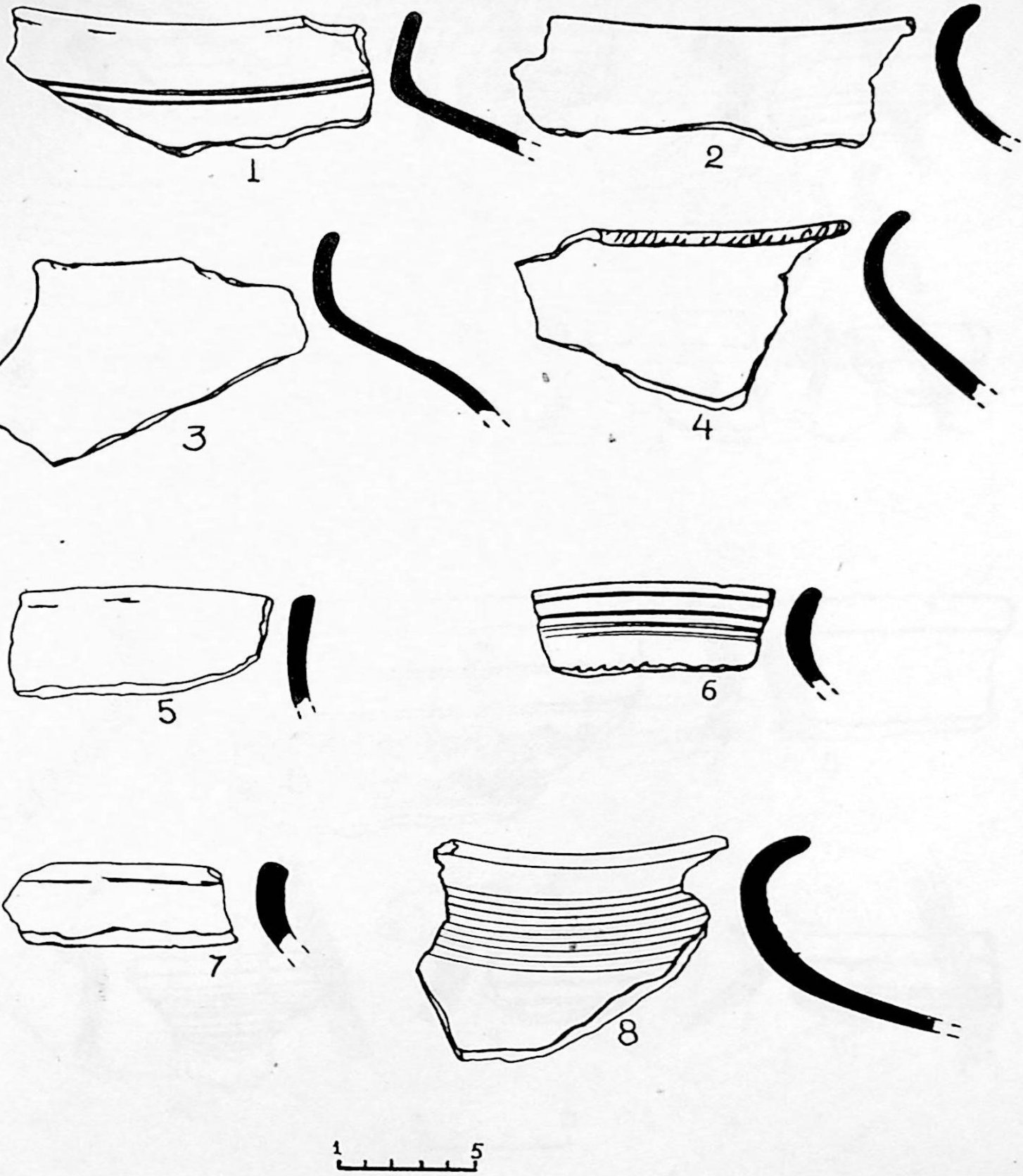

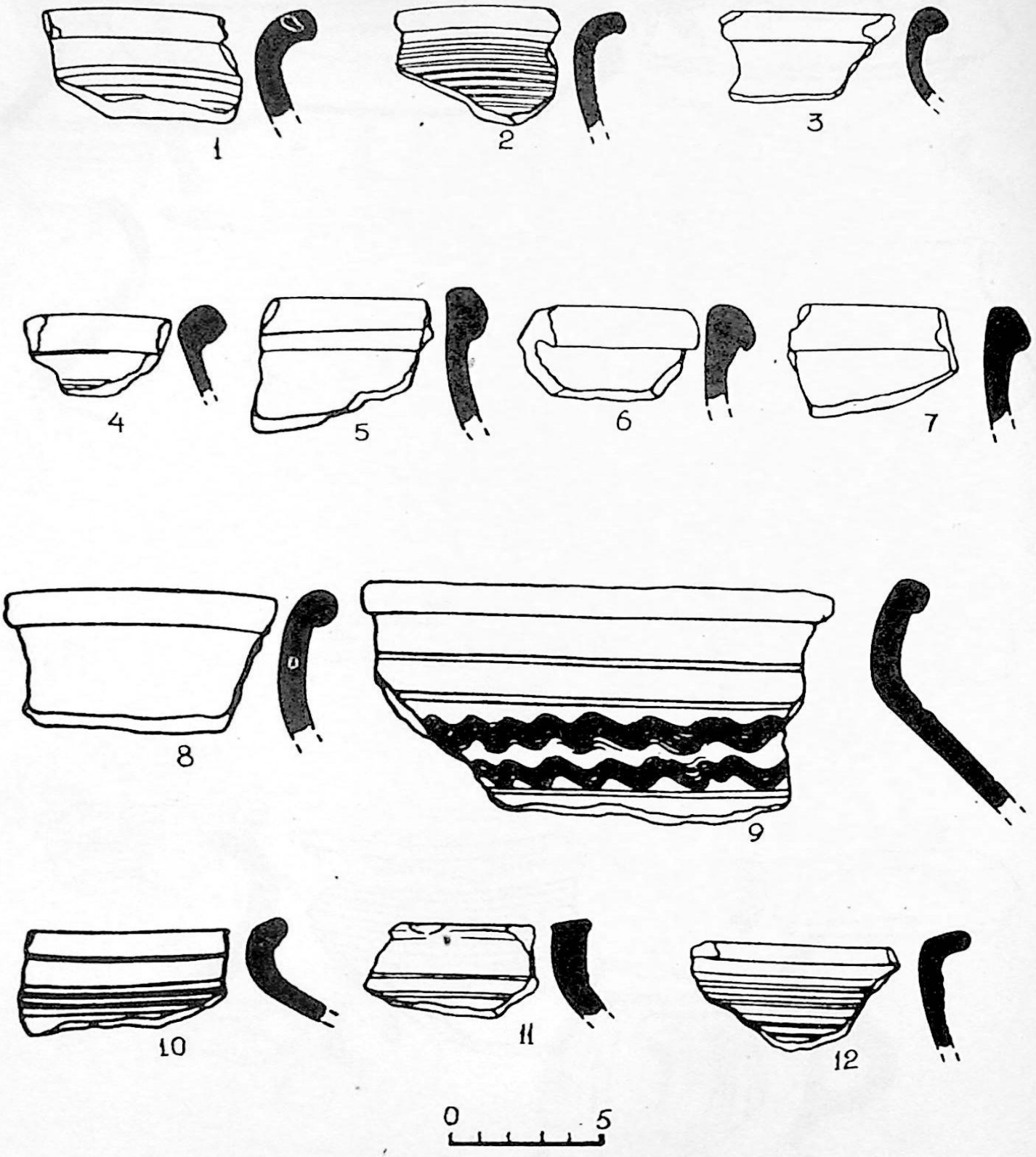
XI

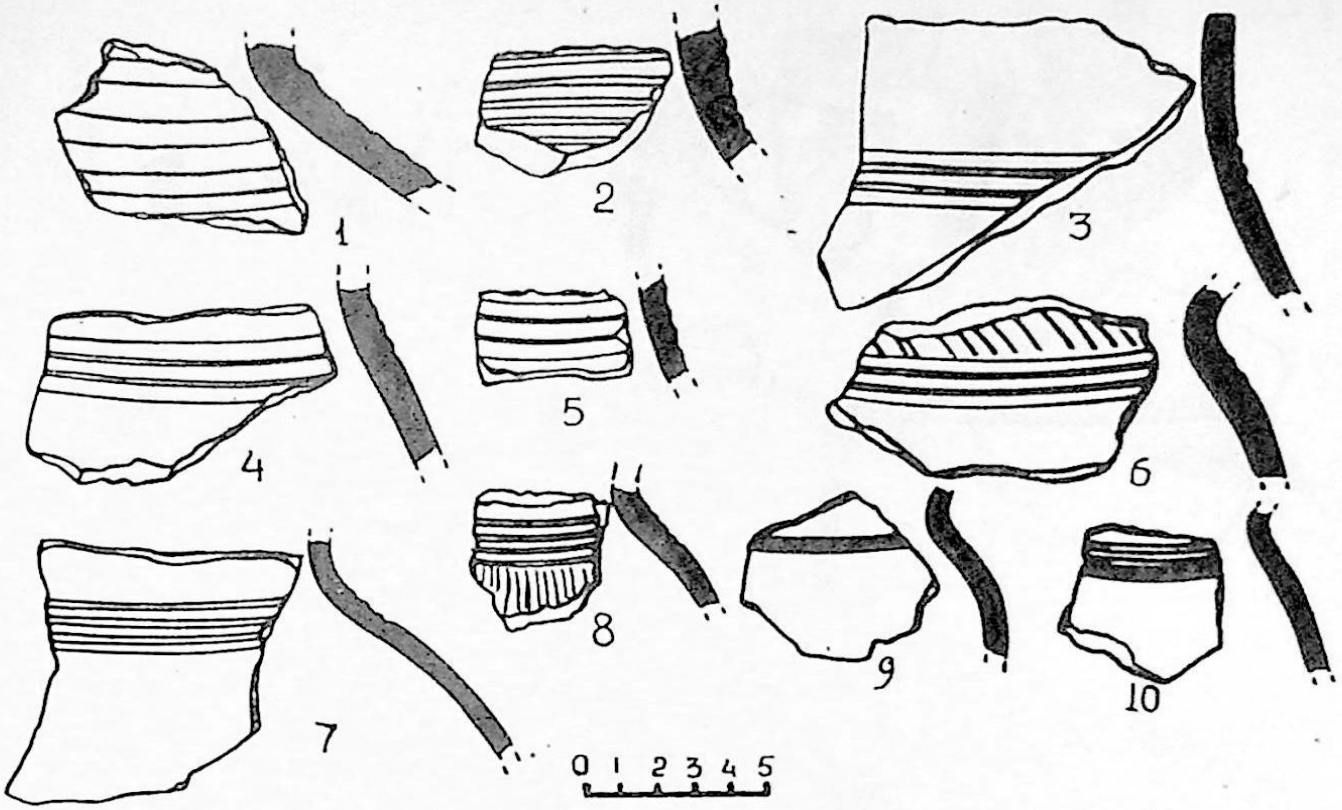
XII

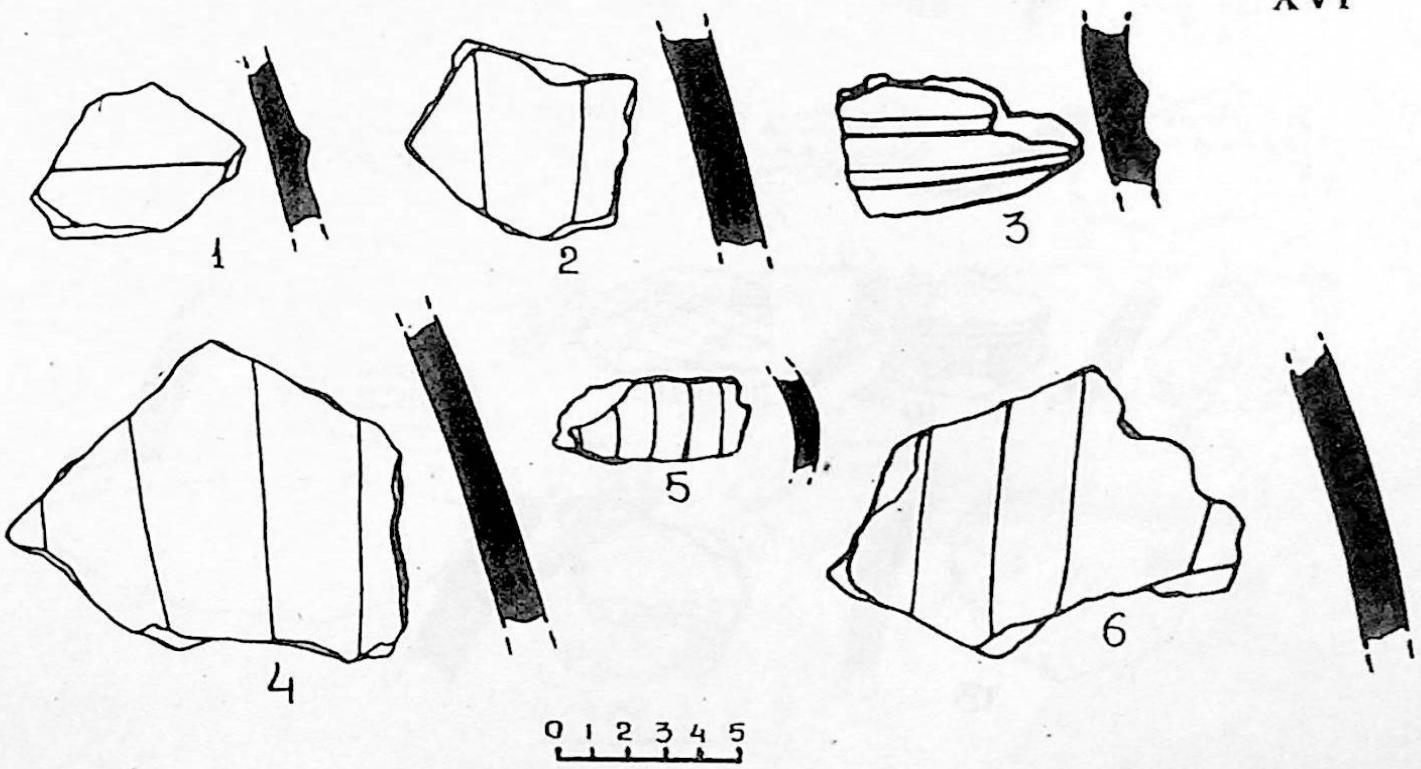

1
2
3
4
5
6
7
8
1
5

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
0
5

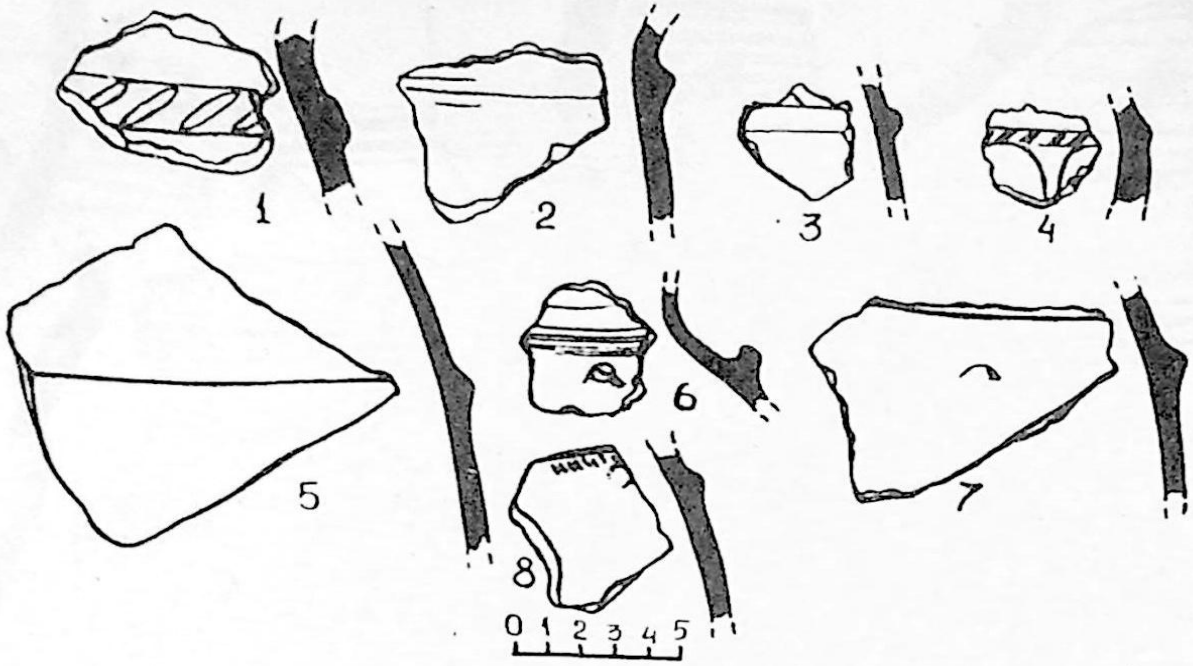
XV

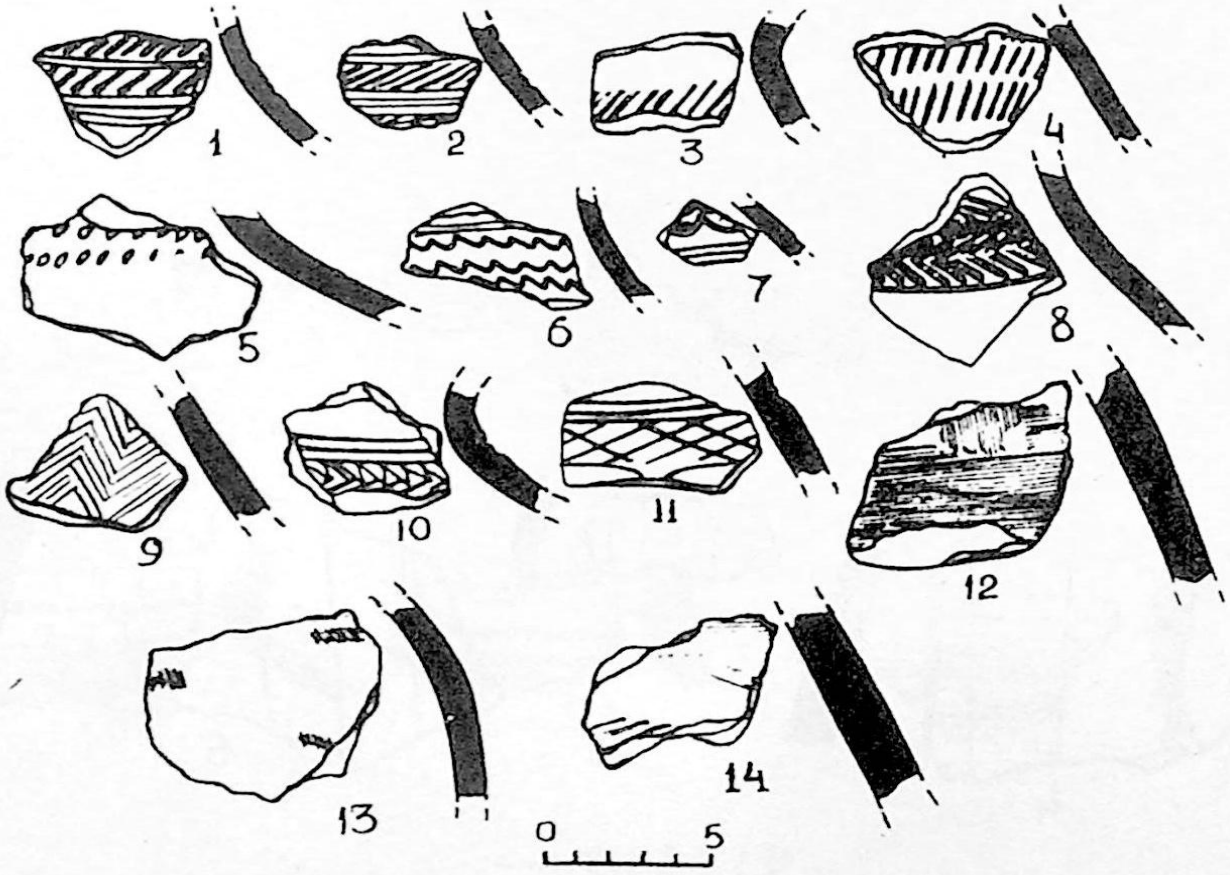
XVI

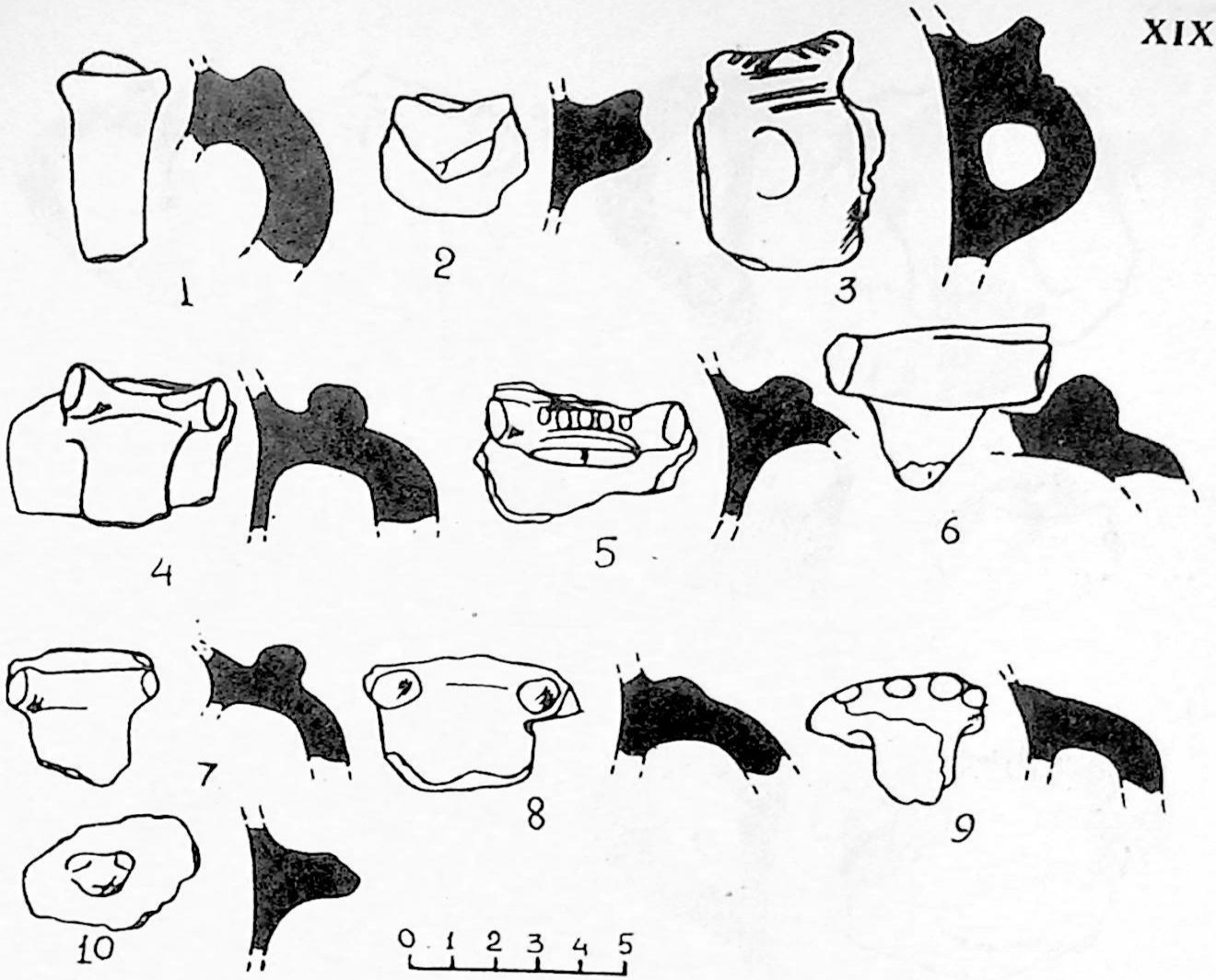
XVII

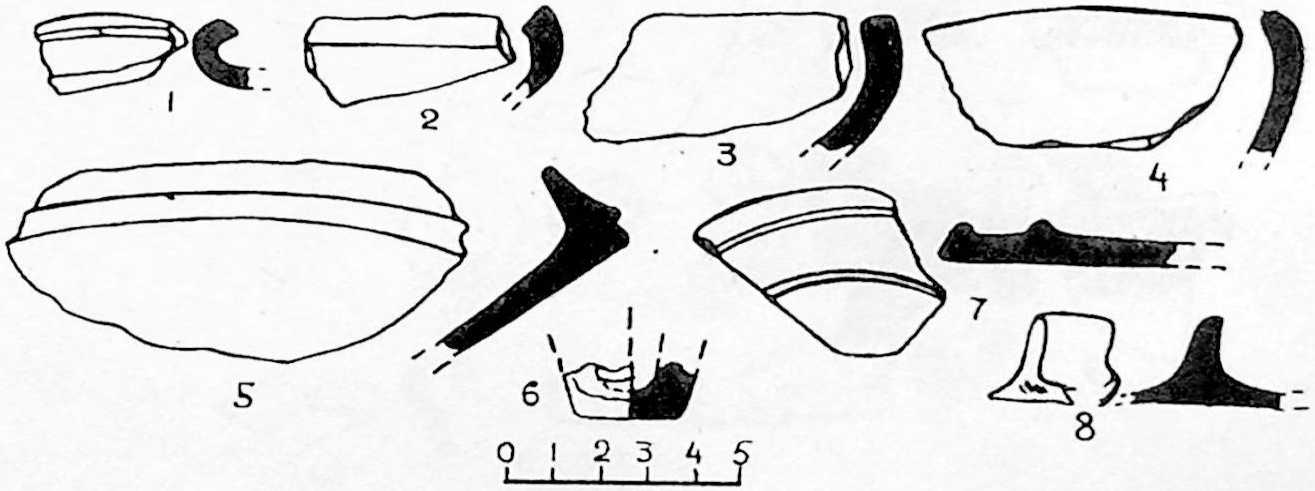
XVIII

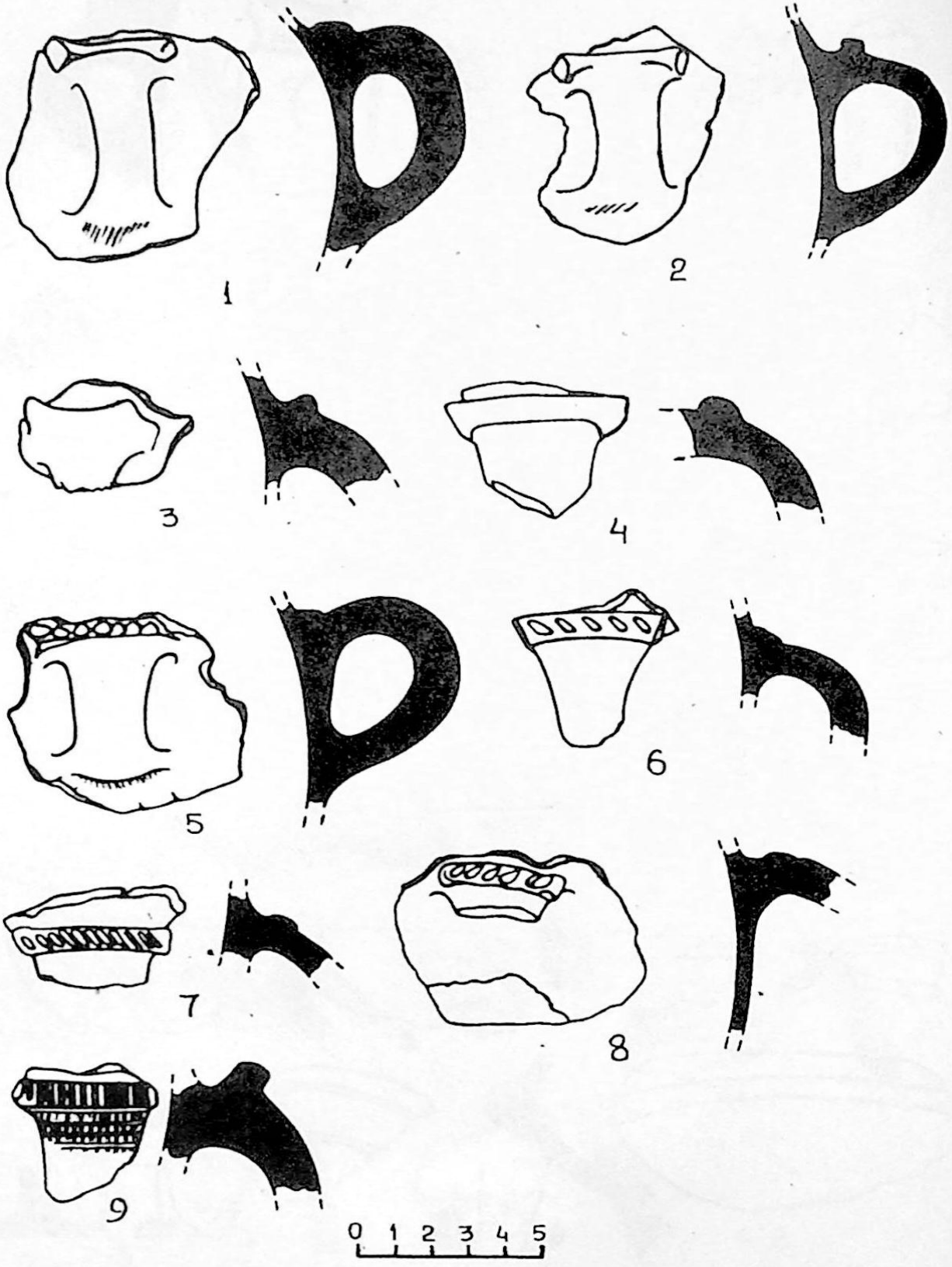

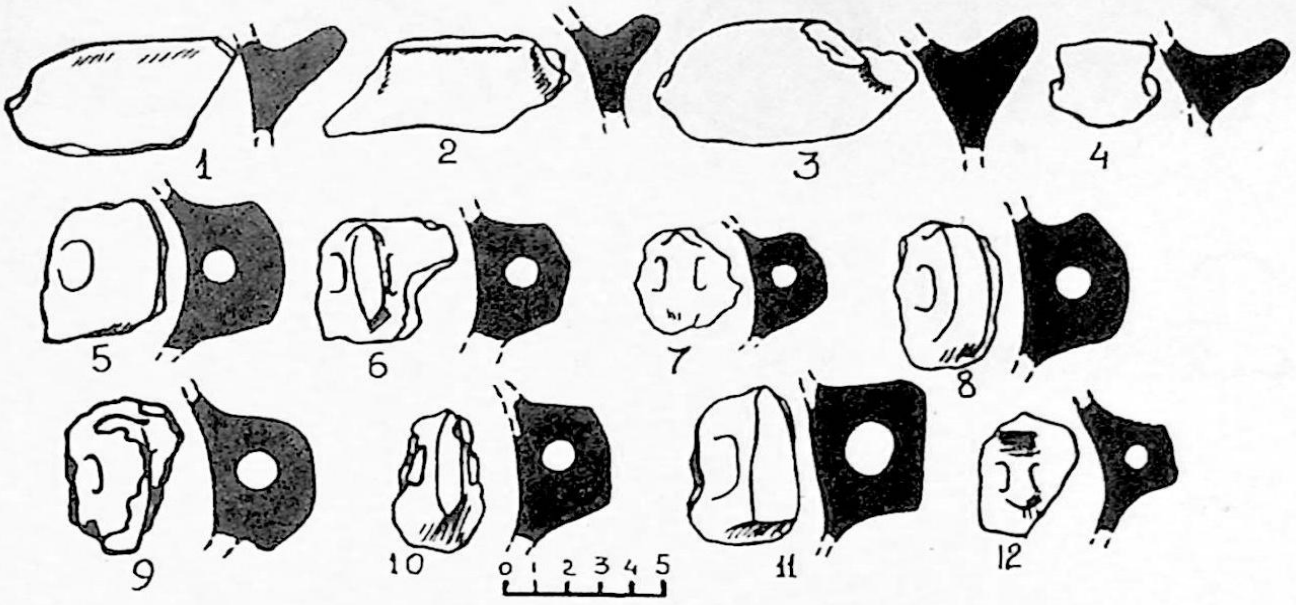
XIX

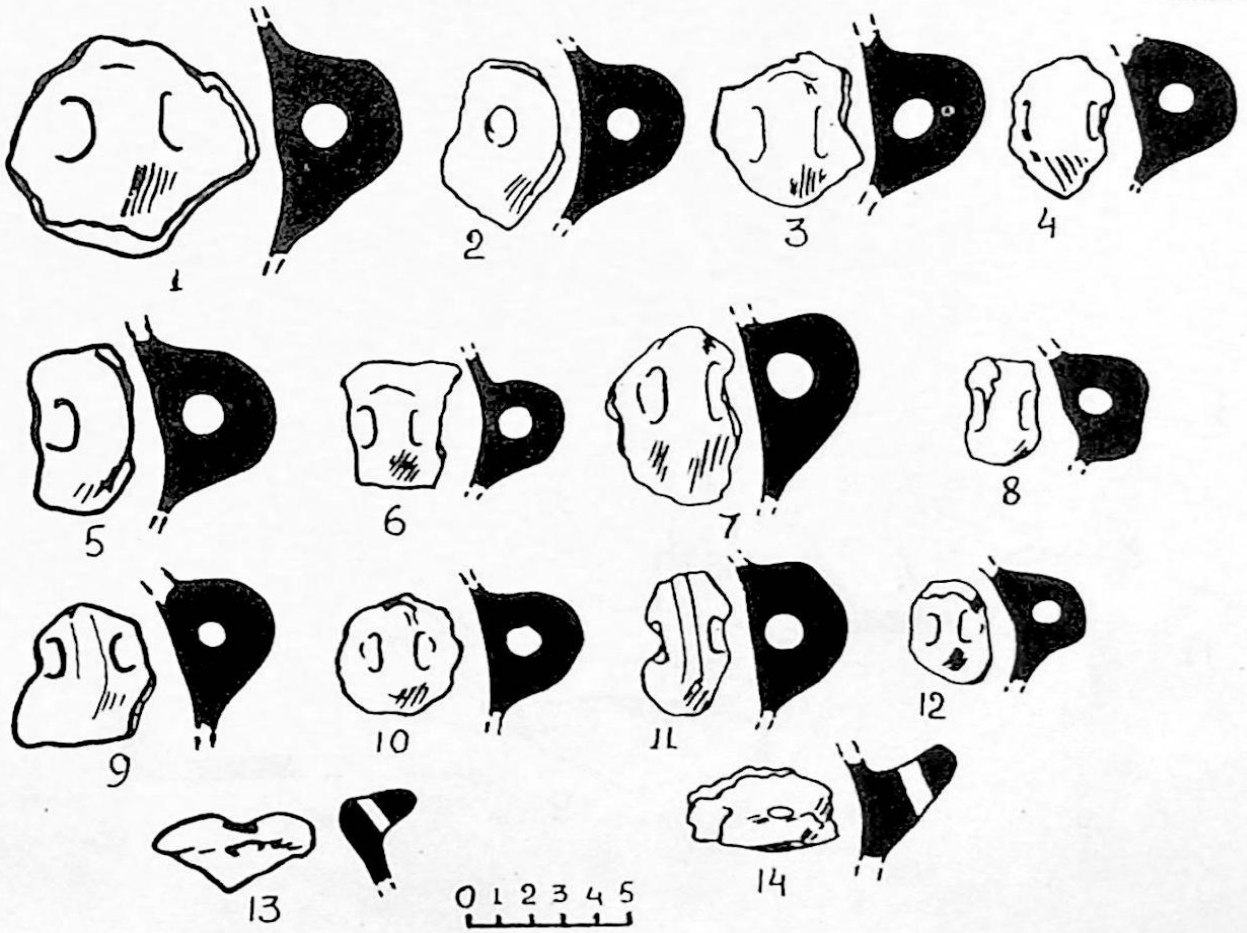

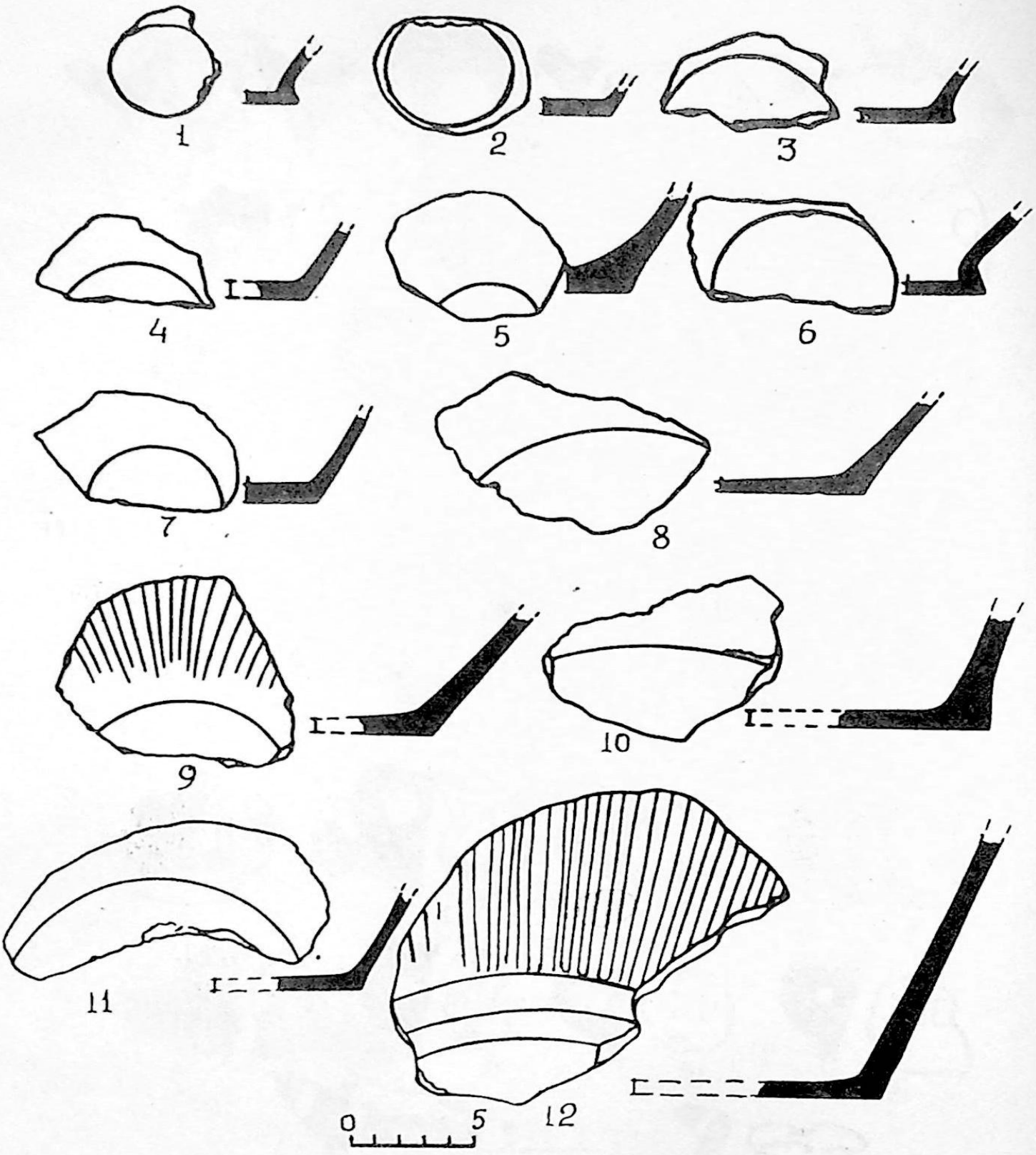
XX

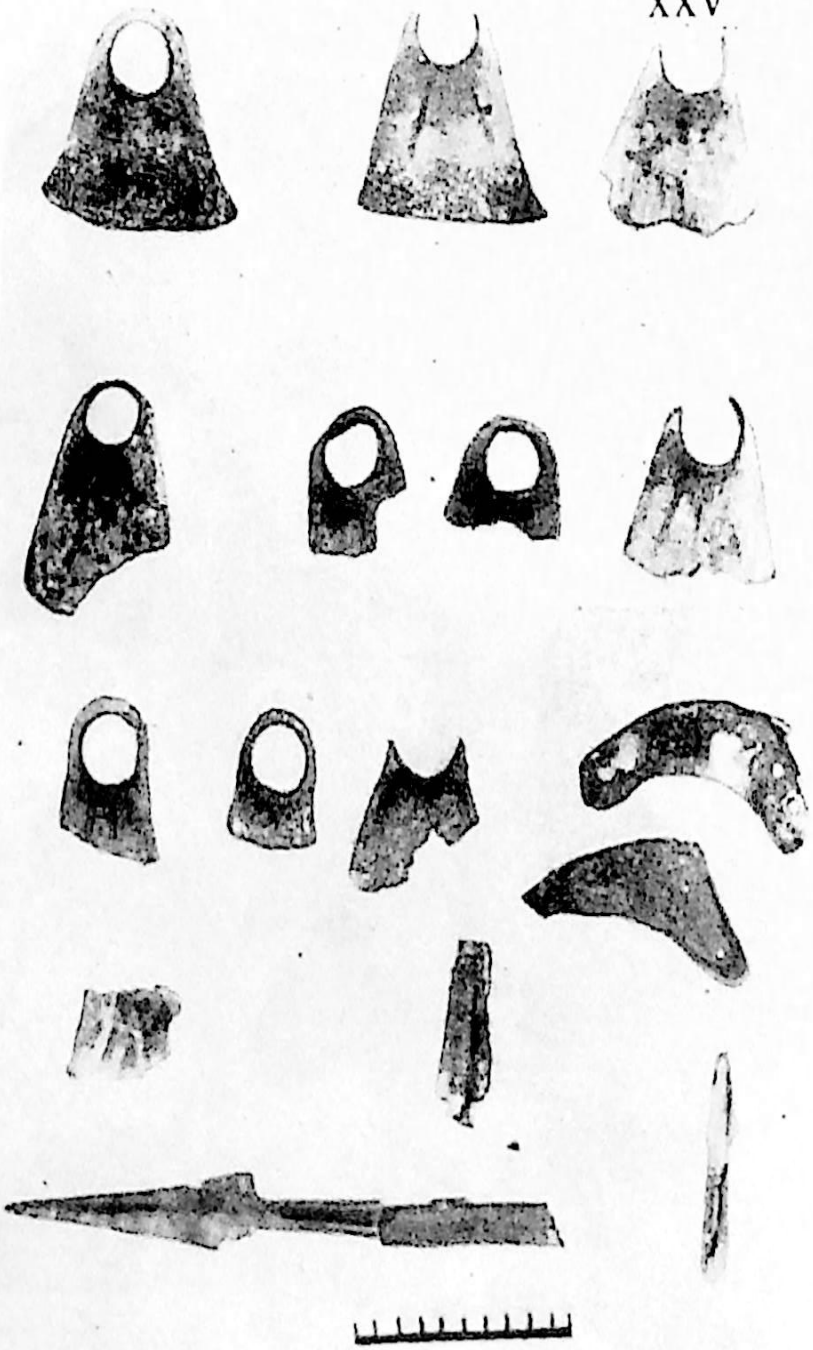

1
2
3
4
5
6
7
8
9
0 1 2 3 4 5

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
0 1 2 3 4 5

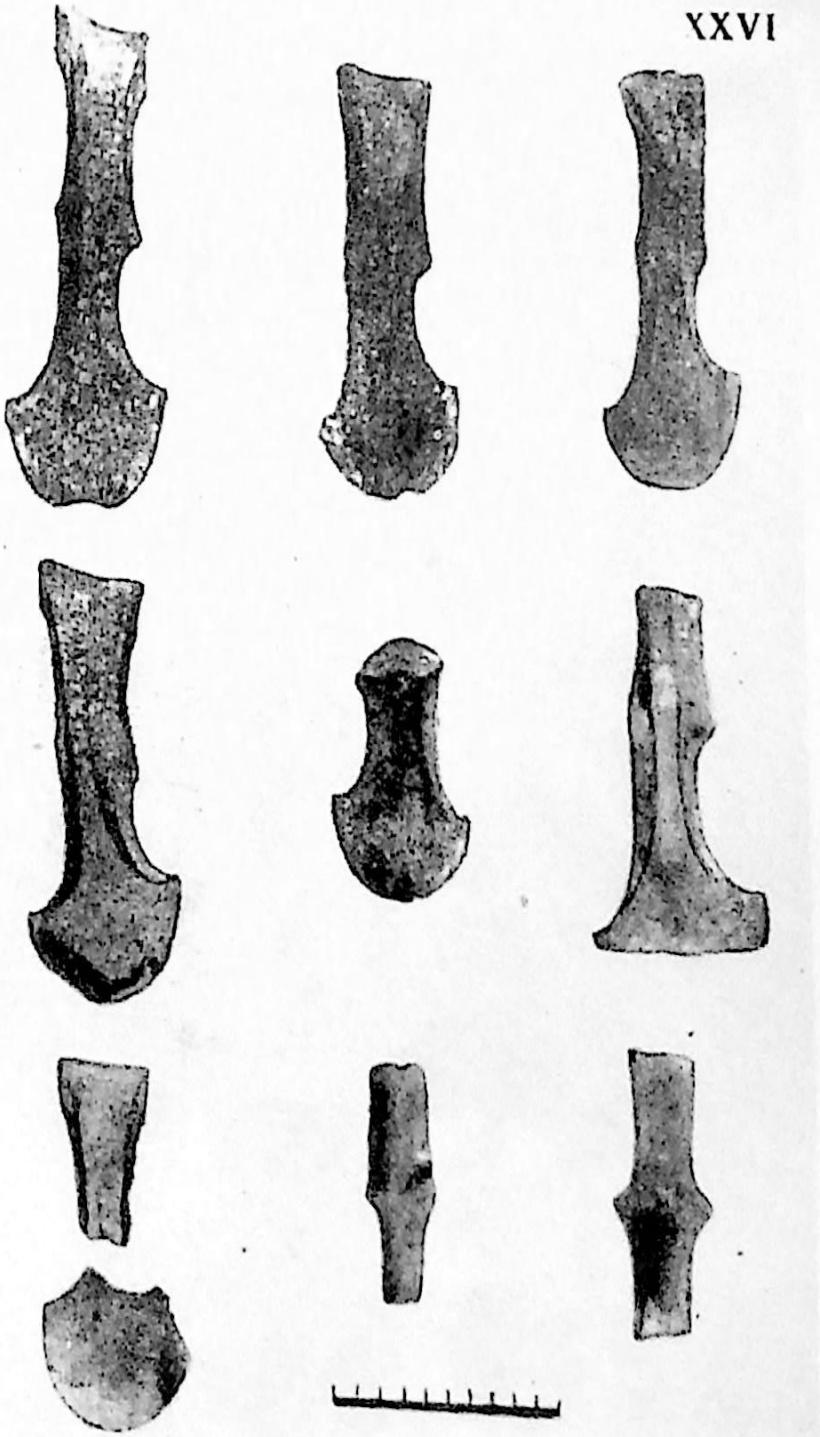

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
0 1 2 3 4 5

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
0
5

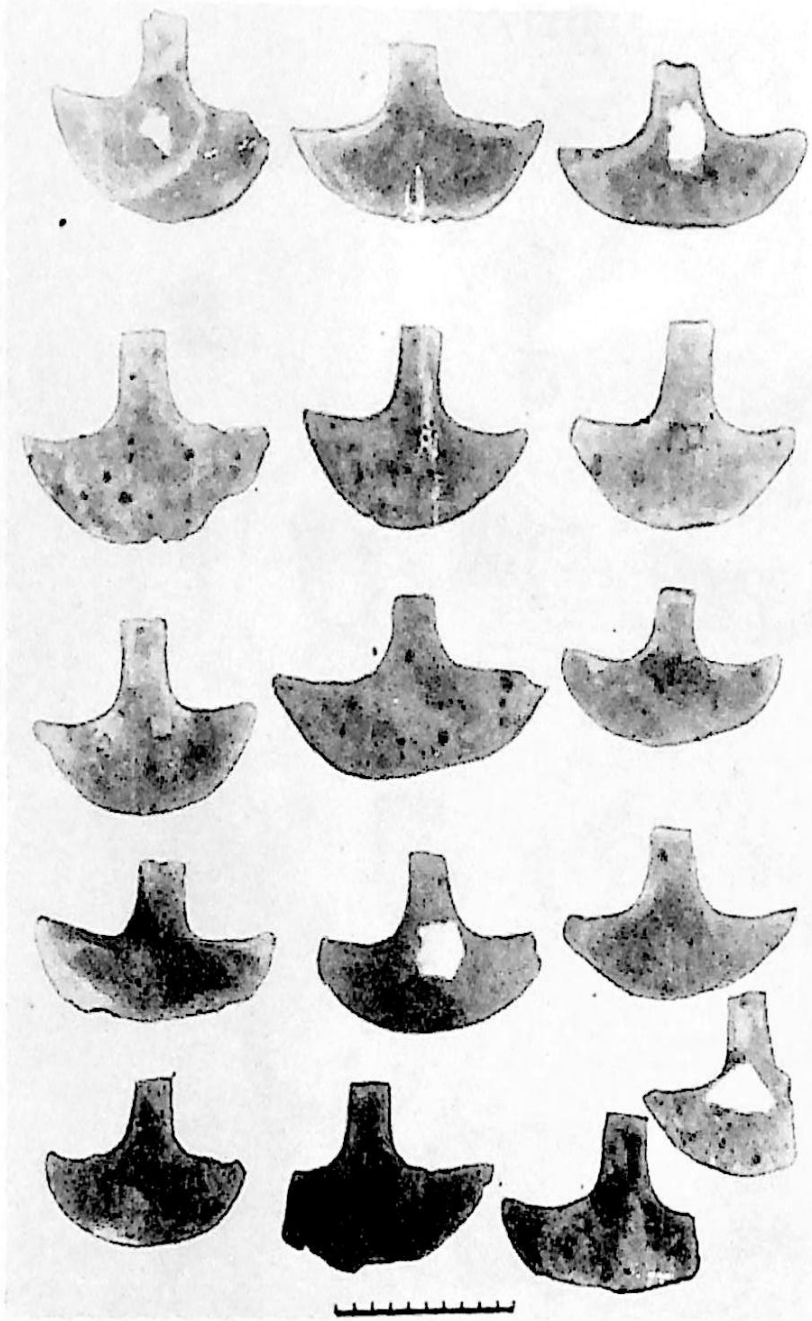
XXV

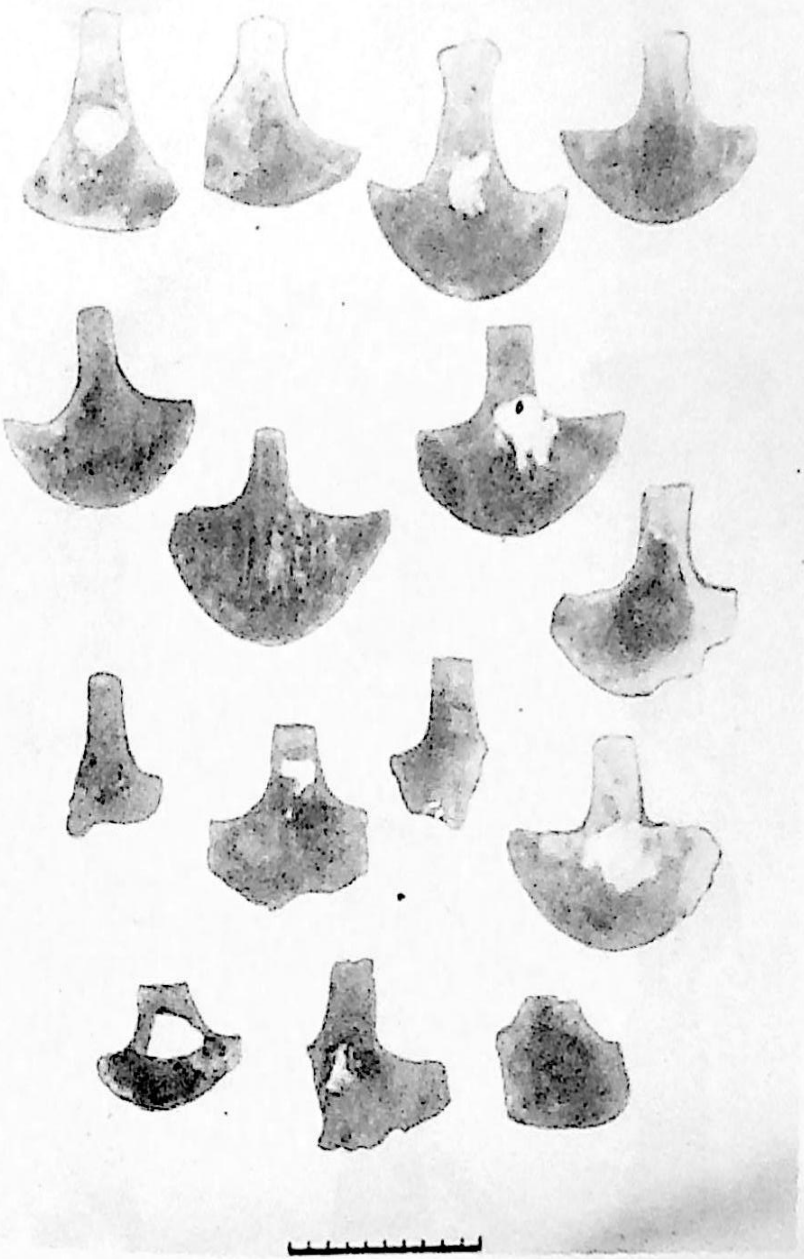
XXVI

XXVII

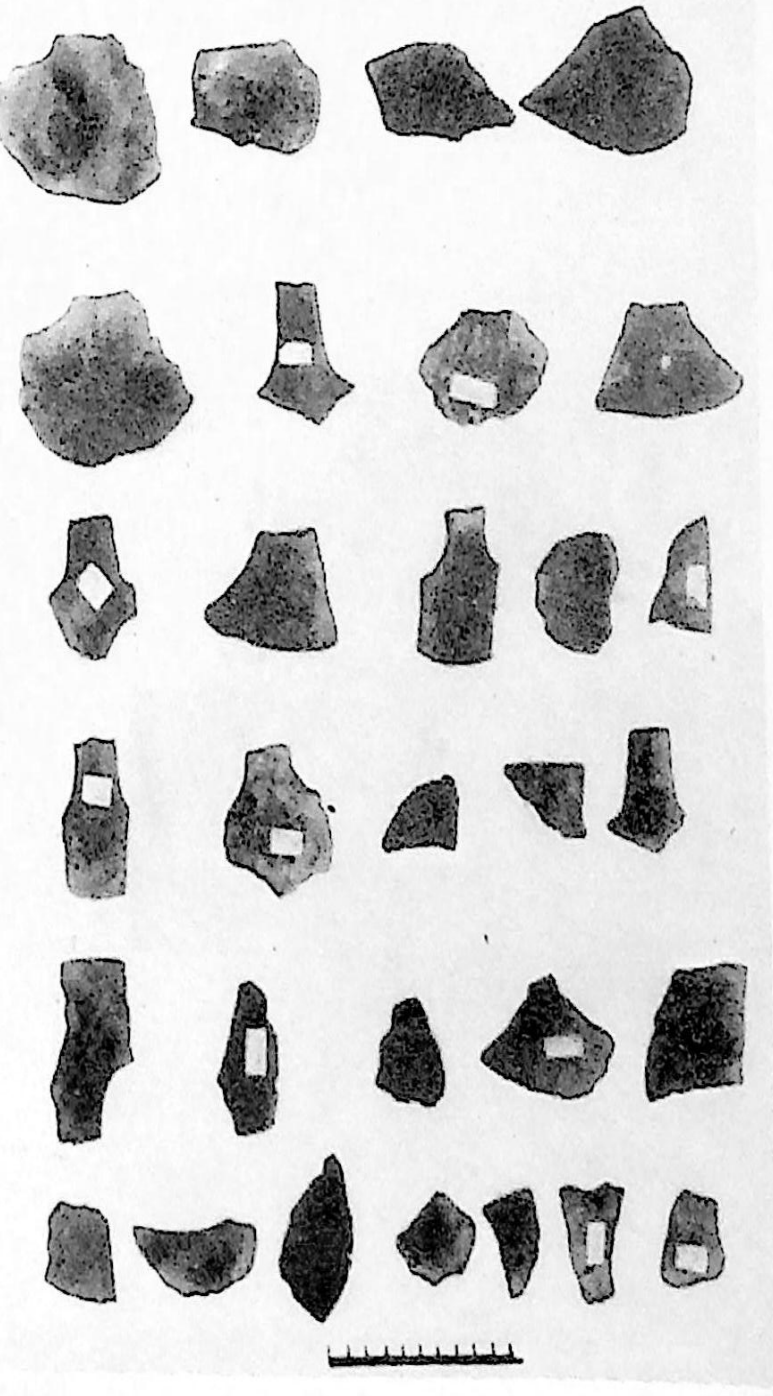
XXVIII

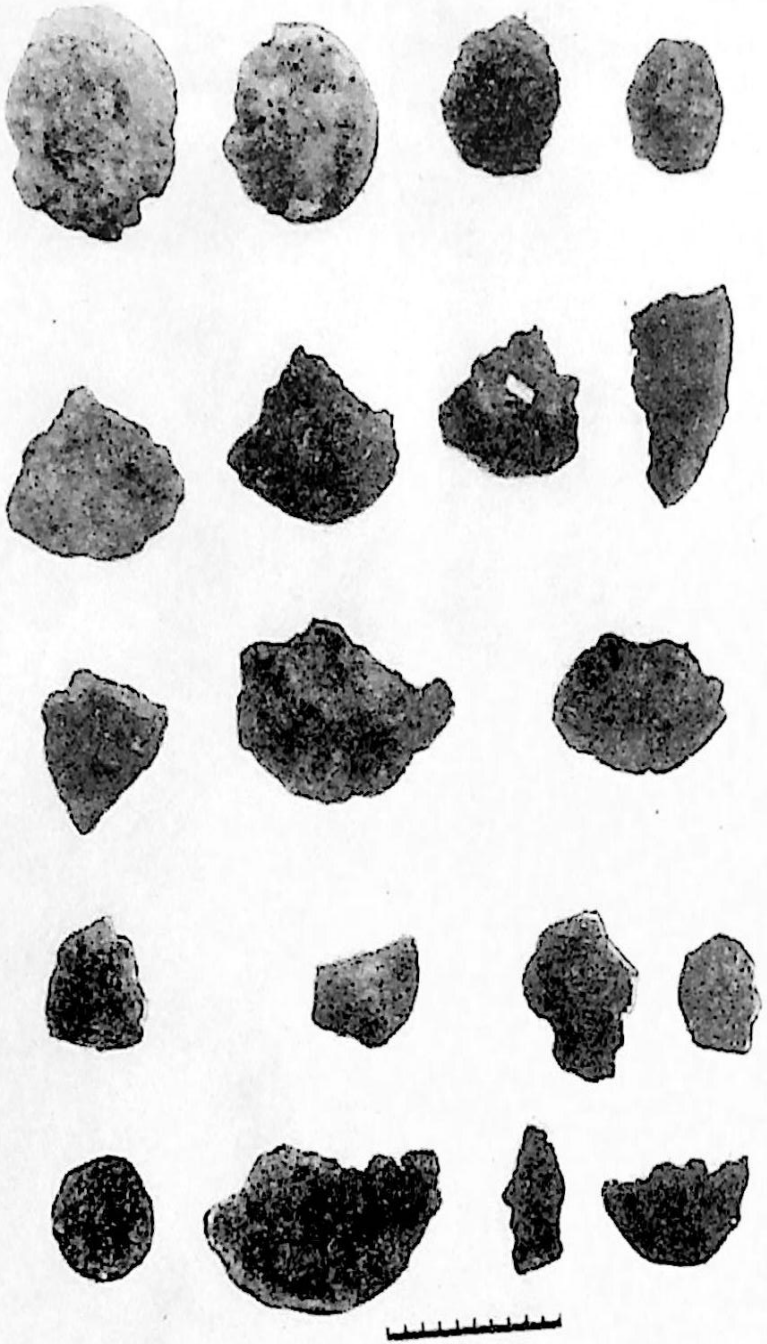
XXIX

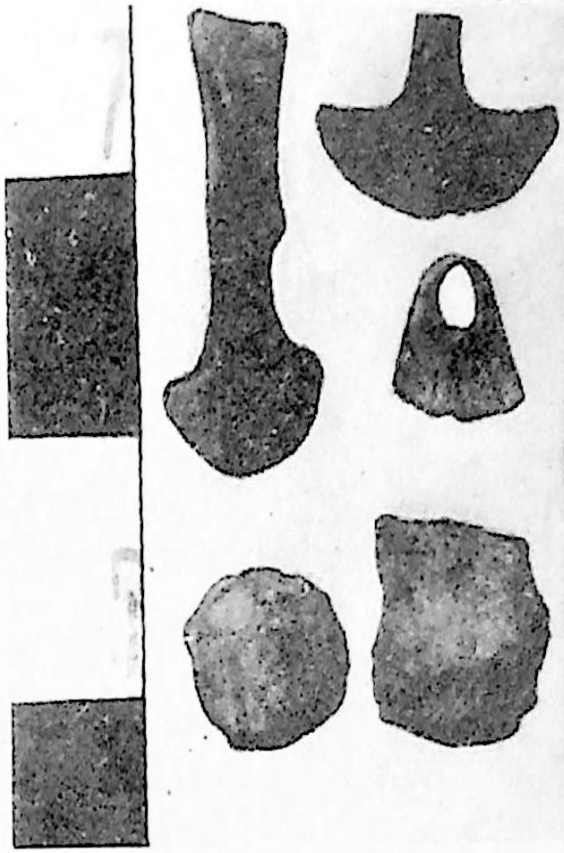
XXX

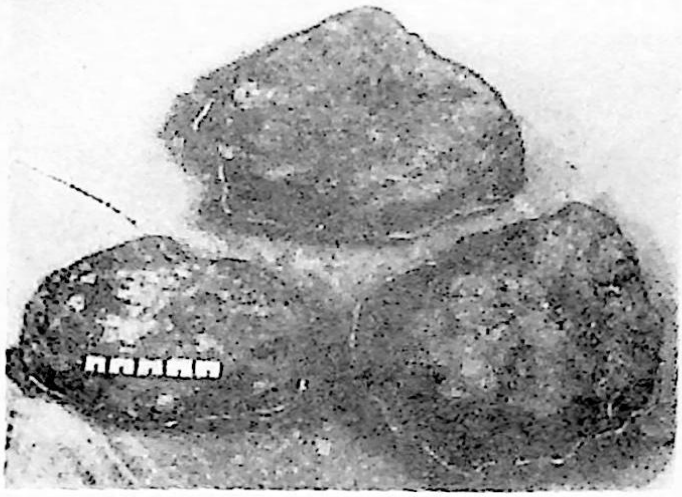
XXXI

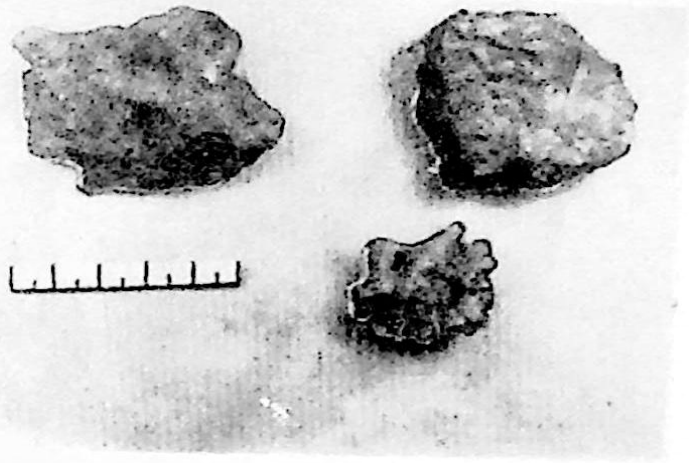
XXXII

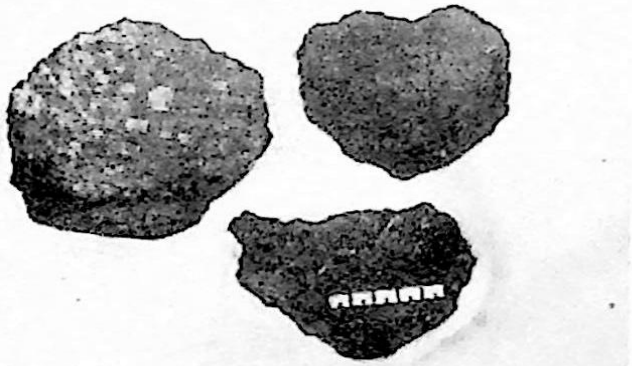
XXXIII

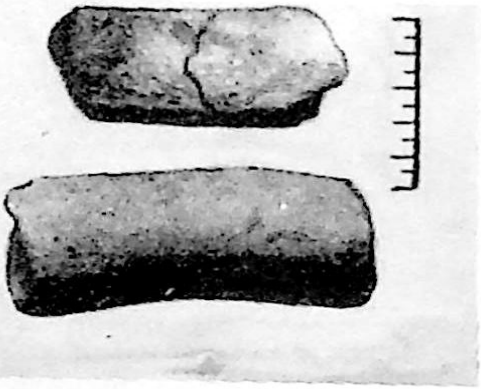
XXXIV

XXXV

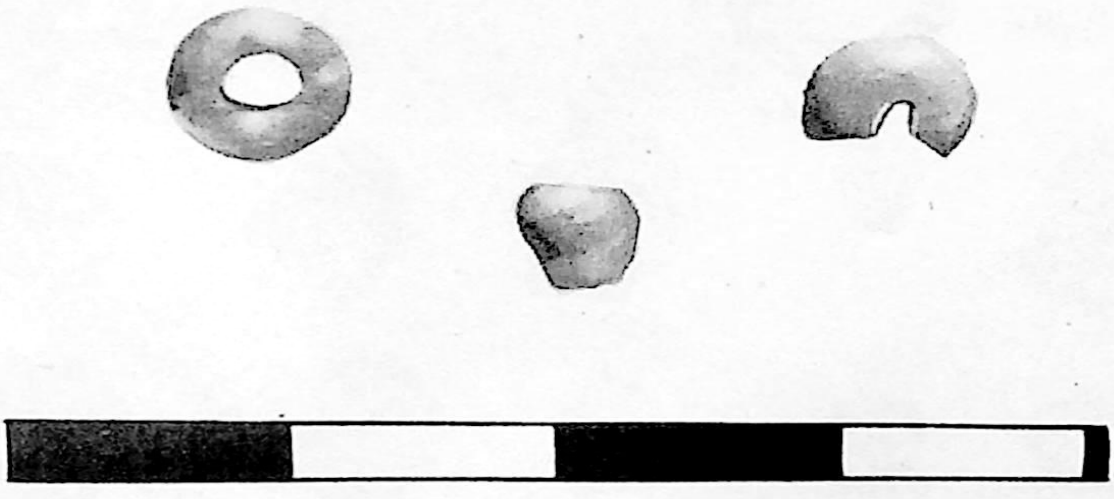
XXXVI

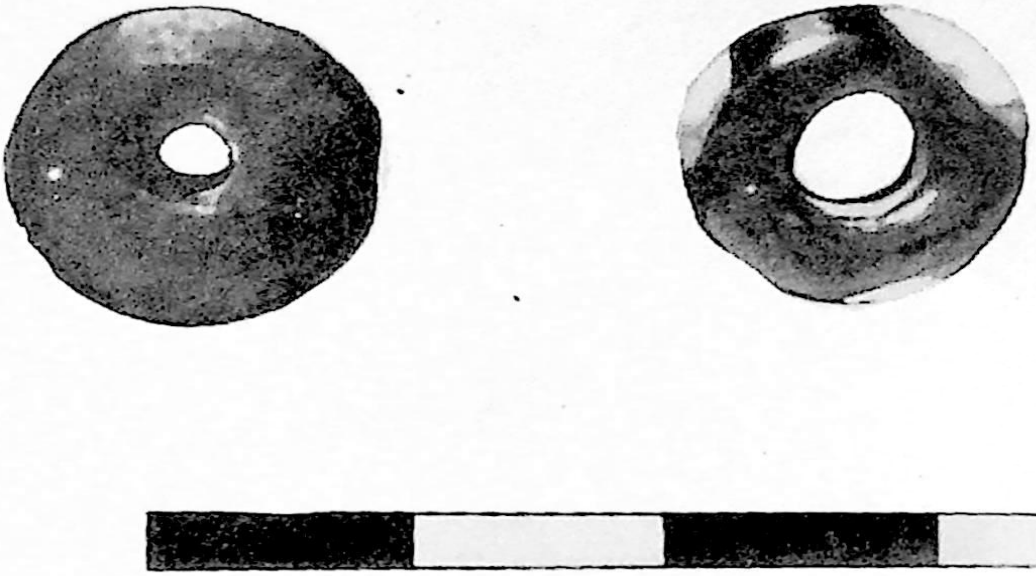

XXXVII

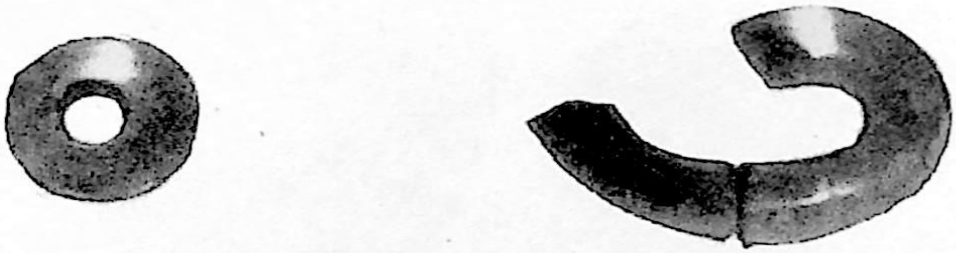

XXXVIII

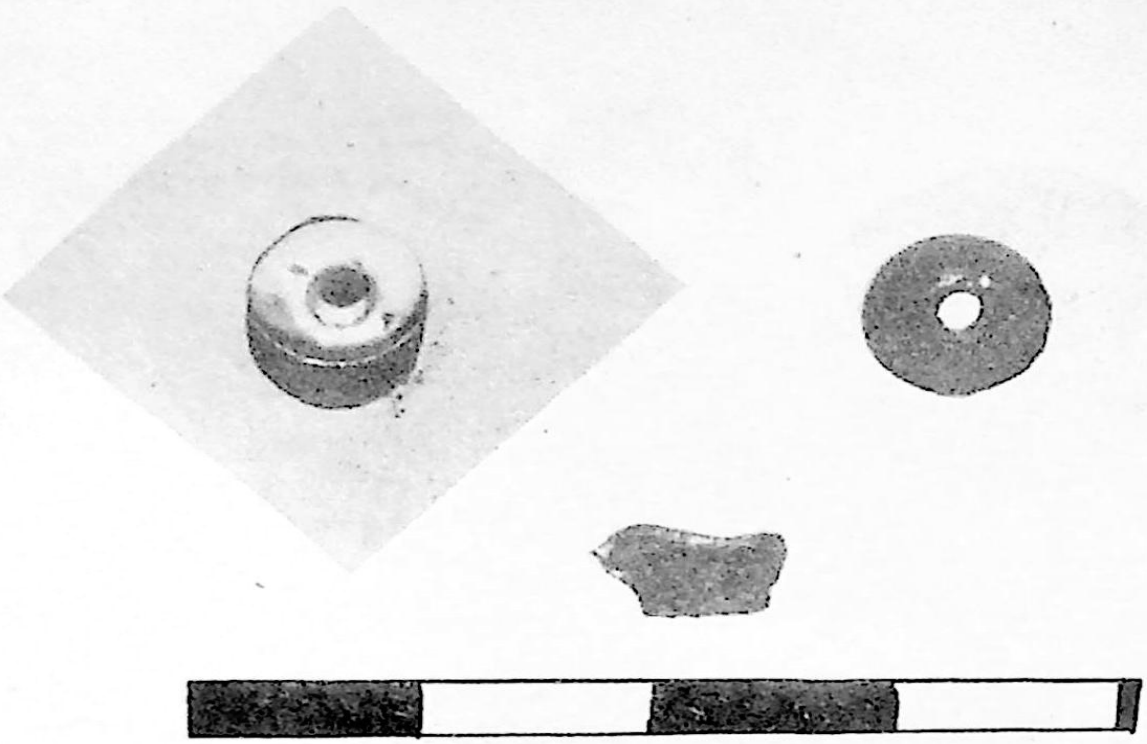

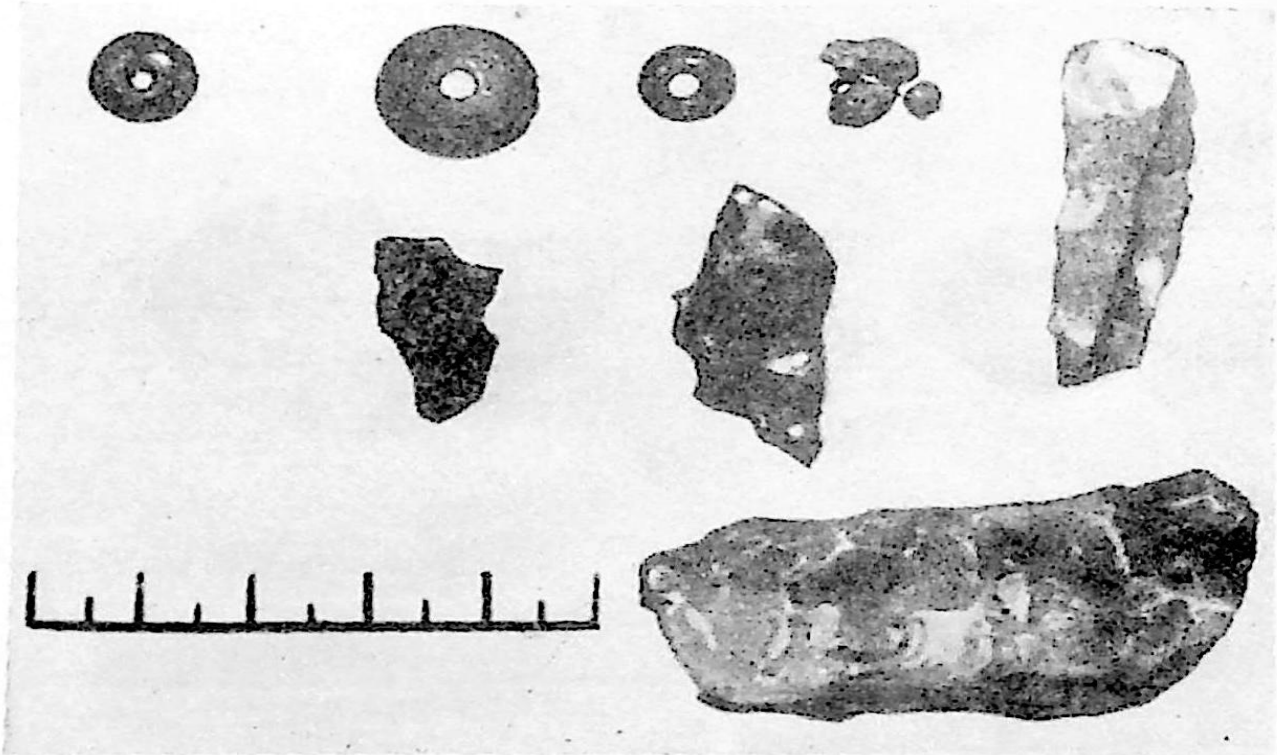
XL

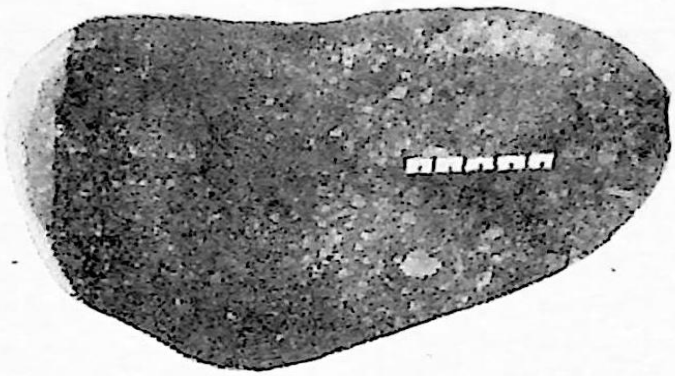
XLI

XLII

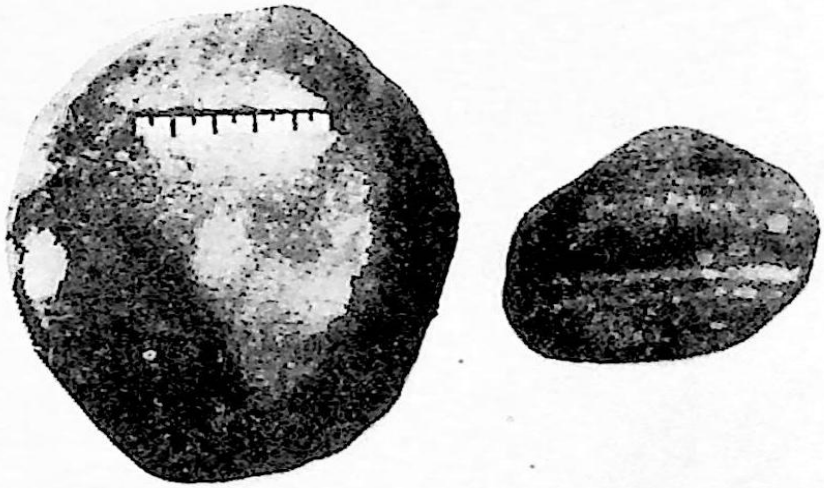
XLIII

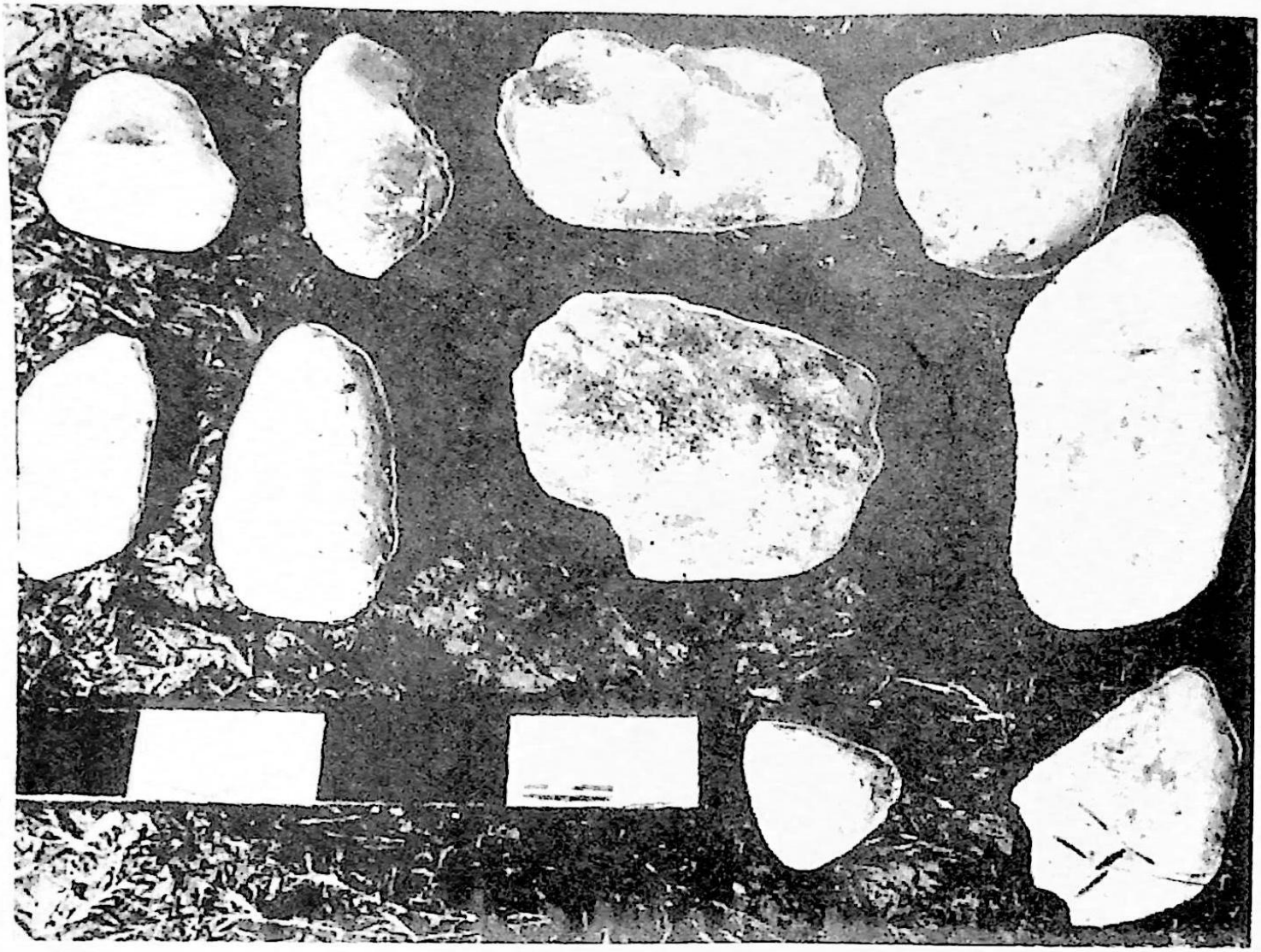

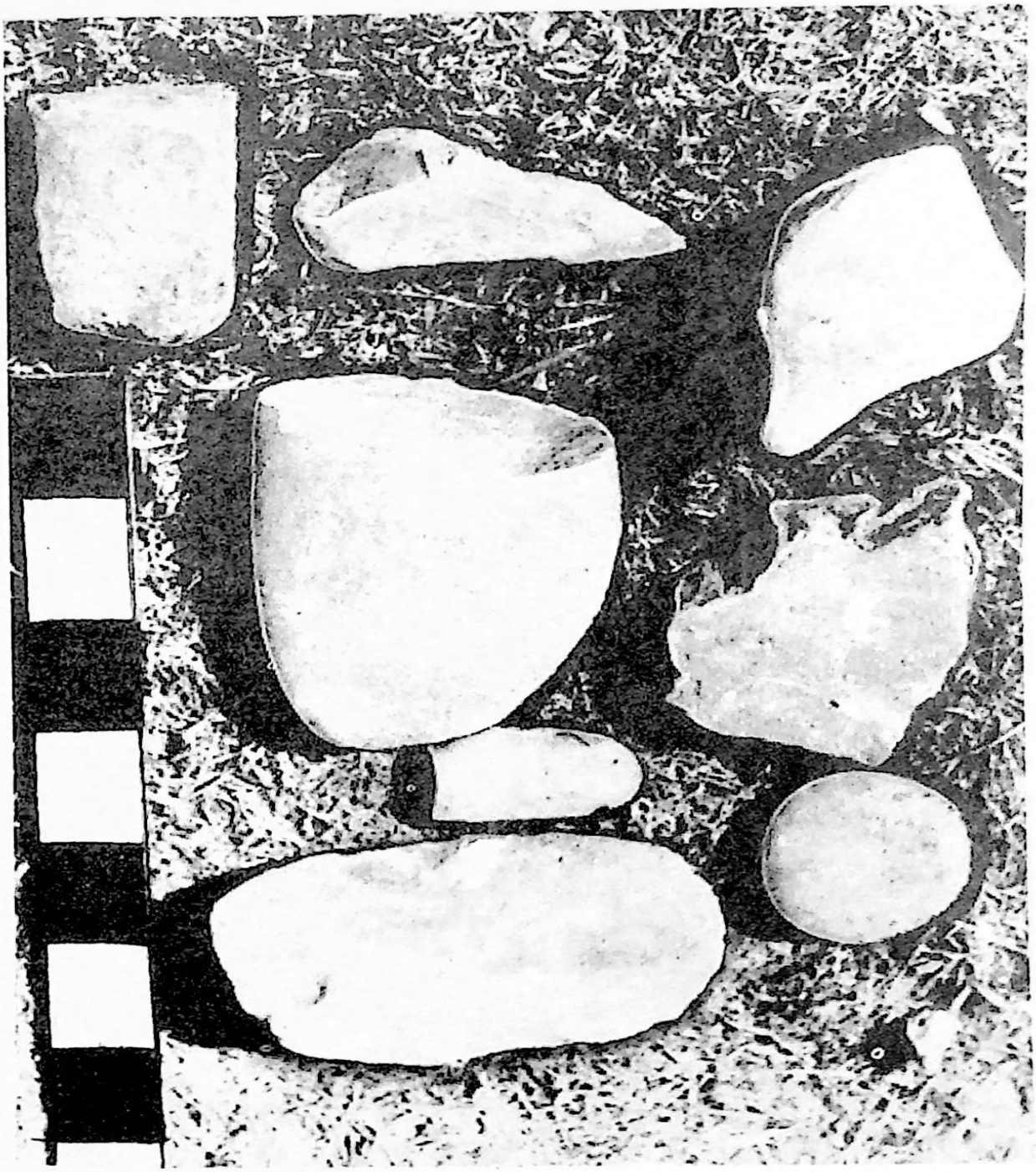
XLIV

XLV

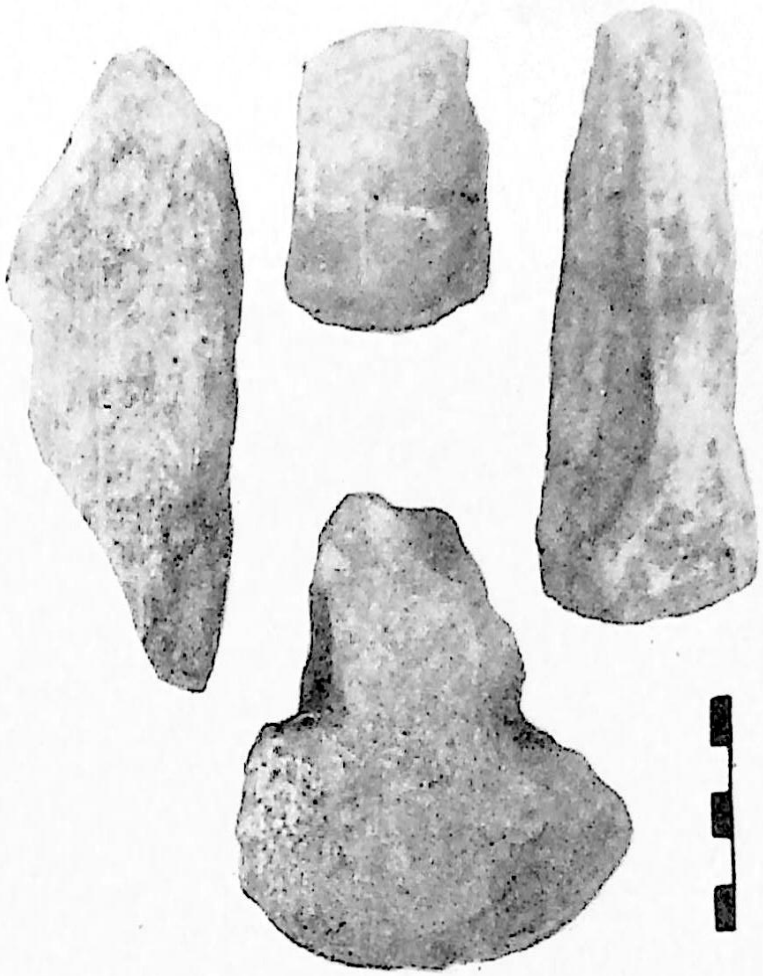

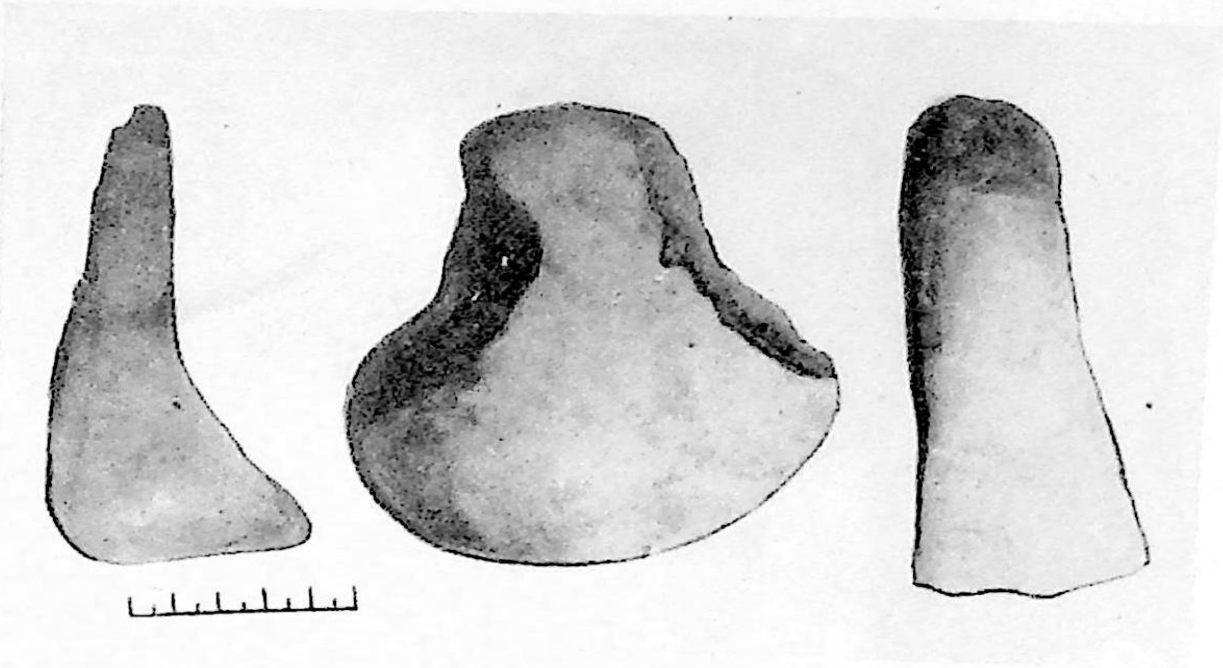
XLVIII

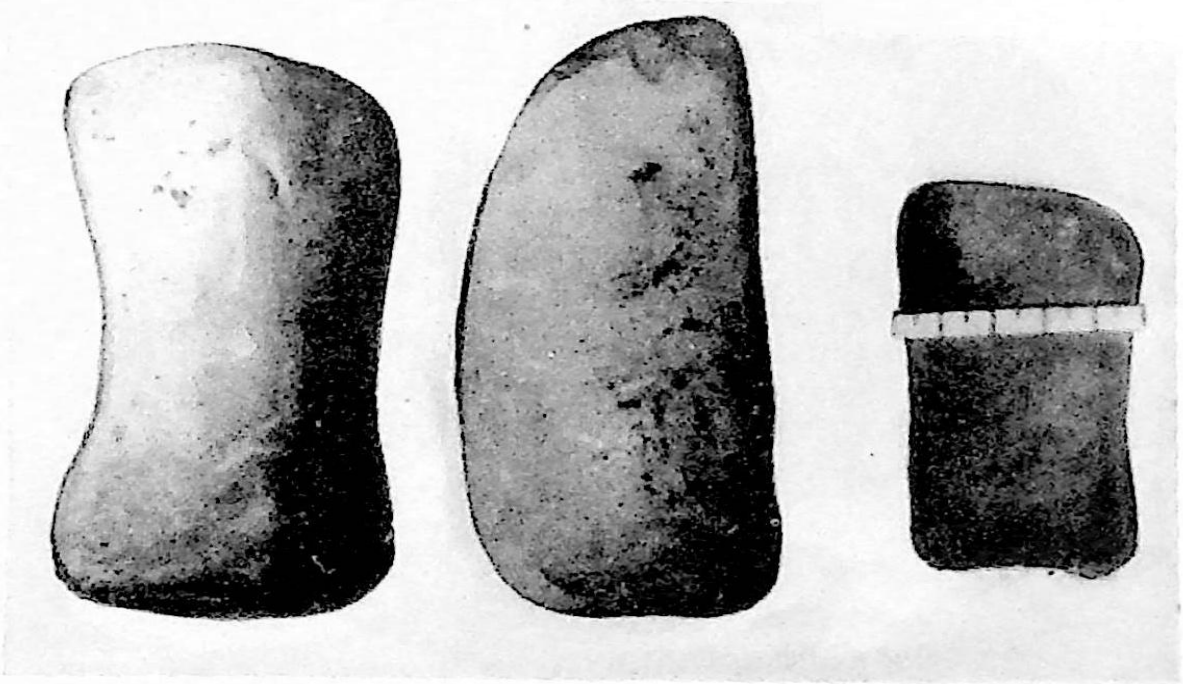
XLIX

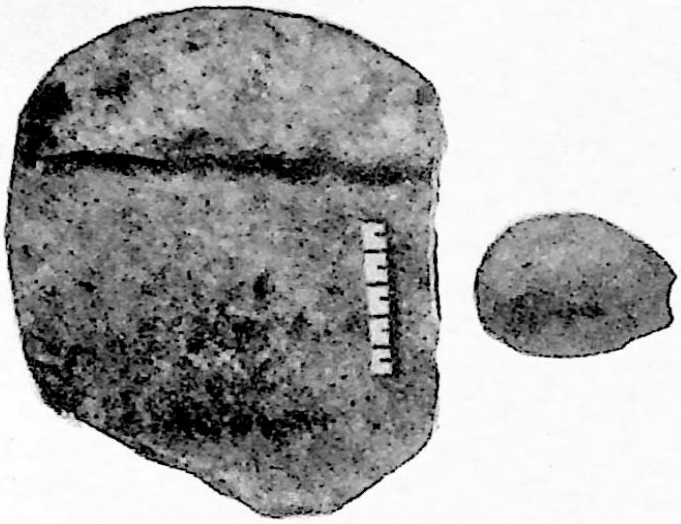
L

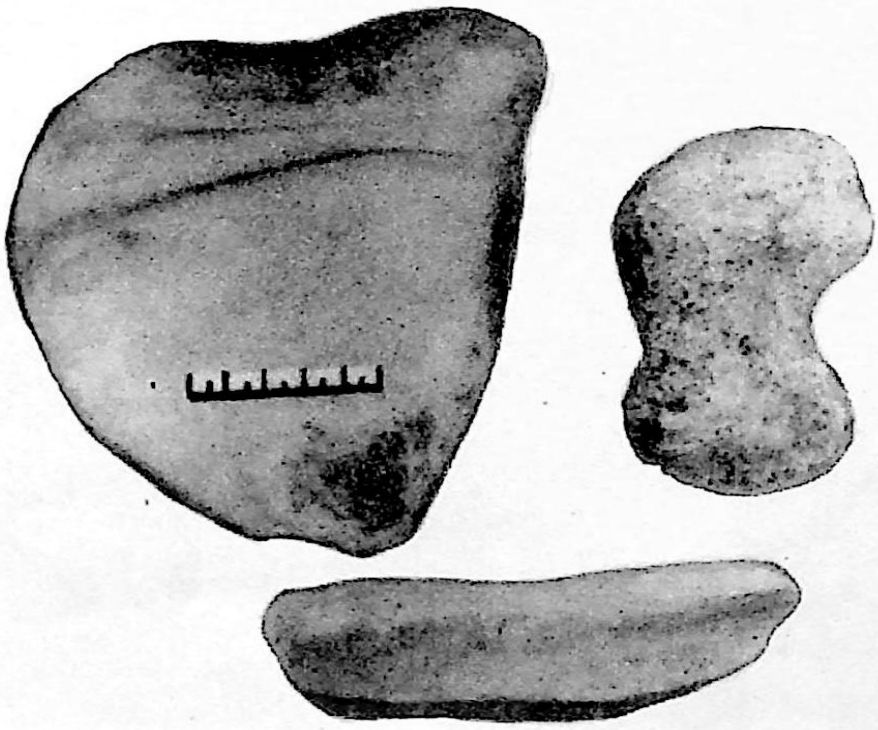
LI

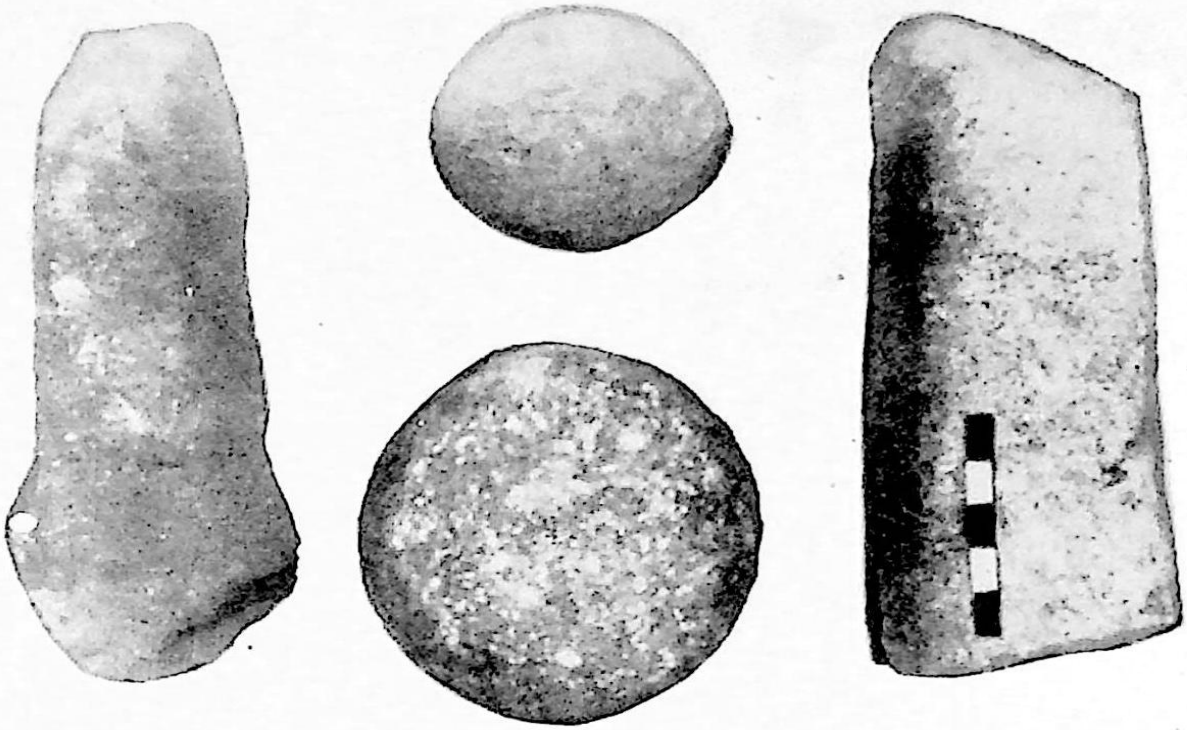
LII

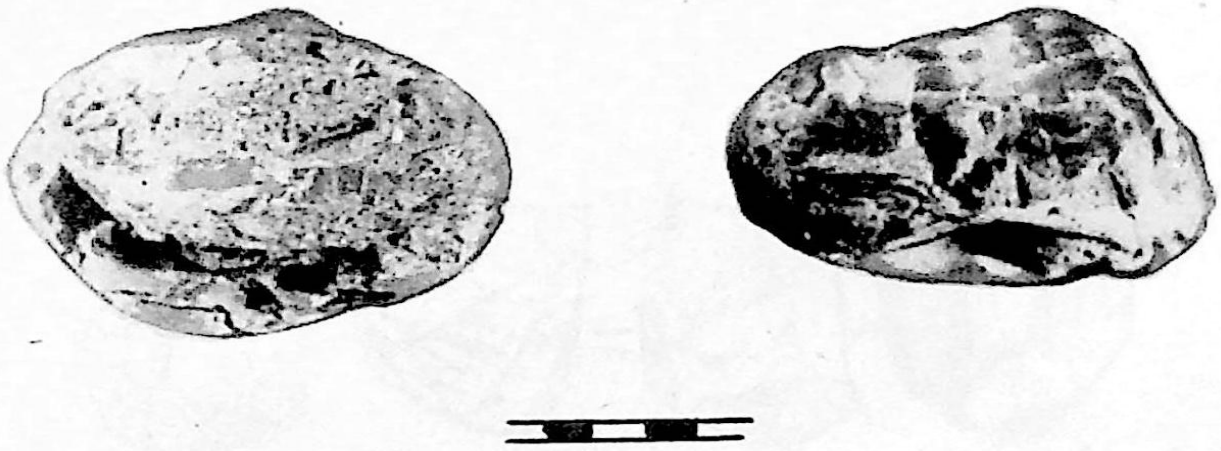
LIII

LIV

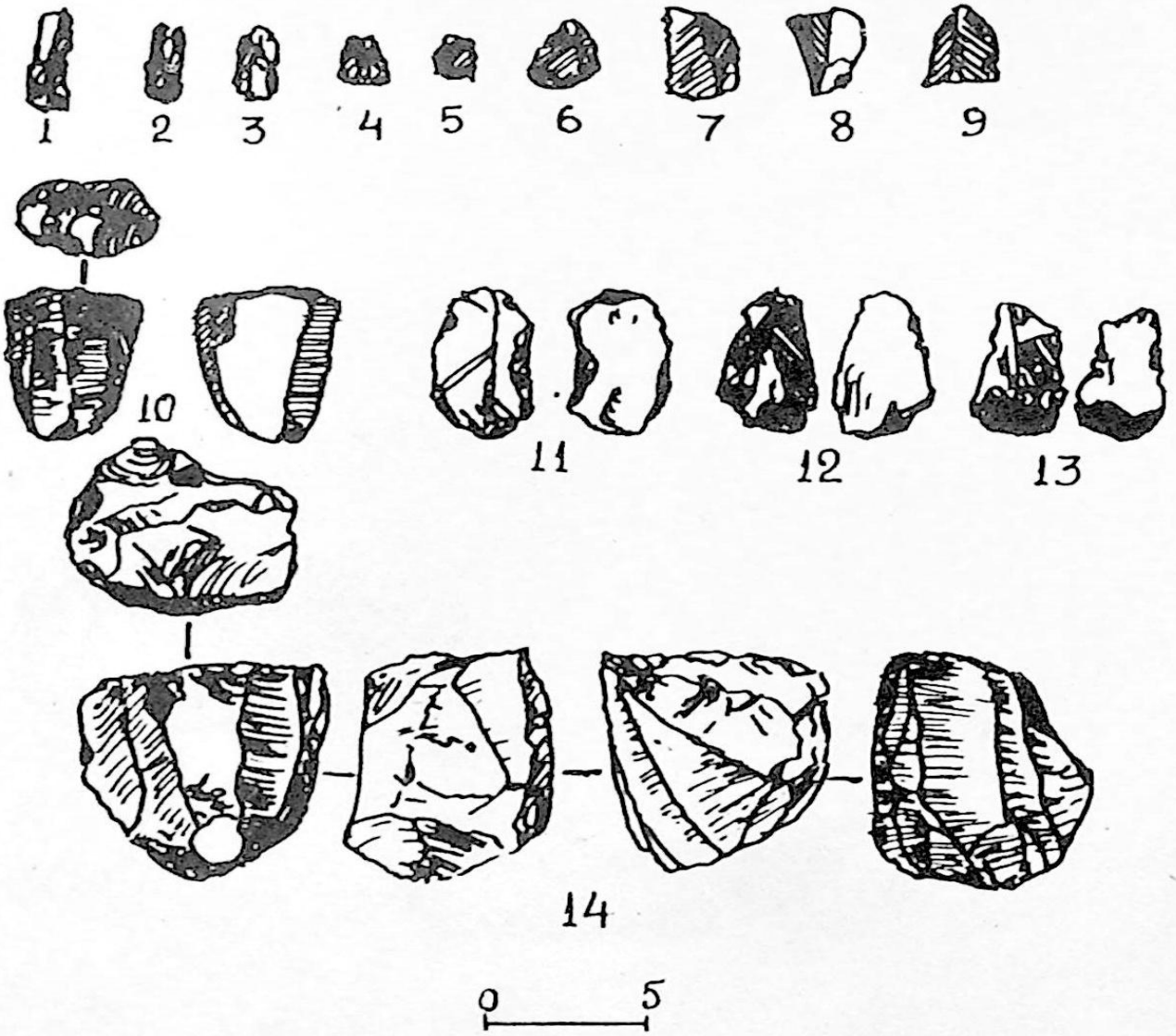
LV

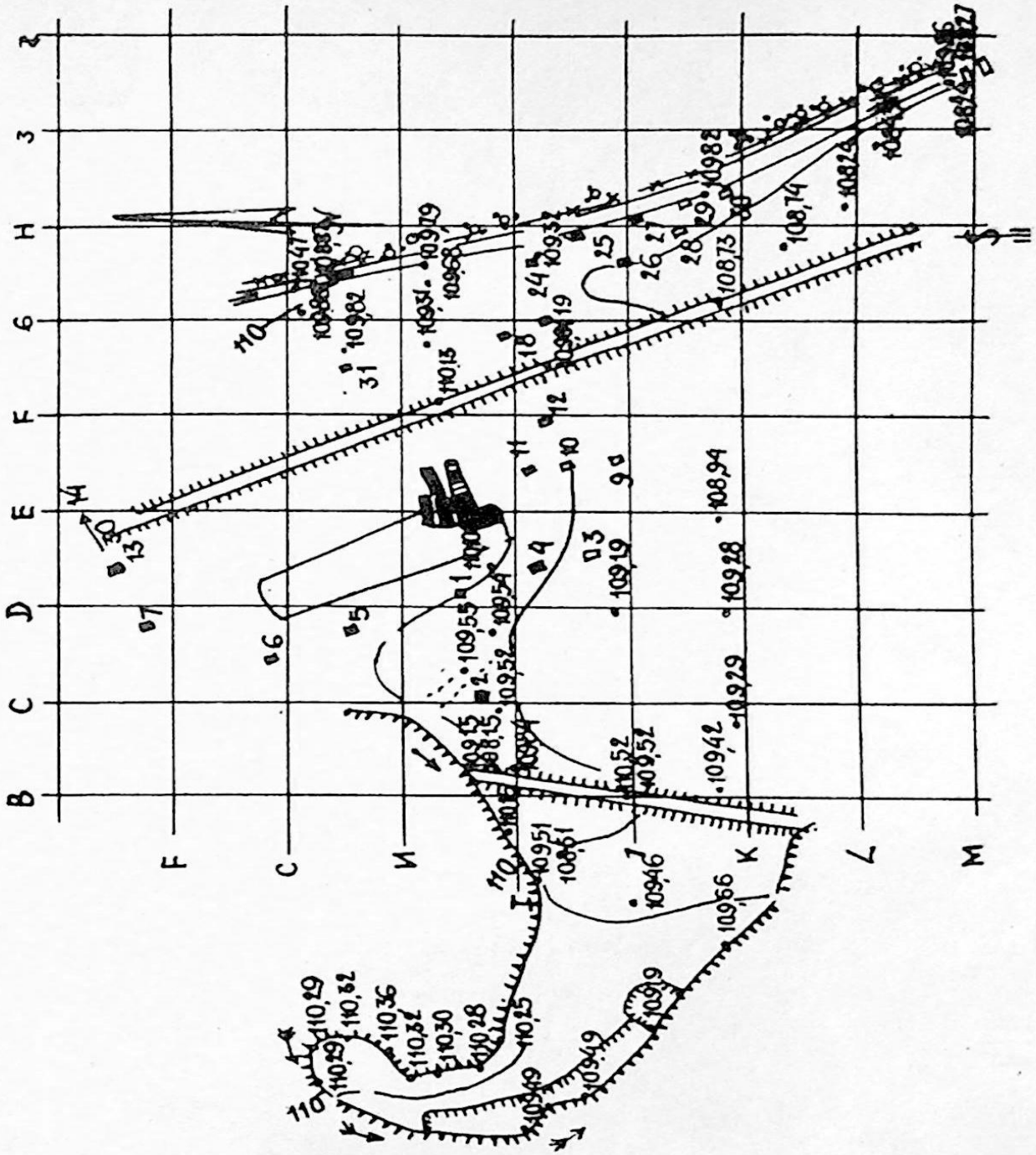

LVI

LVII

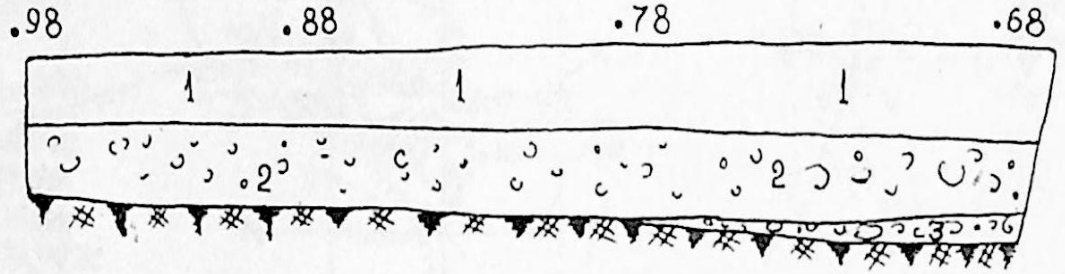

B C D E F 6 H 3 2
F C И I K Л M
110,29
110,32
110,36
110,31
110,30
110,28
110,25
110,49
110,19
110,66
110,46
110,61
110,51
110,52
110,42
110,29
108,94
108,74
108,24
108,73
110,15
110,13
110,41
110,47
110,82
110,79
110,98
110,32
110,19
110,18
110,12
110,11
110,10
110,9
110,8
110,7
110,6
110,5
110,4
110,3
110,2
110,1
110,0
109,99
109,98
109,97
109,96
109,95
109,94
109,93
109,92
109,91
109,90
109,89
109,88
109,87
109,86
109,85
109,84
109,83
109,82
109,81
109,80
109,79
109,78
109,77
109,76
109,75
109,74
109,73
109,72
109,71
109,70
109,69
109,68
109,67
109,66
109,65
109,64
109,63
109,62
109,61
109,60
109,59
109,58
109,57
109,56
109,55
109,54
109,53
109,52
109,51
109,50
109,49
109,48
109,47
109,46
109,45
109,44
109,43
109,42
109,41
109,40
109,39
109,38
109,37
109,36
109,35
109,34
109,33
109,32
109,31
109,30
109,29
109,28
109,27
109,26
109,25
109,24
109,23
109,22
109,21
109,20
109,19
109,18
109,17
109,16
109,15
109,14
109,13
109,12
109,11
109,10
109,9
109,8
109,7
109,6
109,5
109,4
109,3
109,2
109,1
109,0

НАЦИСКВИЛАРСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ-ПРОИЗВОДСТВО

РАЗРЕЗ 1-1
РАСКОП №2
М 1:25

S-

Условные знаки

1. Коричневатая глина
2. Черный слой с сильной примесью краснообожженной глиняной обмазки
3. Каменистый грунт

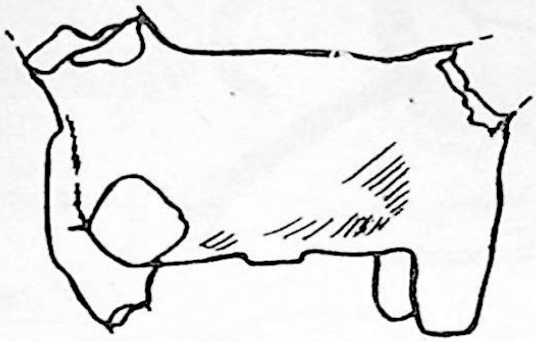

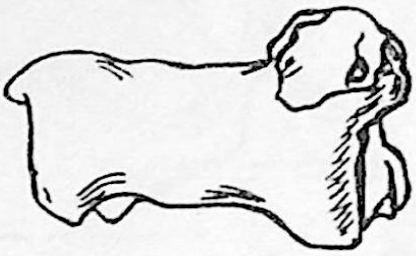

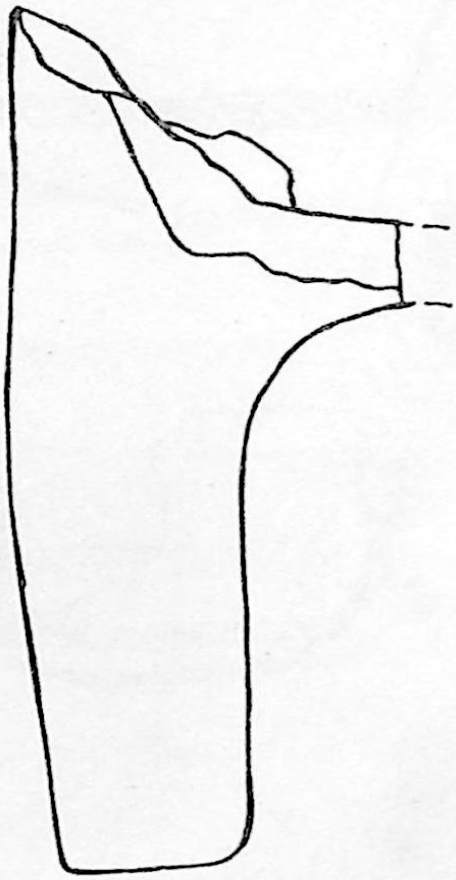
1

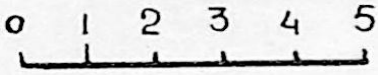
2

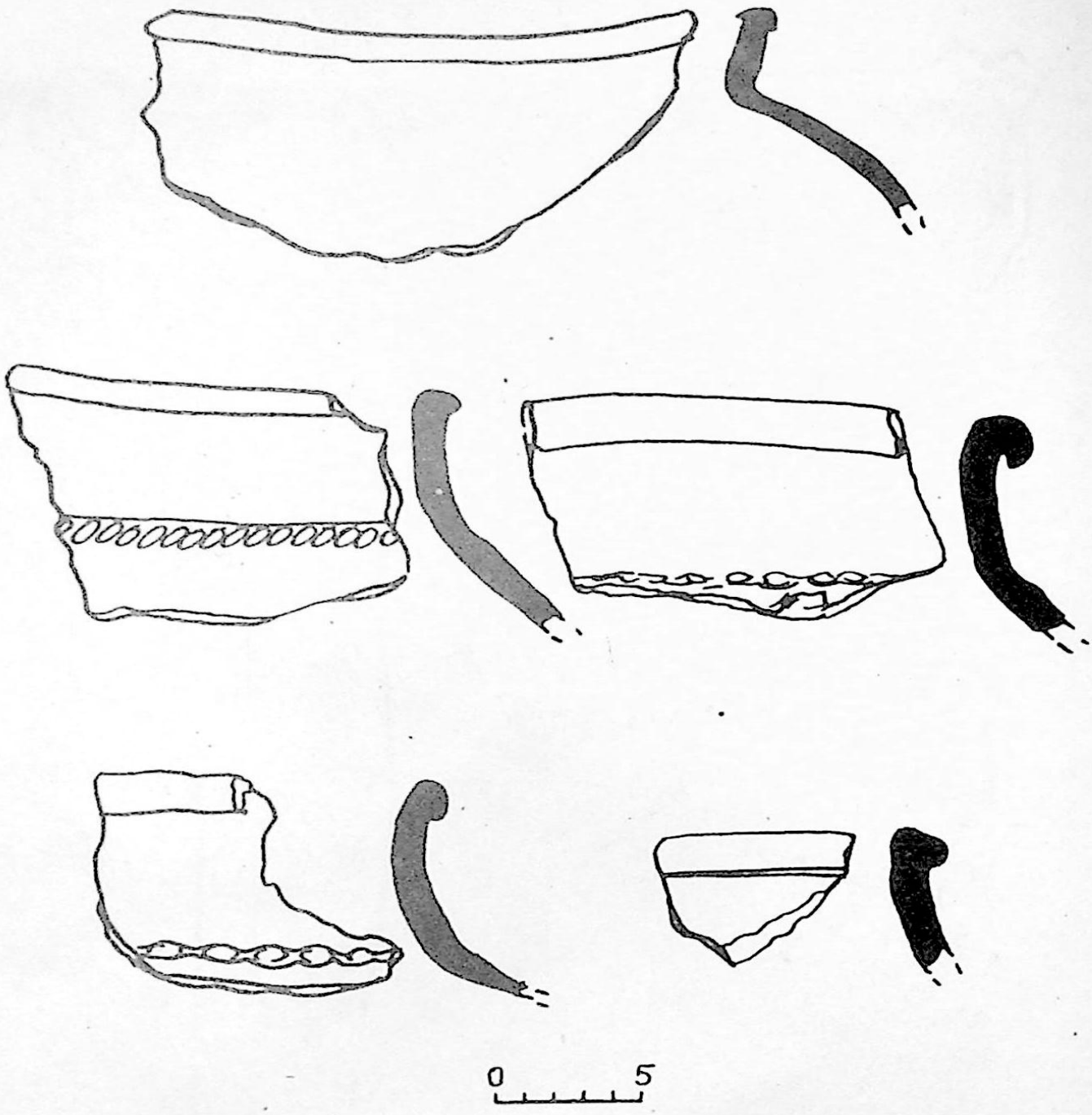

3

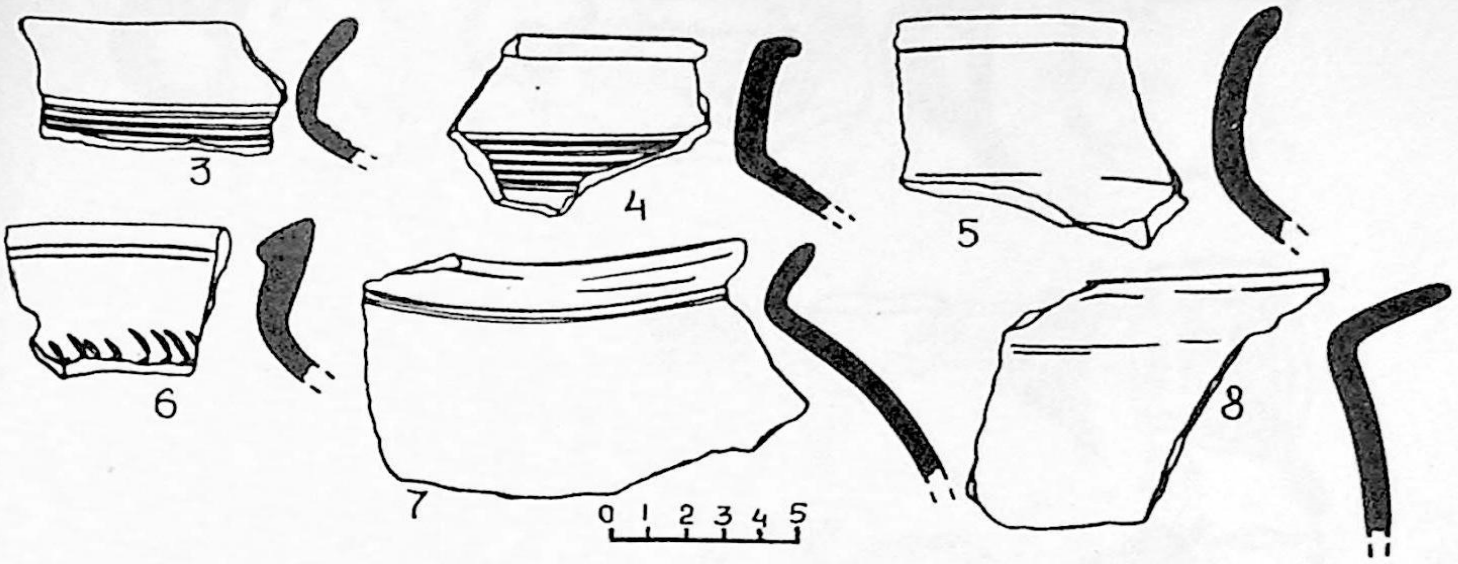

4

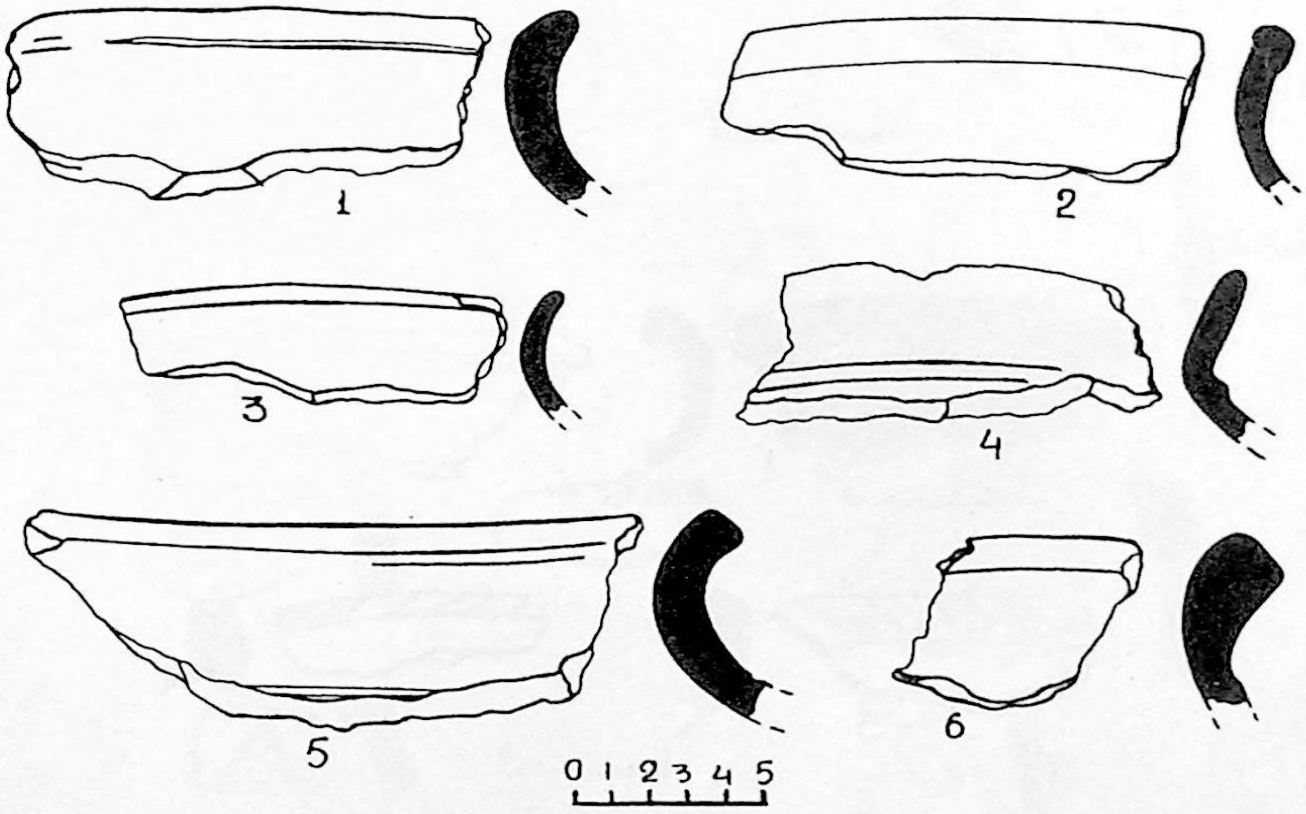

0
5

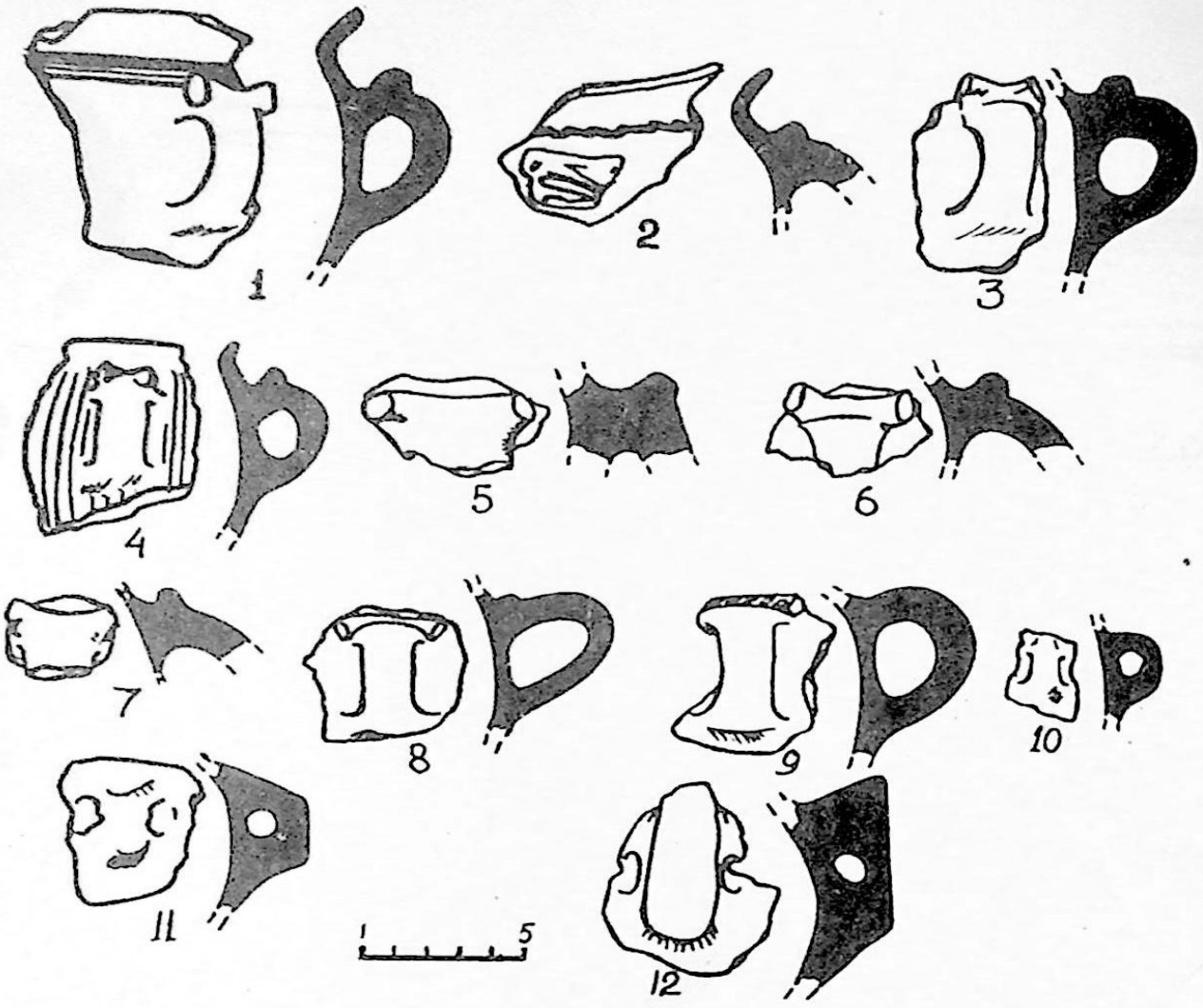
LXVIII

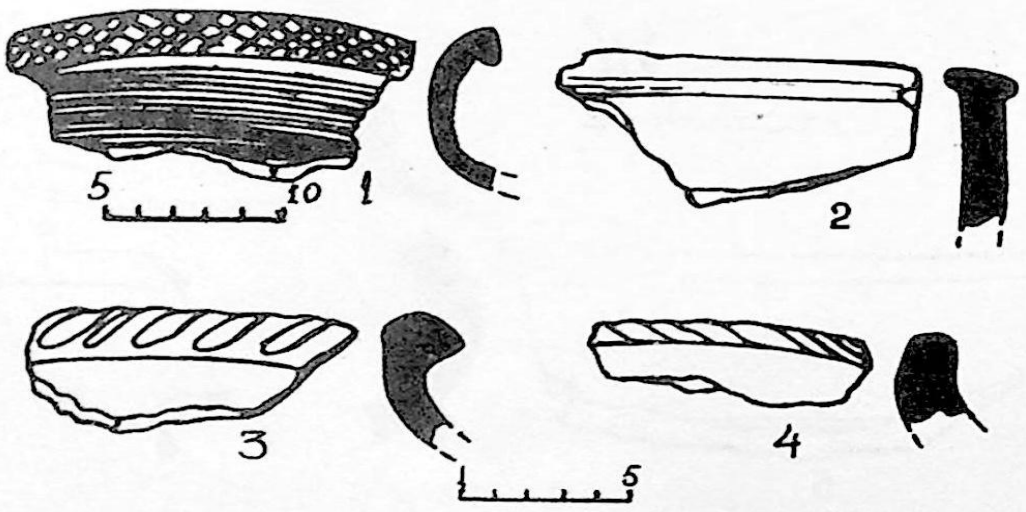
LXIX

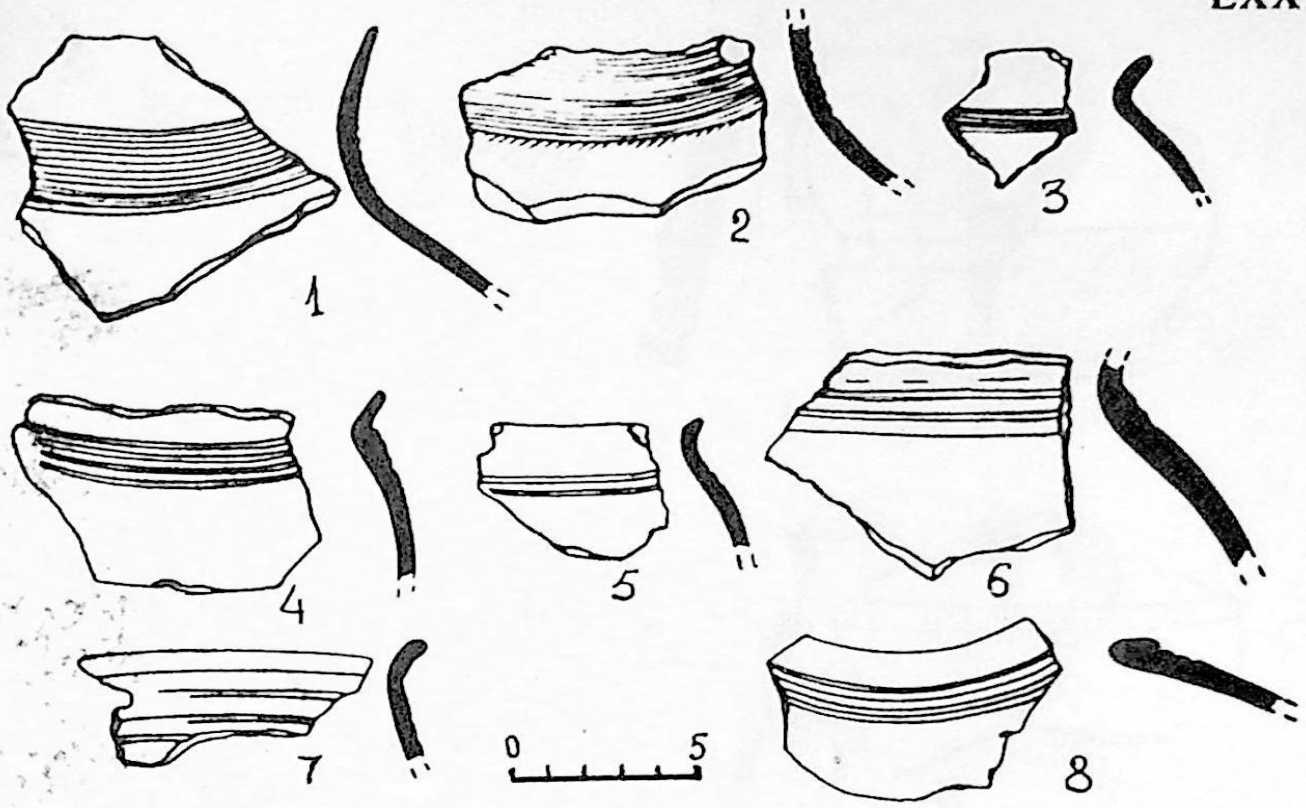
LXX

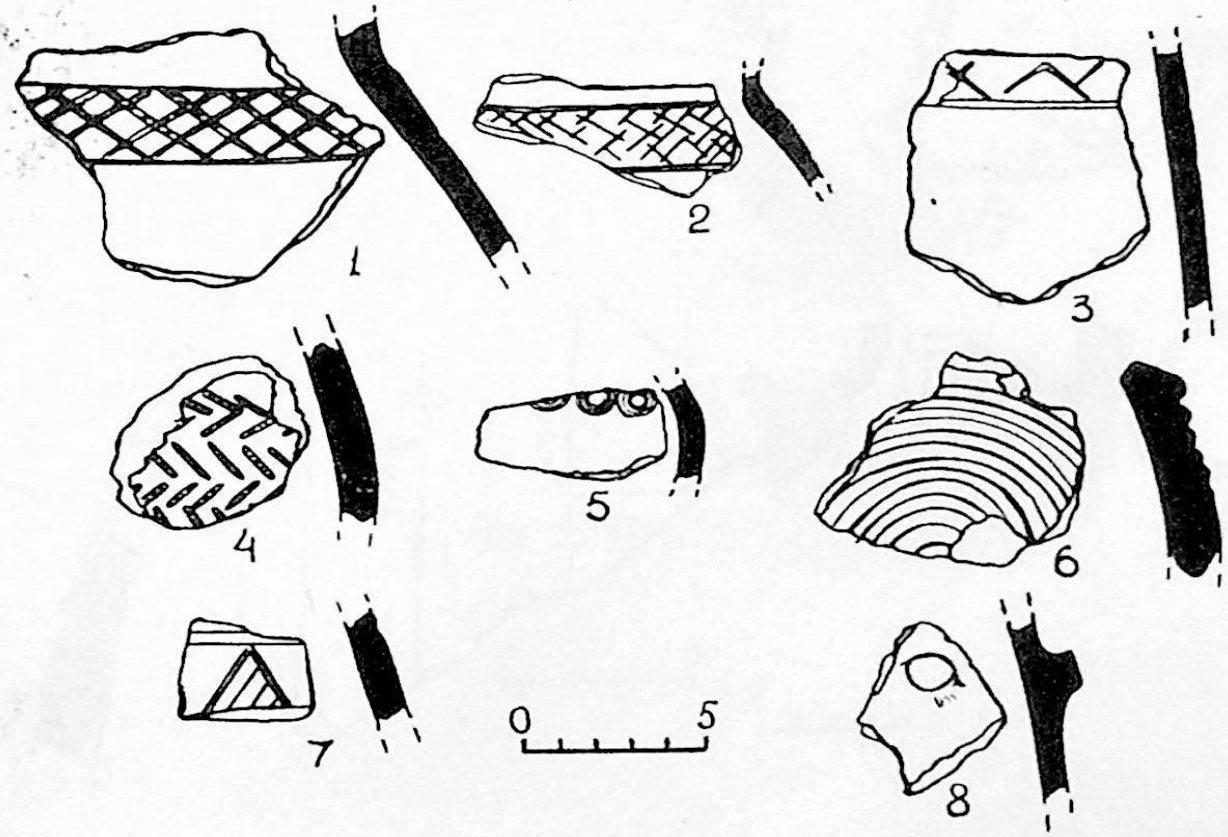
LXXI

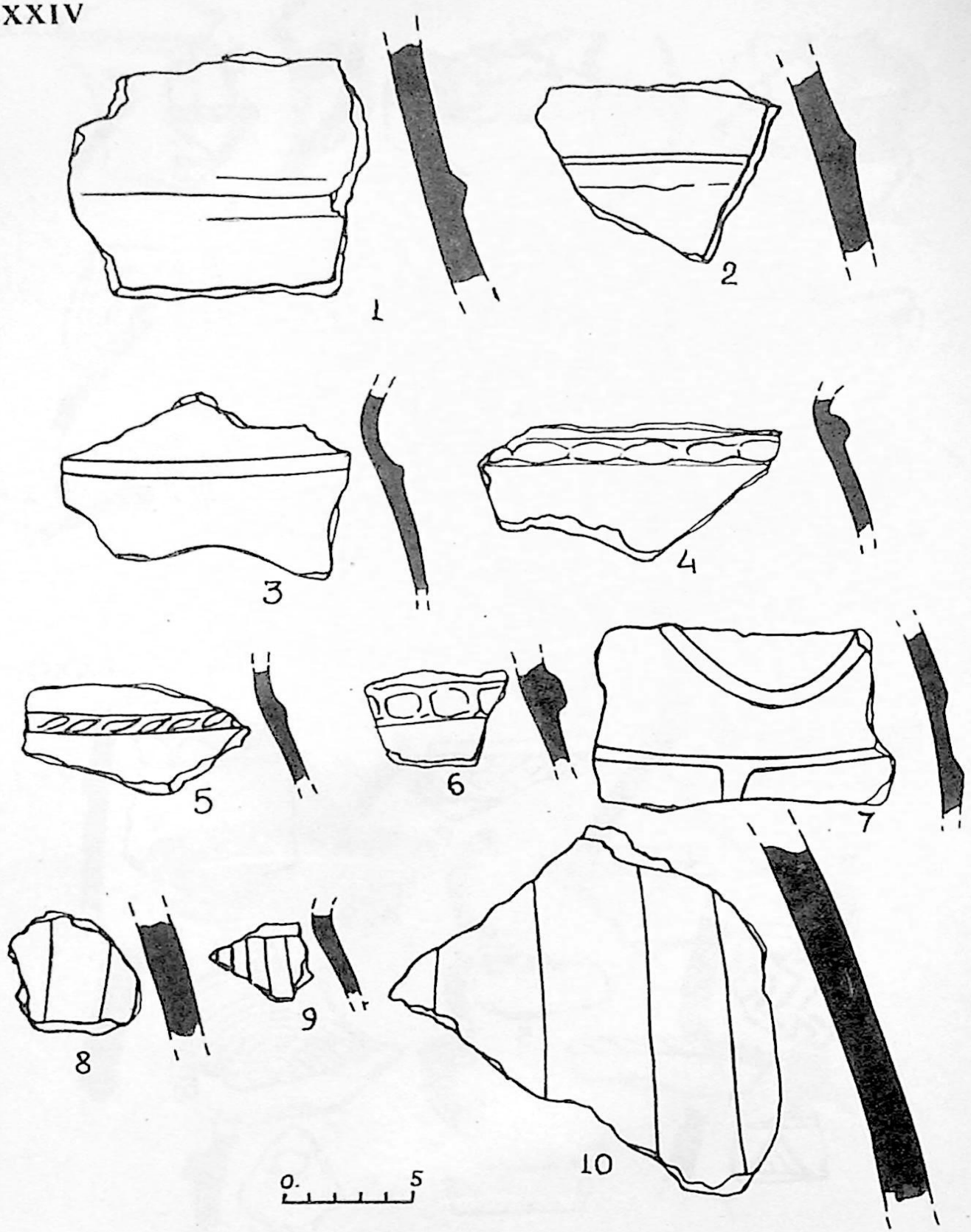
LXXII

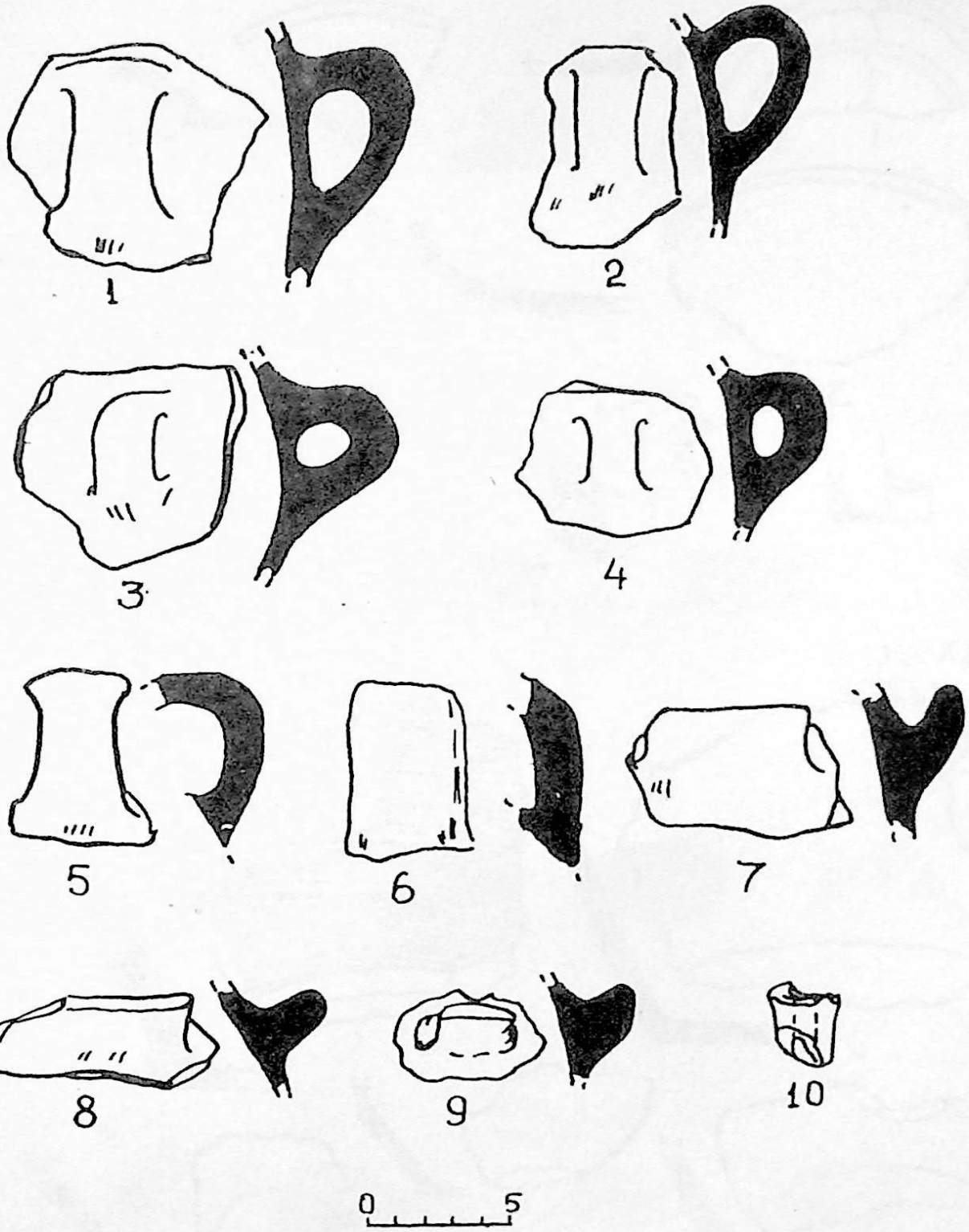

LXXIII

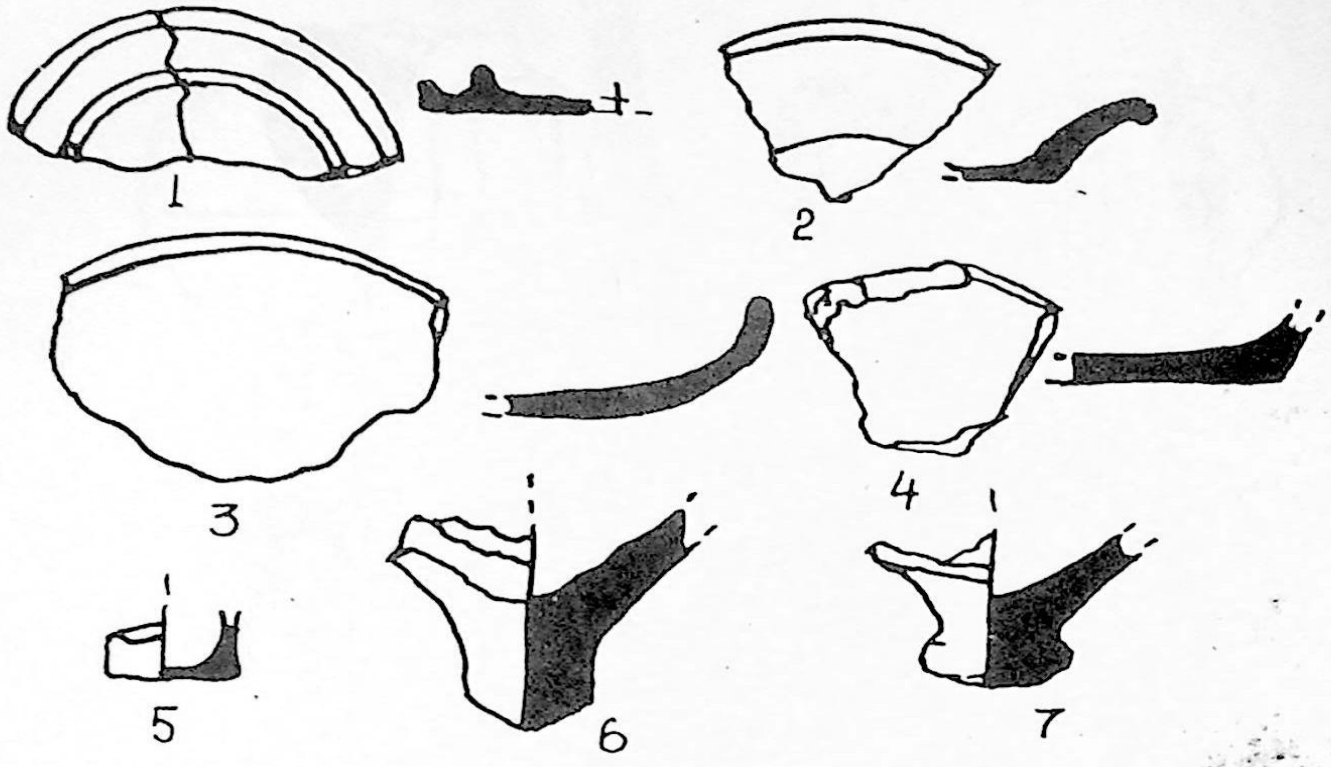

LXXIV

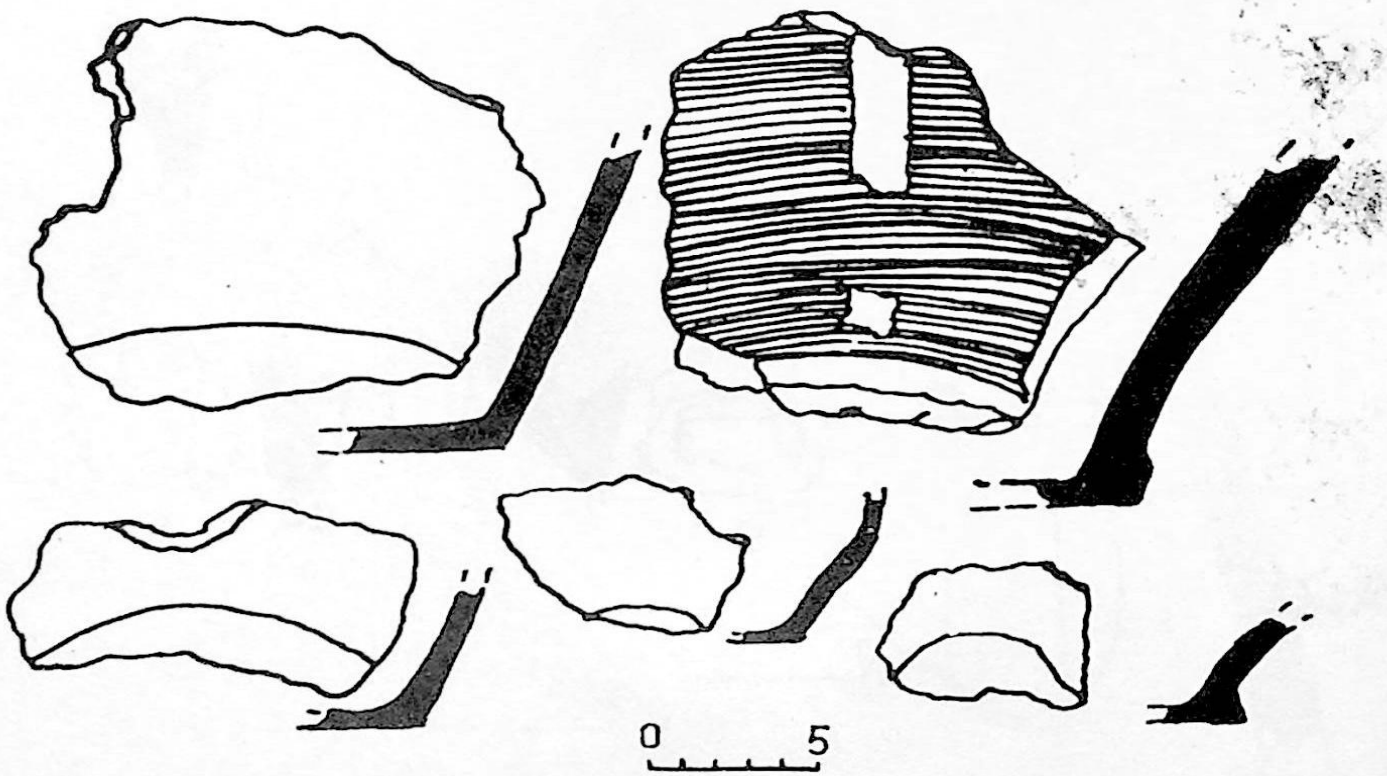

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
0
5

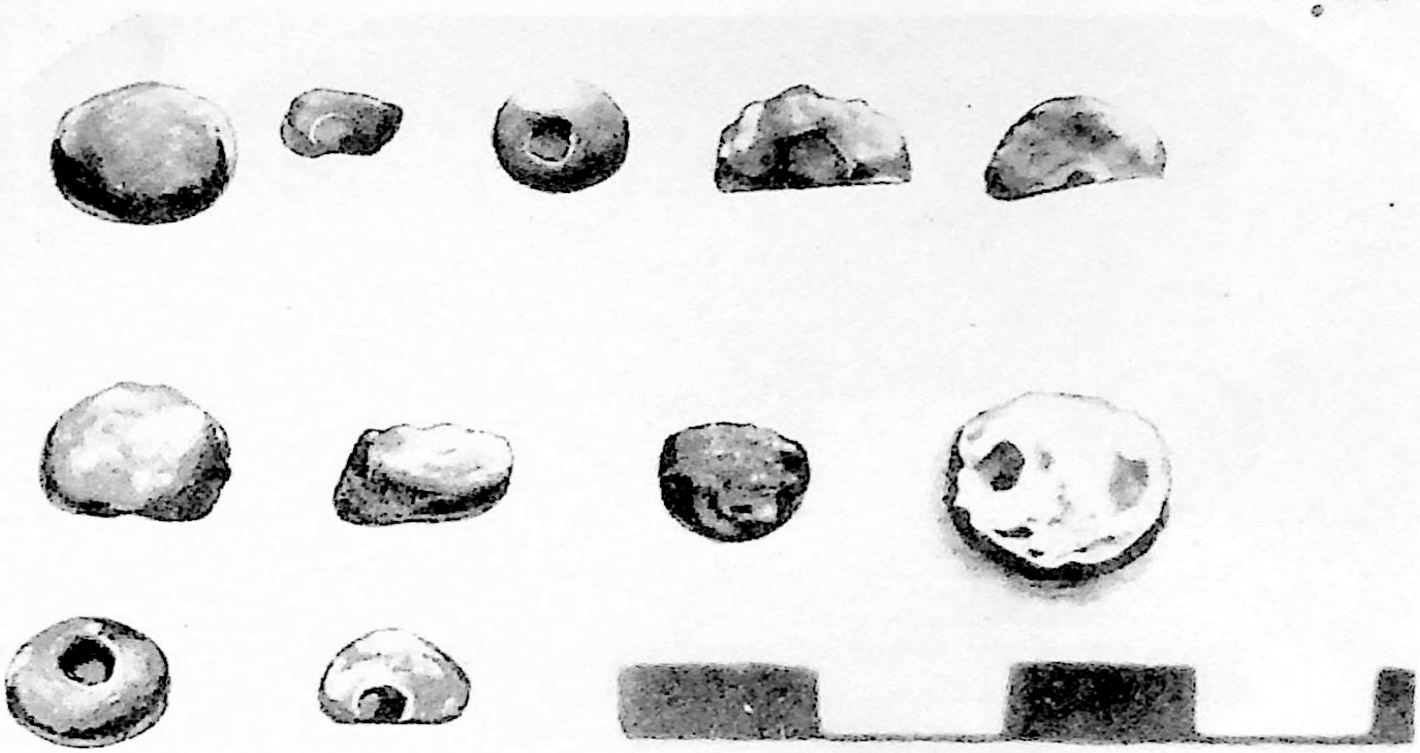
LXXVI

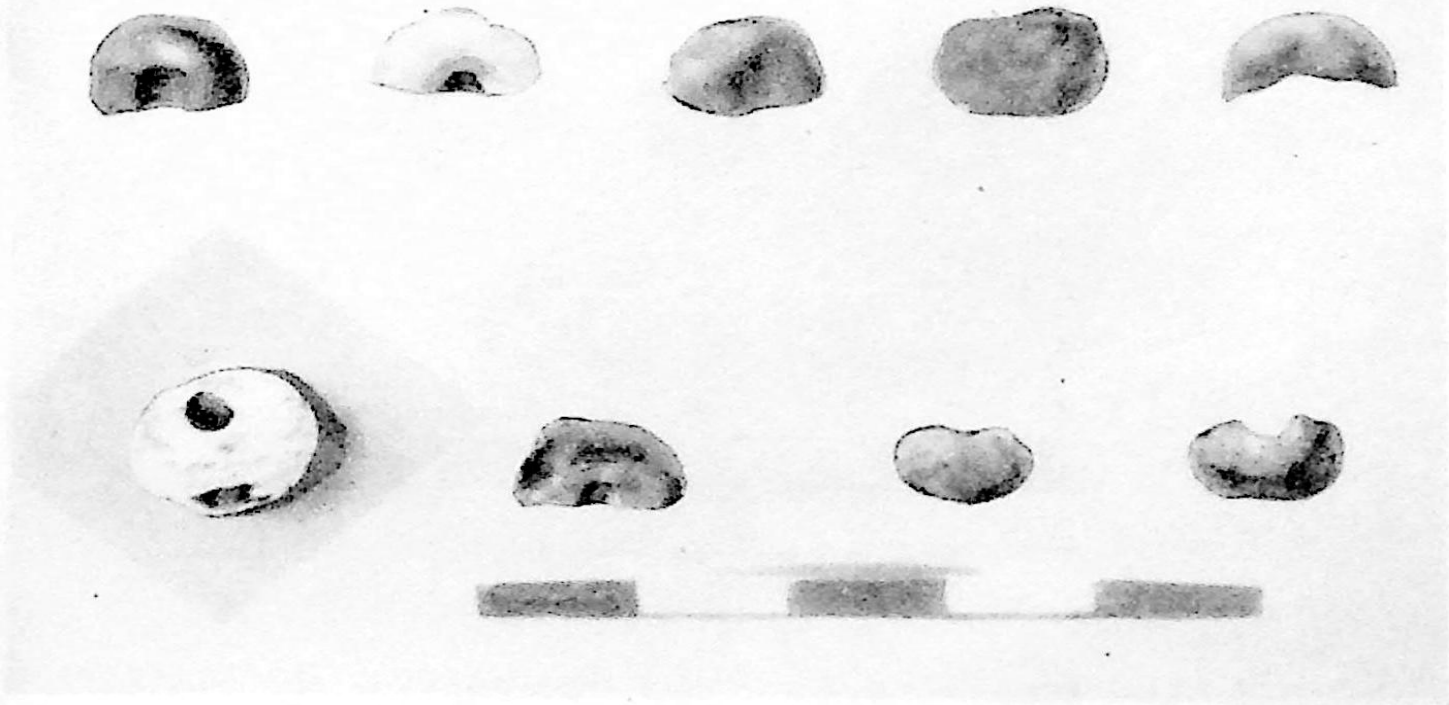
LXXVII

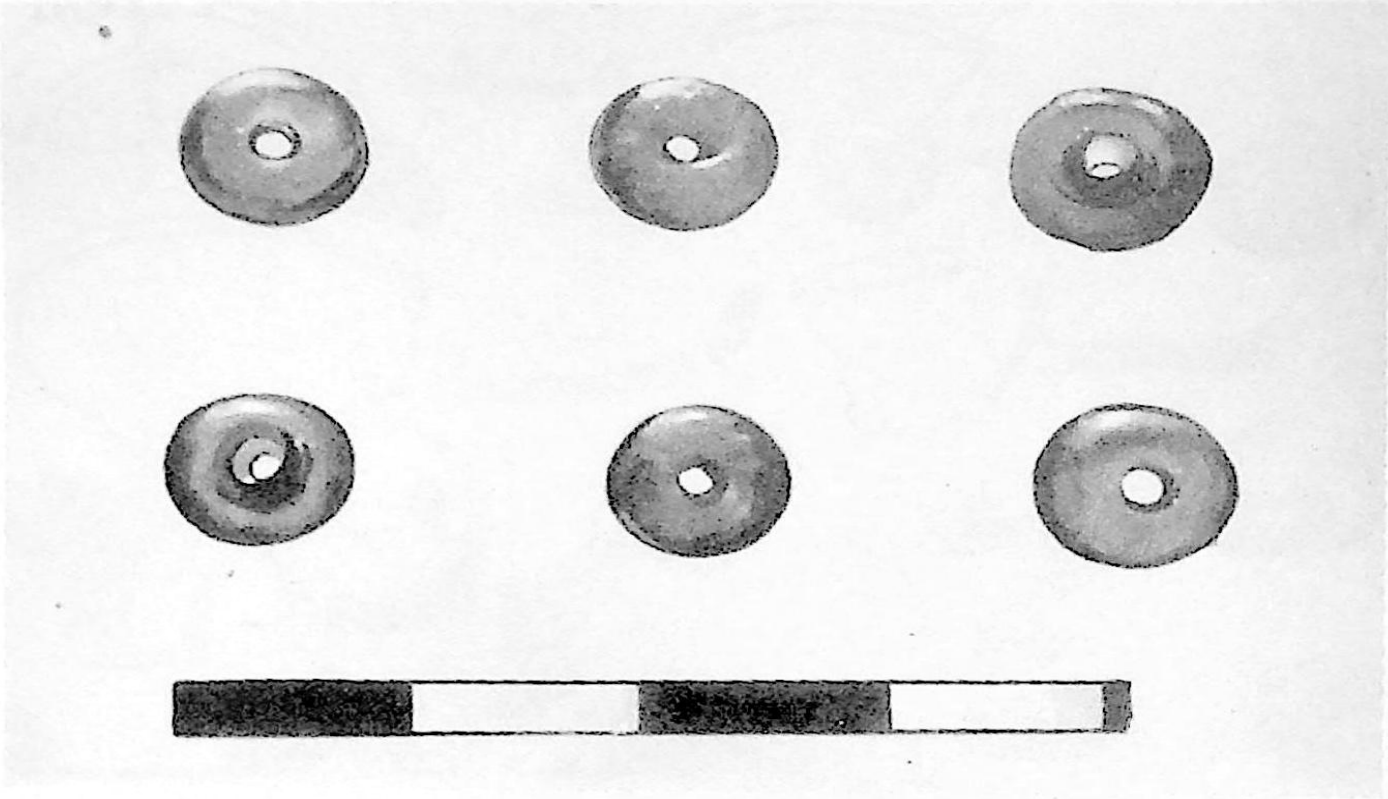
LXXVIII

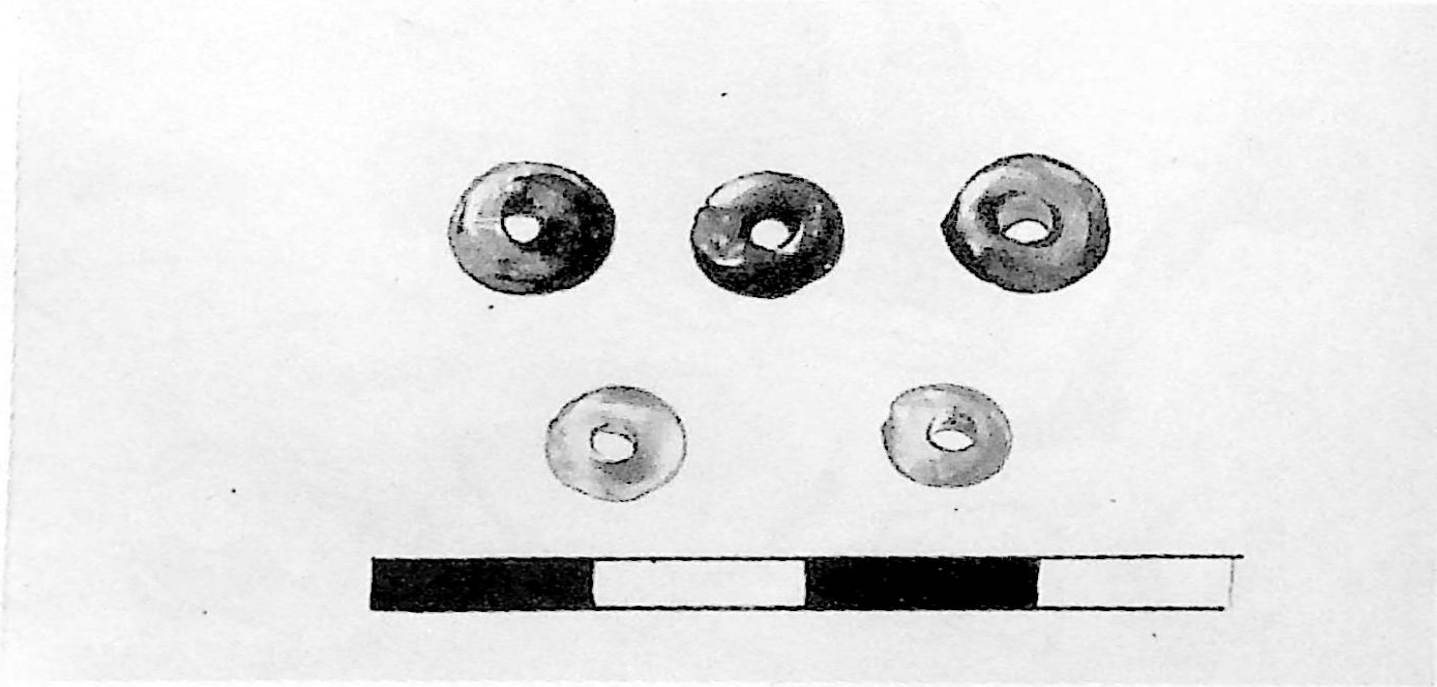
LXXIX

LXXX

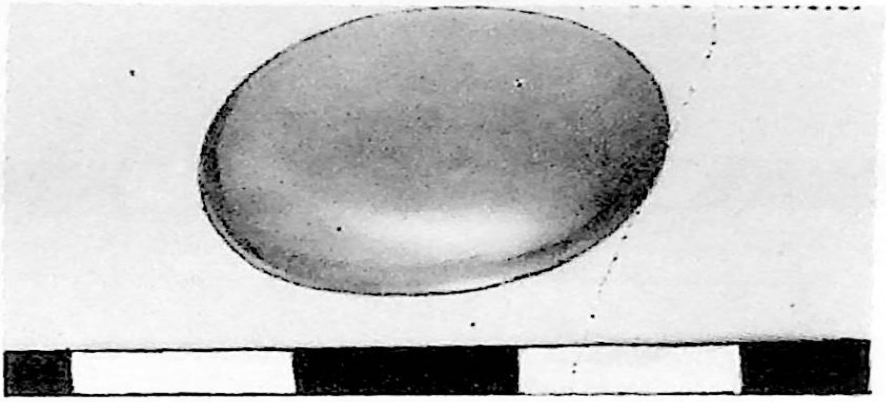
LXXXI

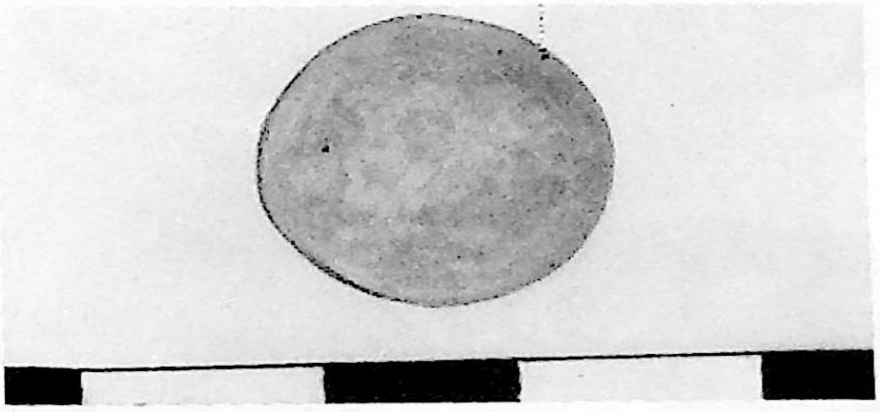
LXXXII

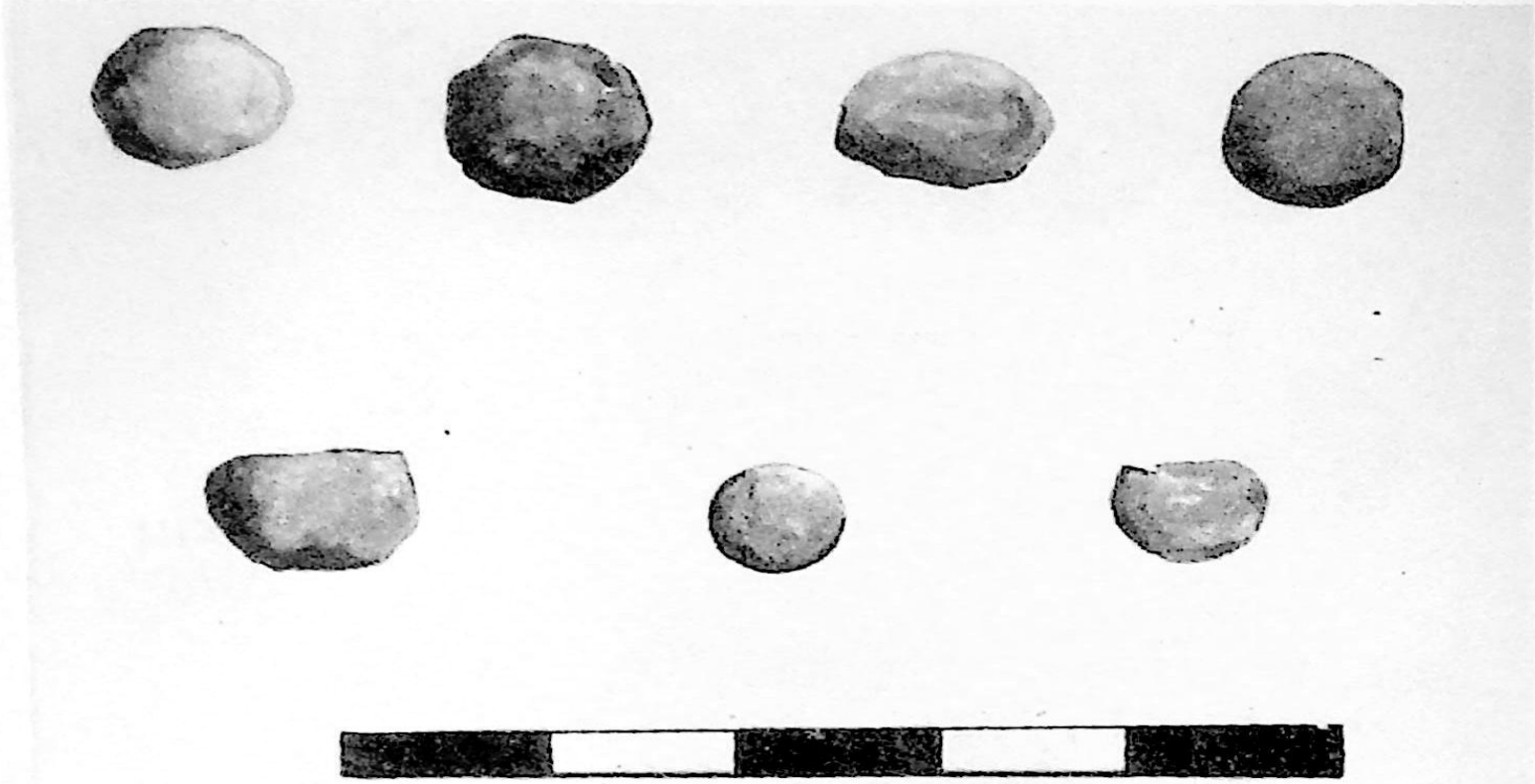
LXXXIII

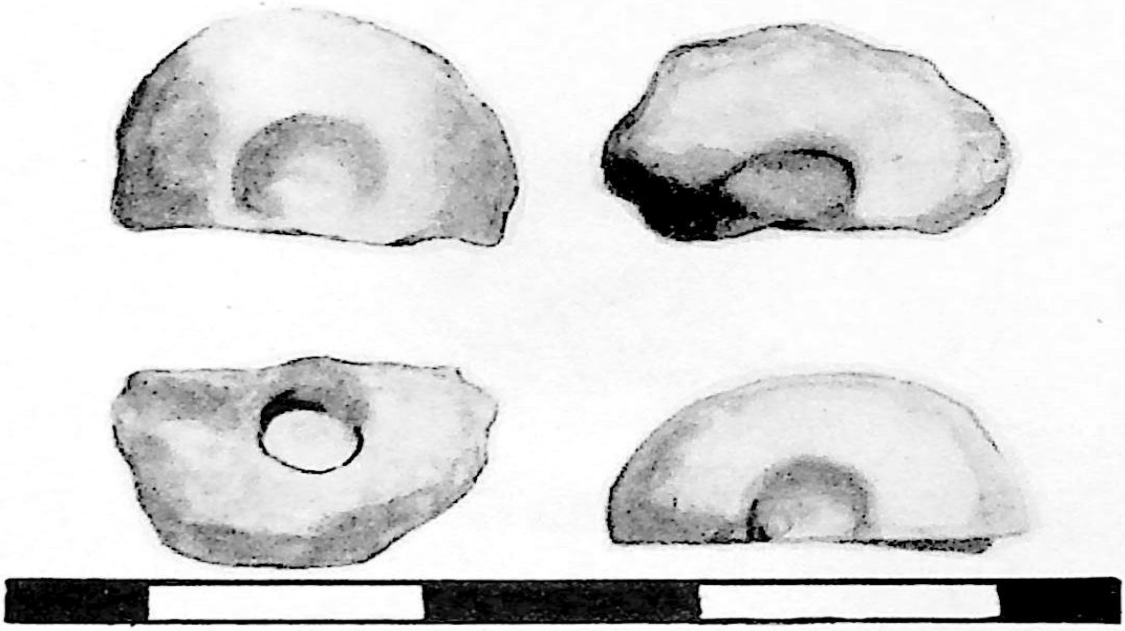
LXXXIV

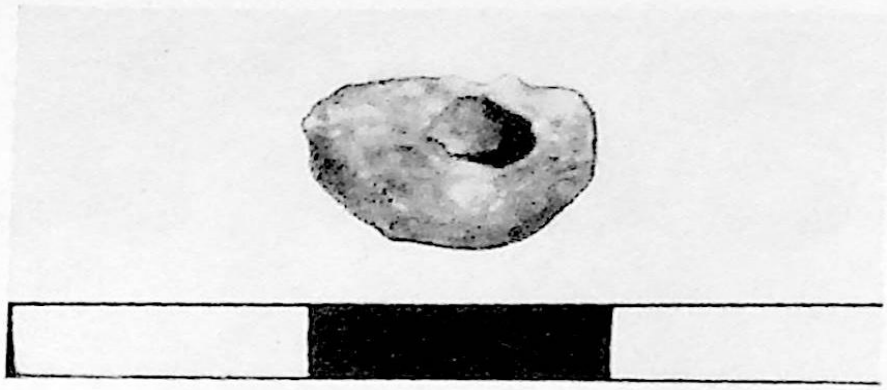
LXXXV

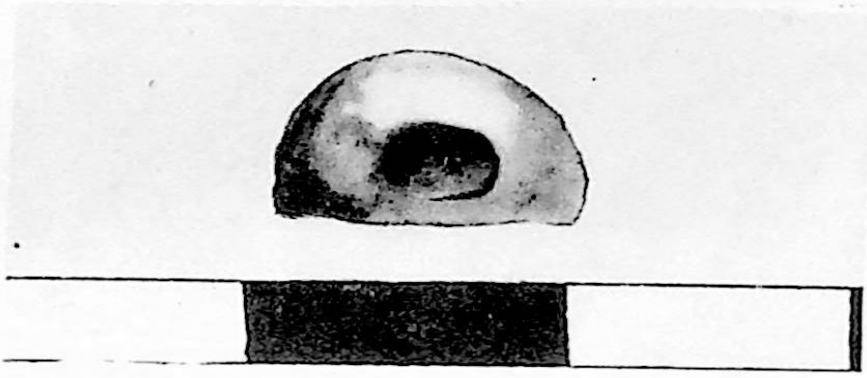
LXXXVI

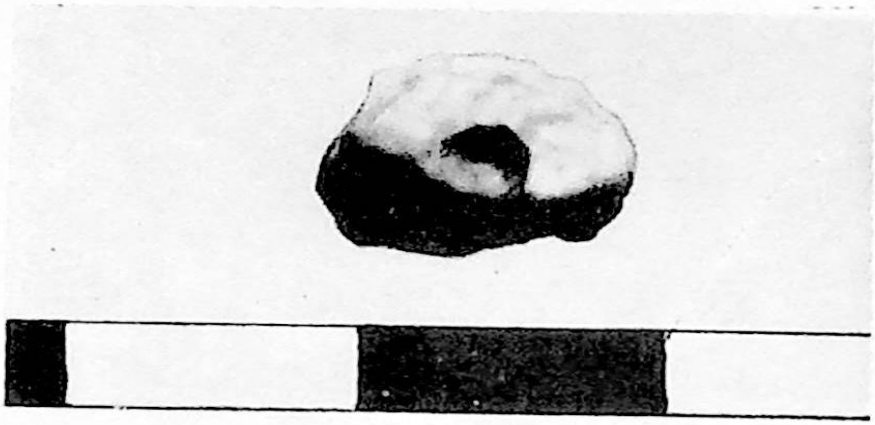
LXXXVII

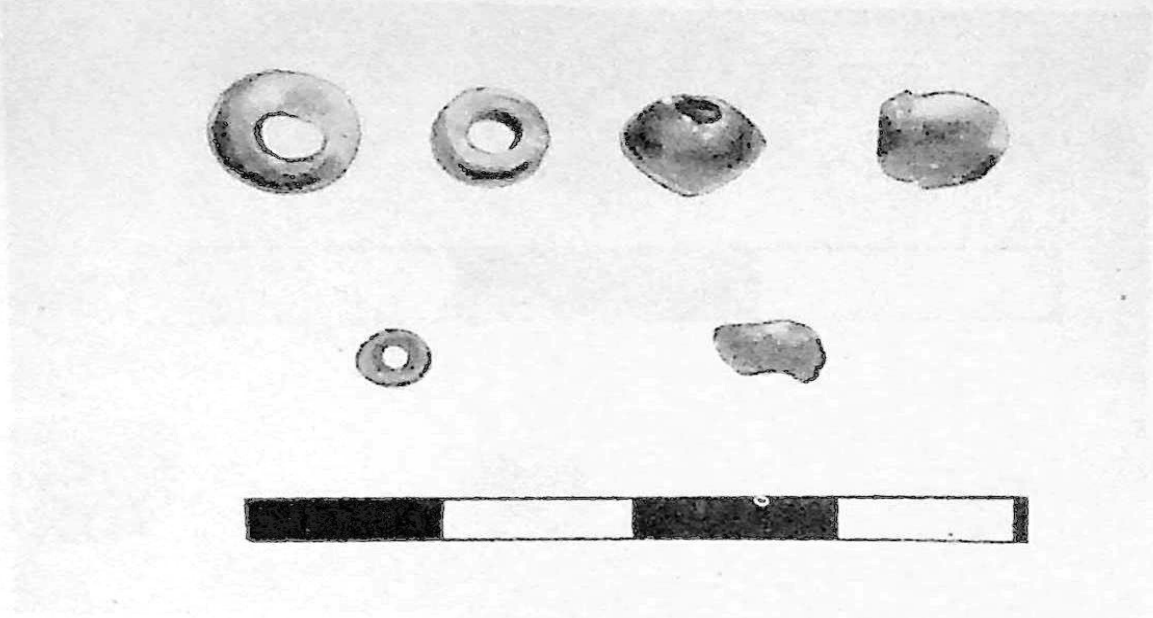
LXXXVIII

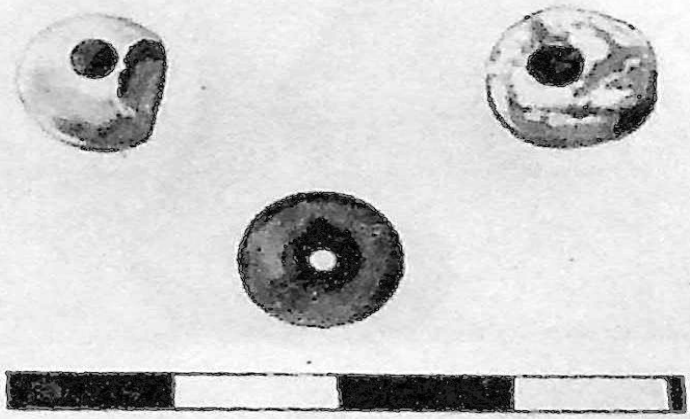
LXXXIX

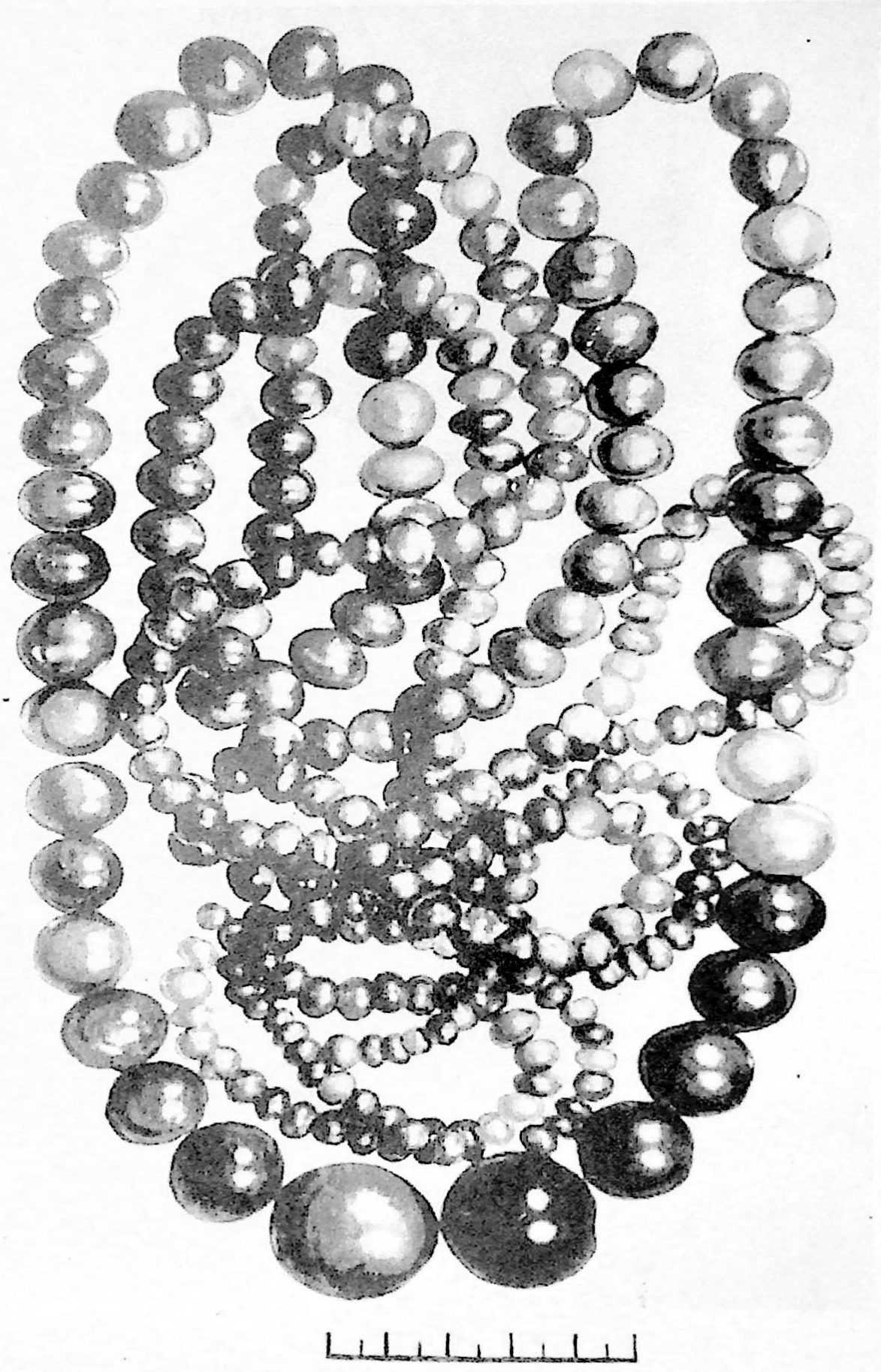

XC

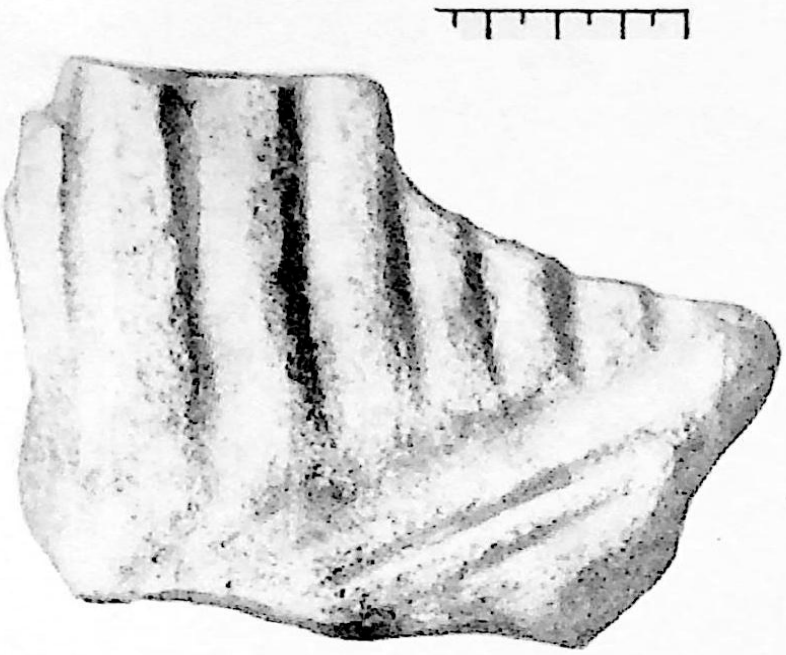

XCI

XCIII

XCIV

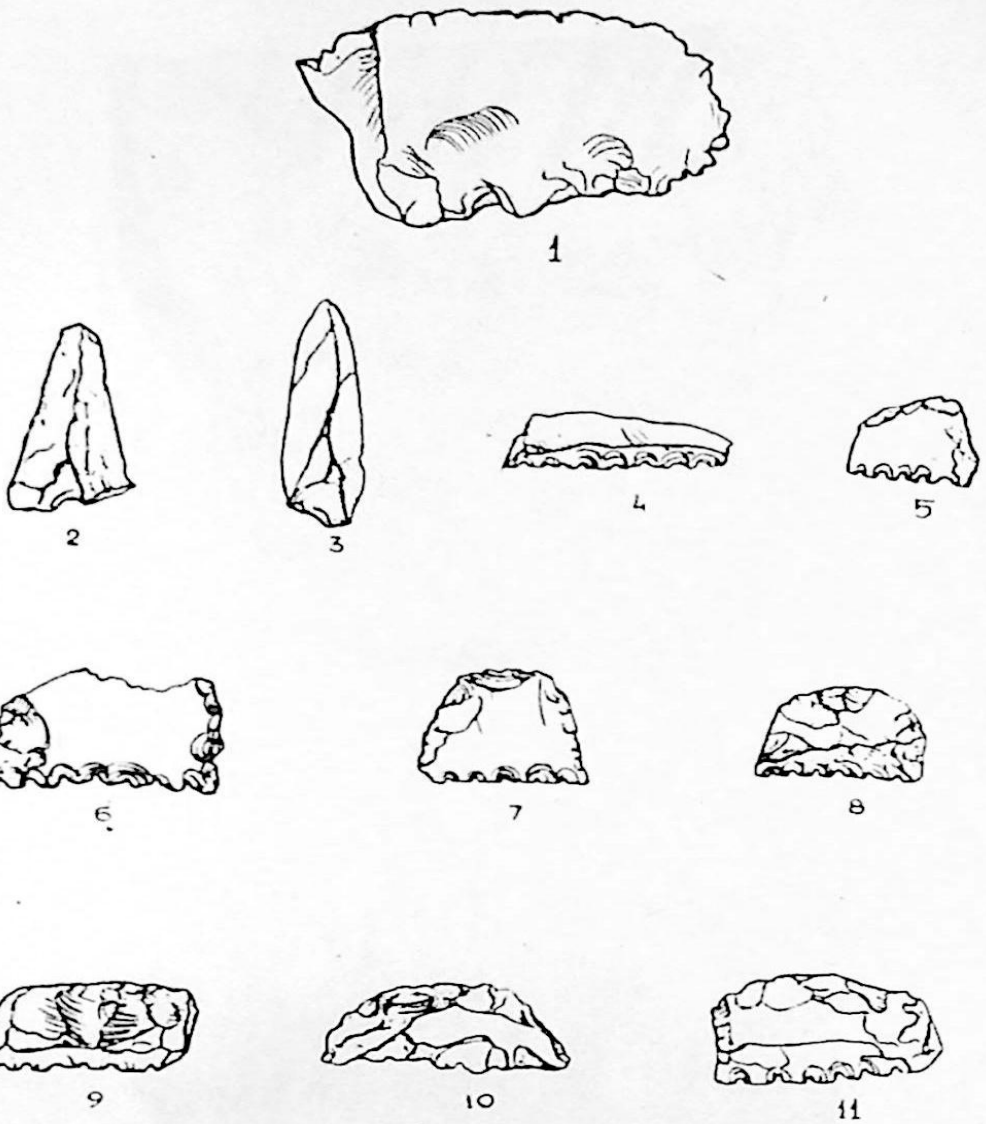
XCV

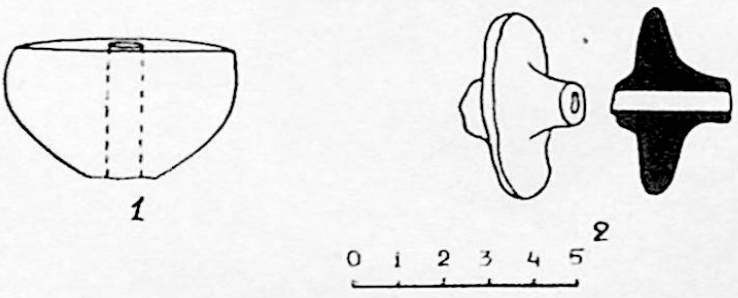
XCV-A

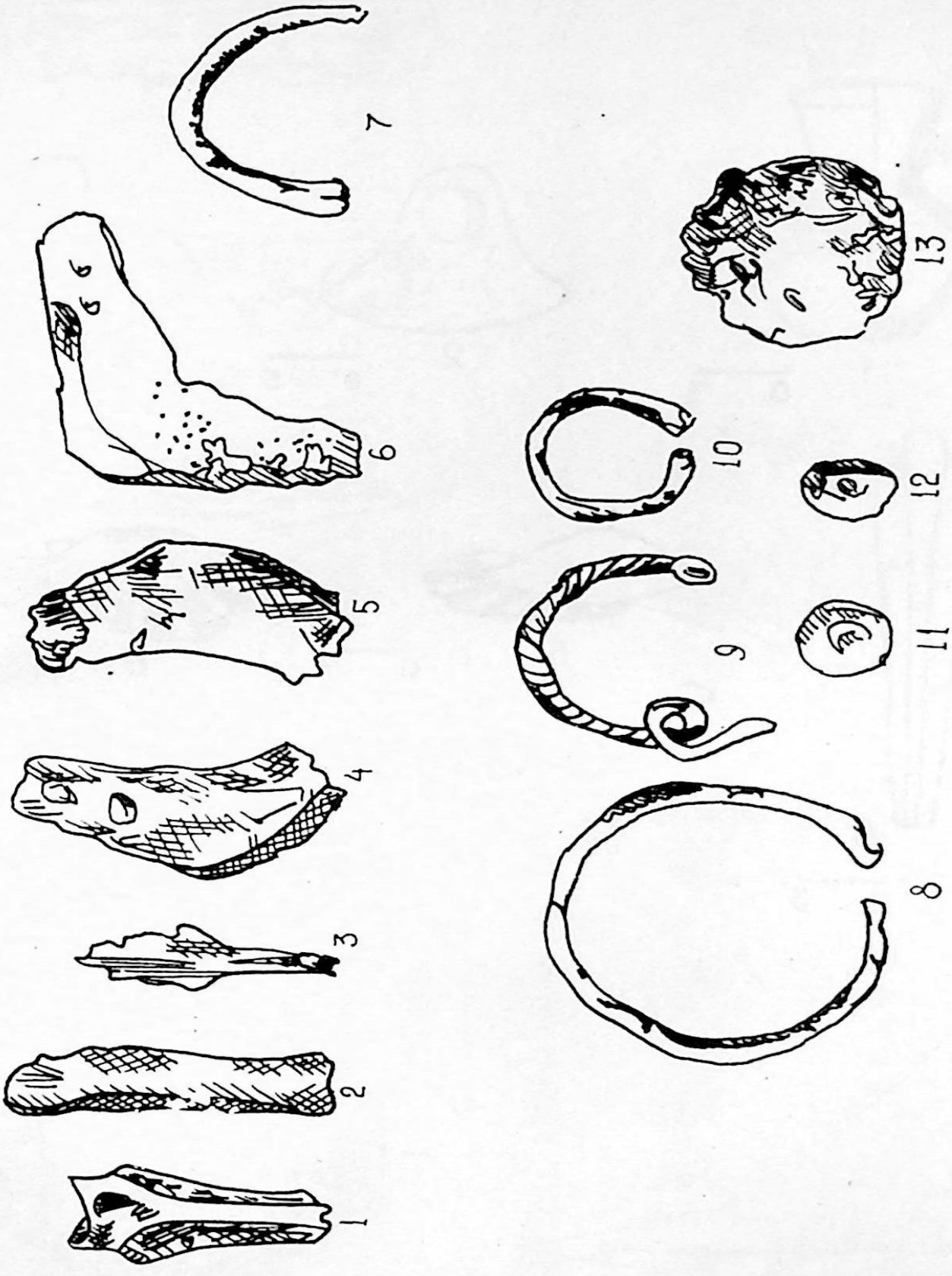

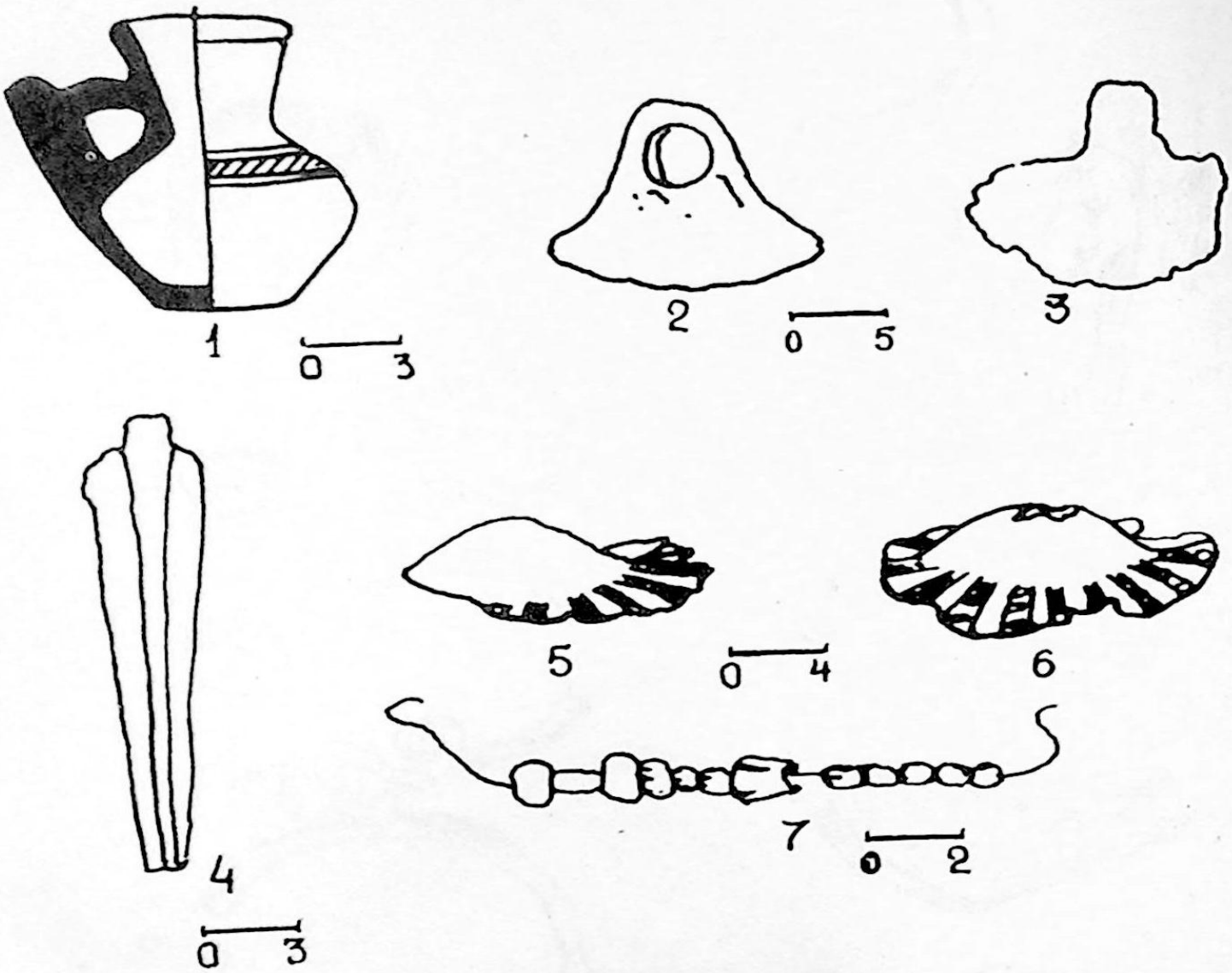
XCVI

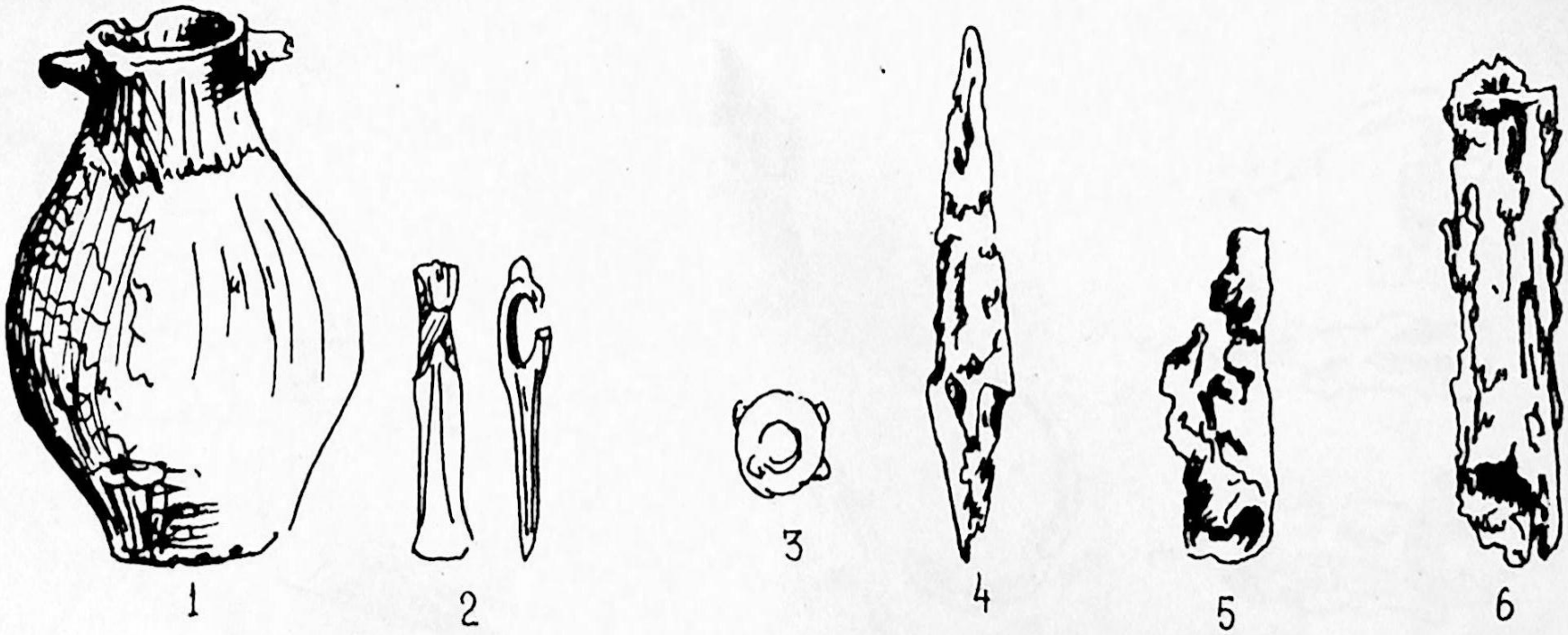

XCVII

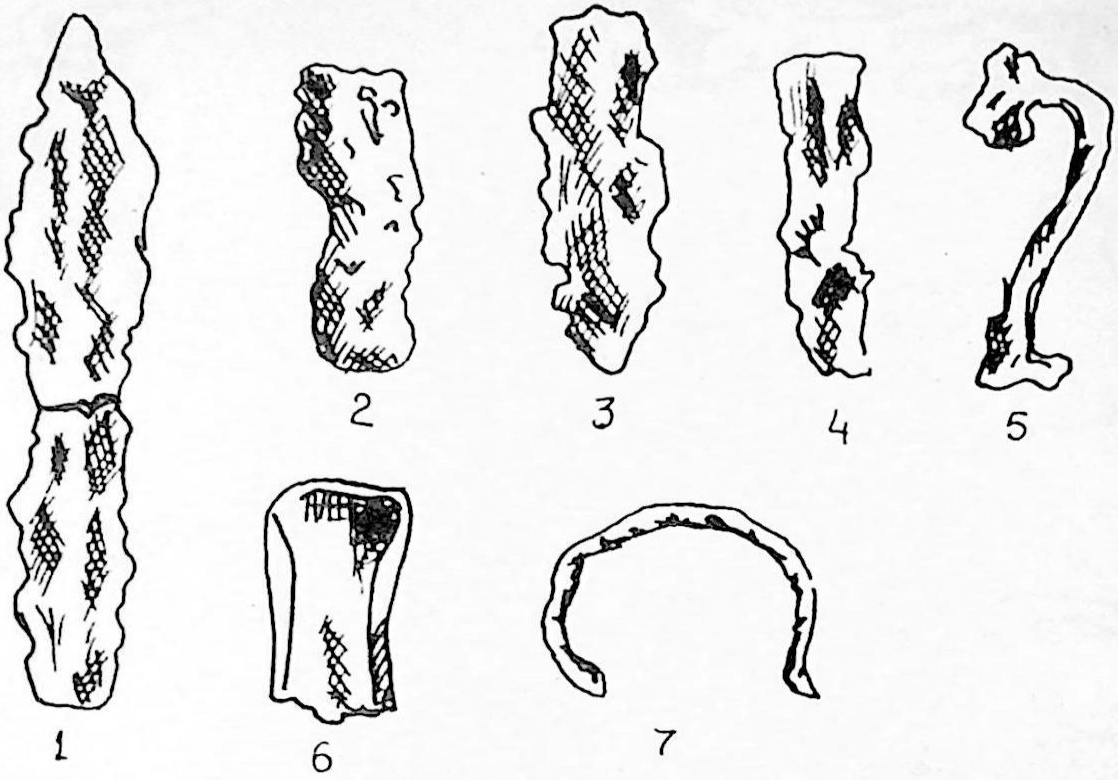

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13

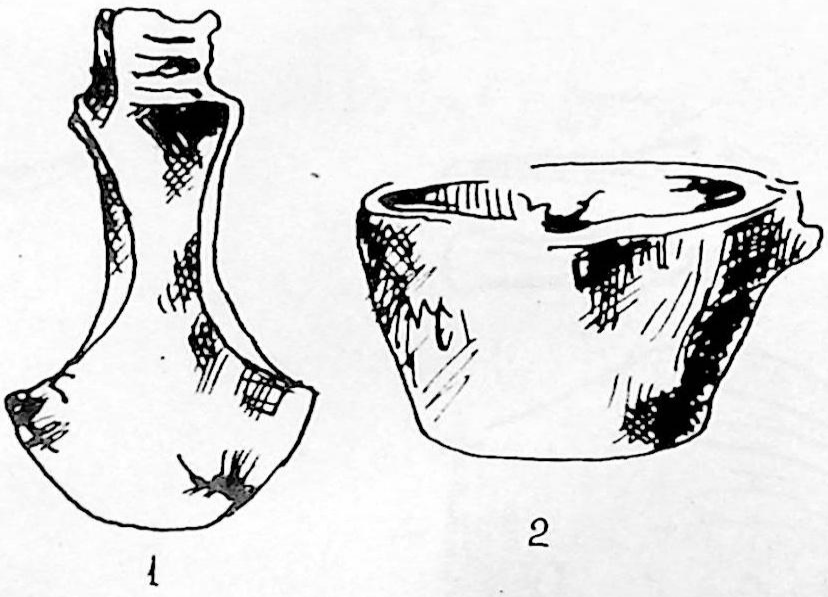

1
0 3
2
0 5
3
4
0 3
5
0 4
6
7
0 2

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12

CI

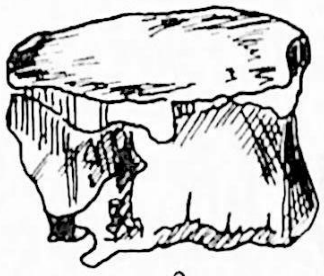

CII

1

2

3

4

5 - 6

7-8-9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

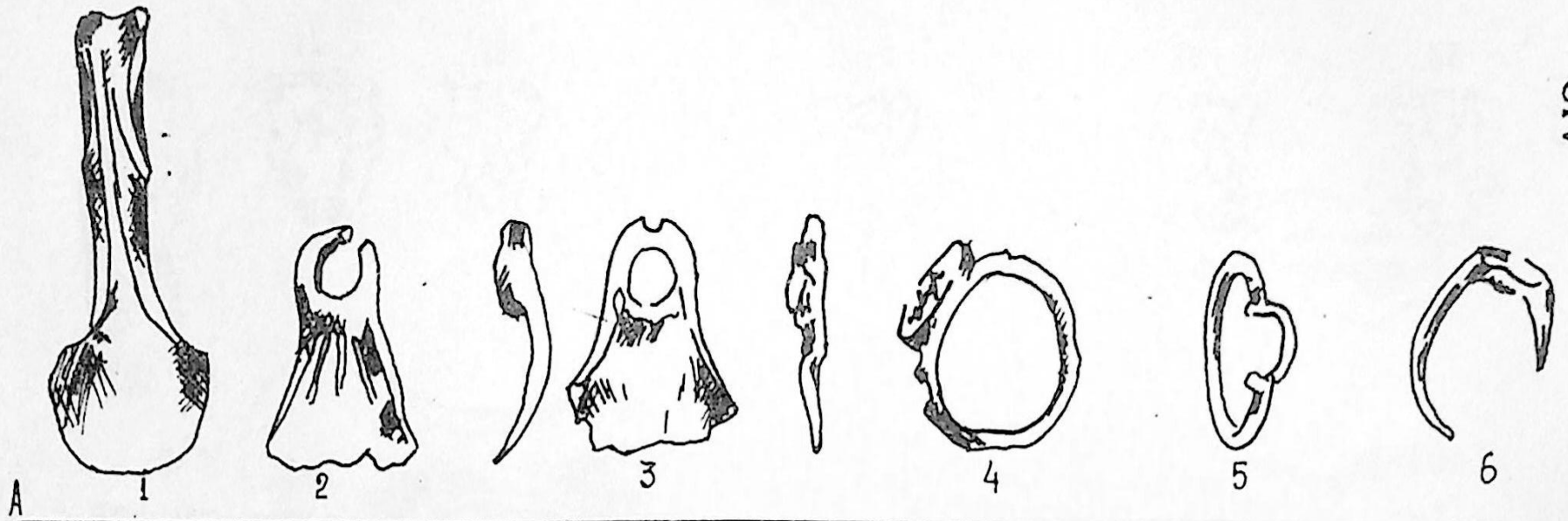

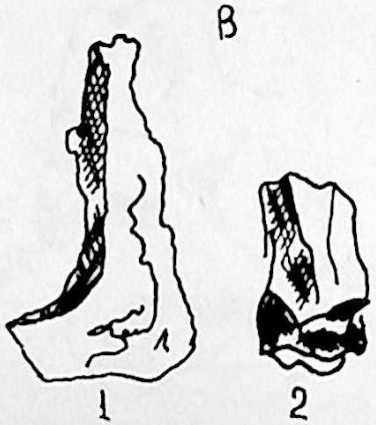
21

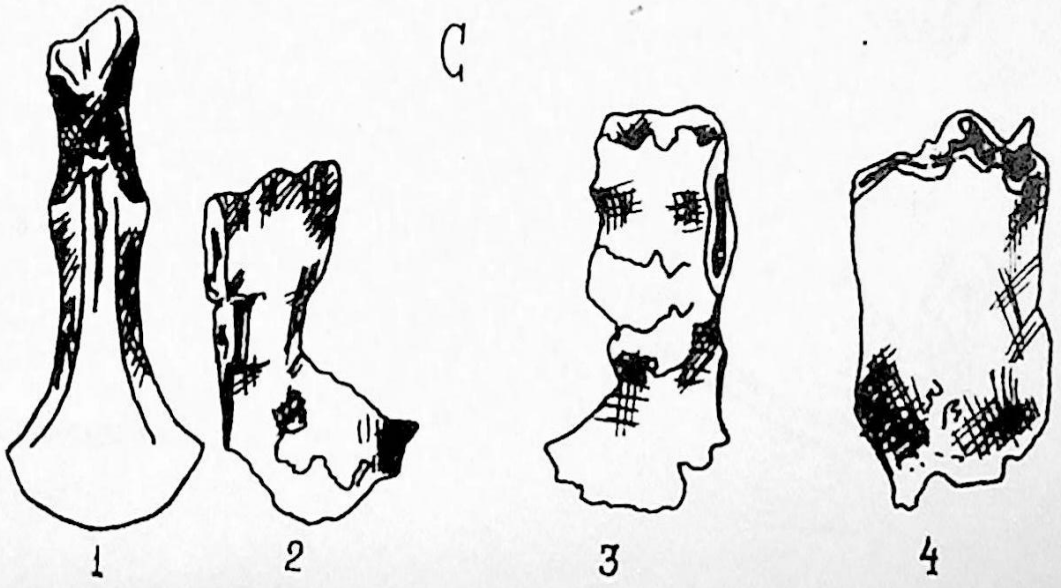

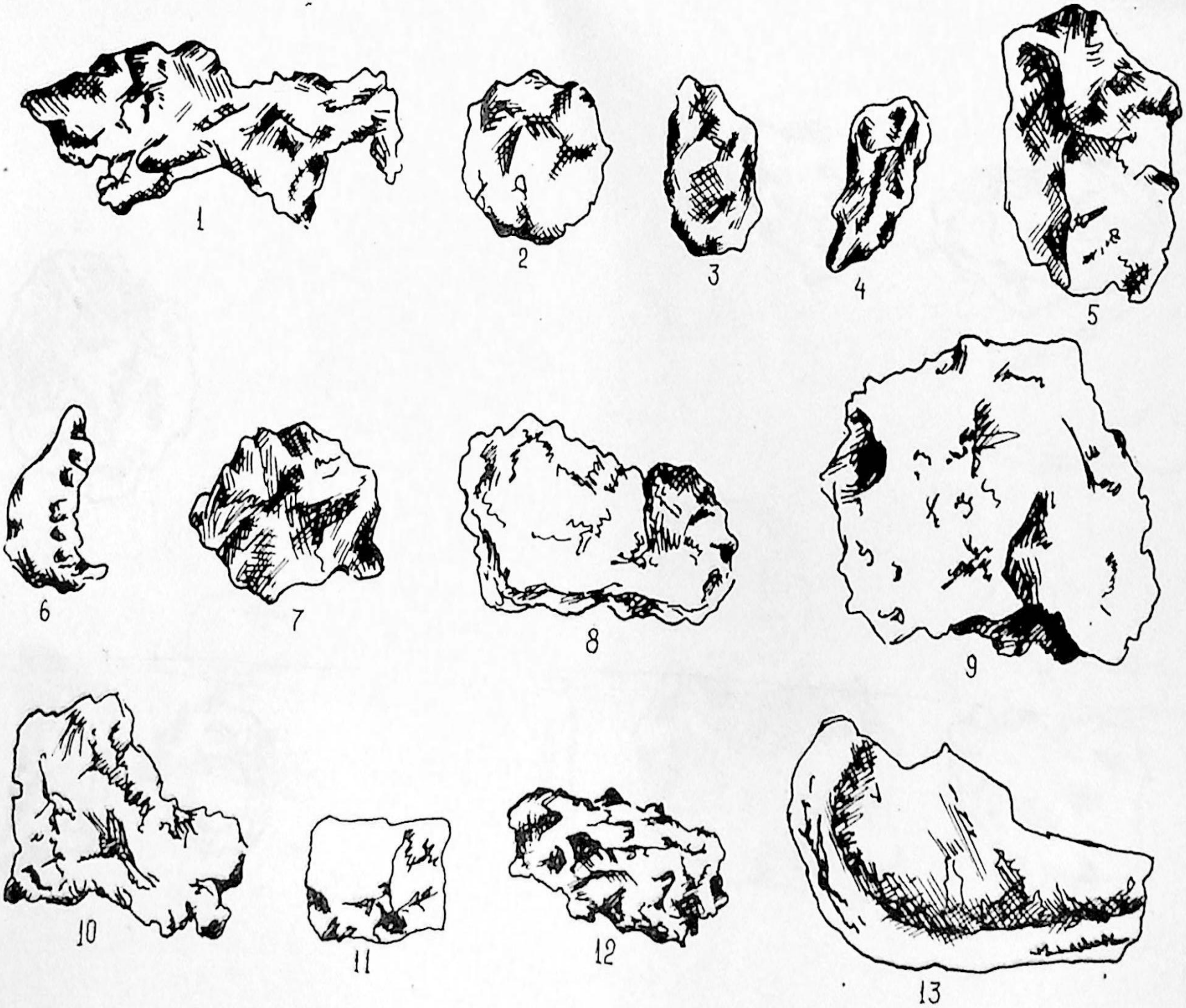
22

CIII

A
1
2
3
4
5
6

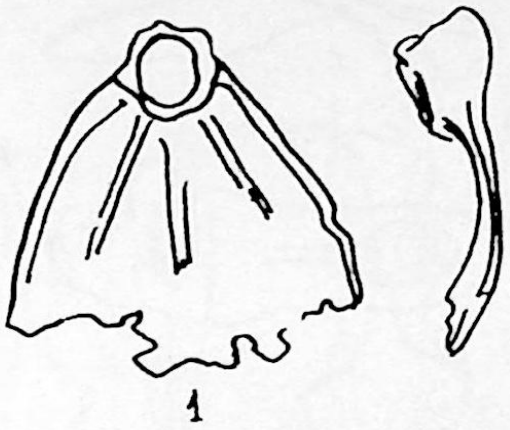

B
1
2

C
1
2
3
4

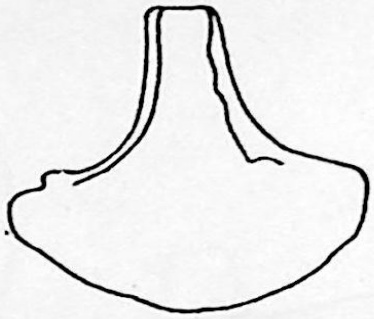

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13

1
1
2
3
4
5
6
7
8

CVII

1

2

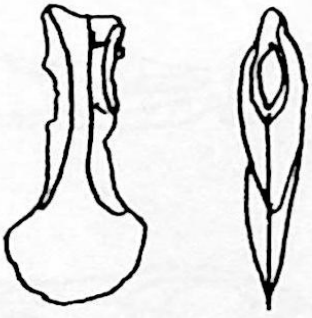

3

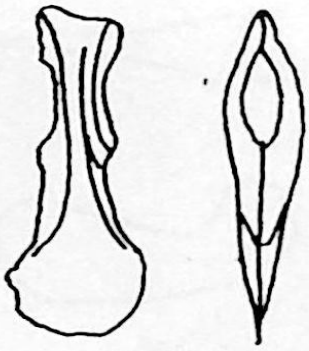

4

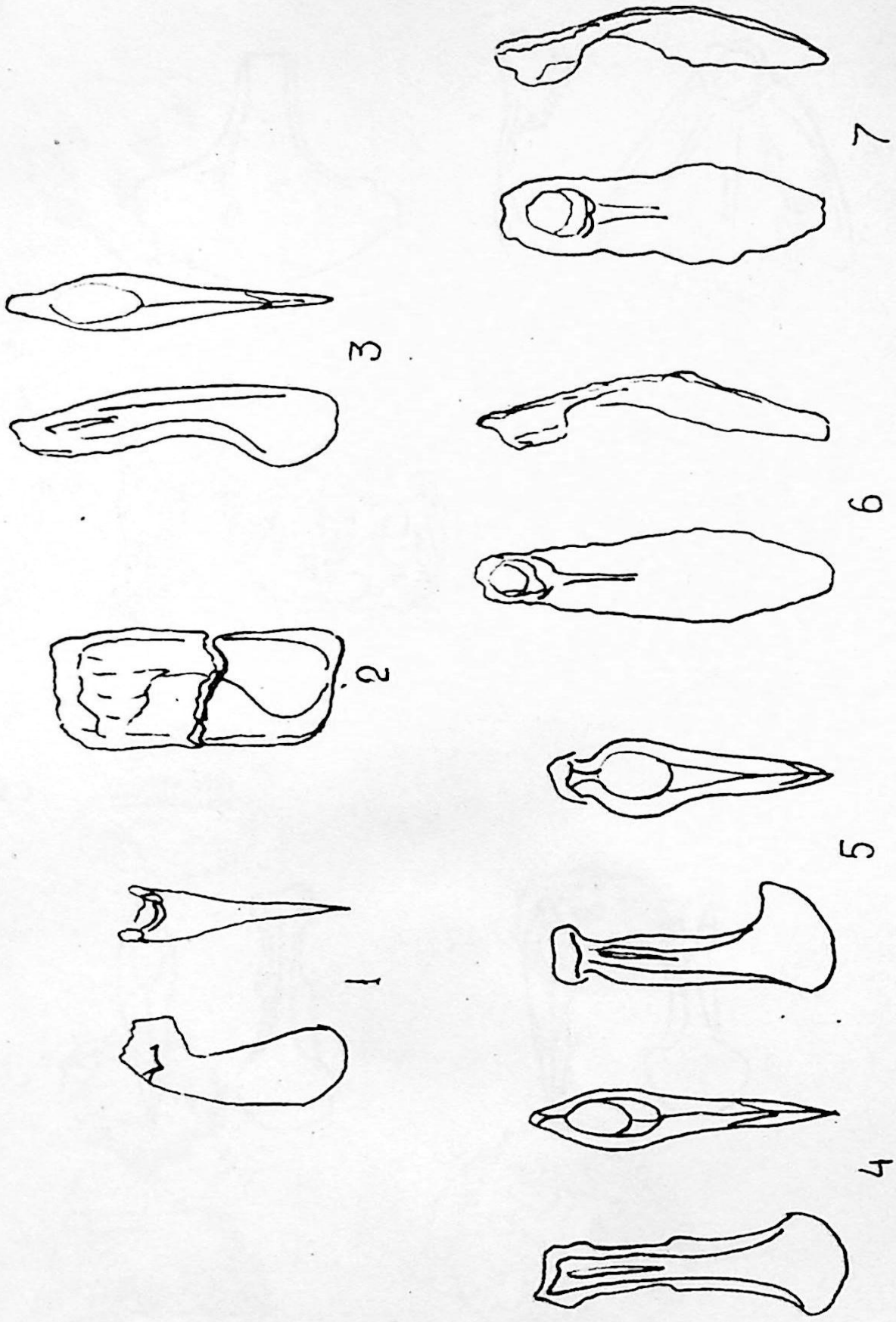
CVIII

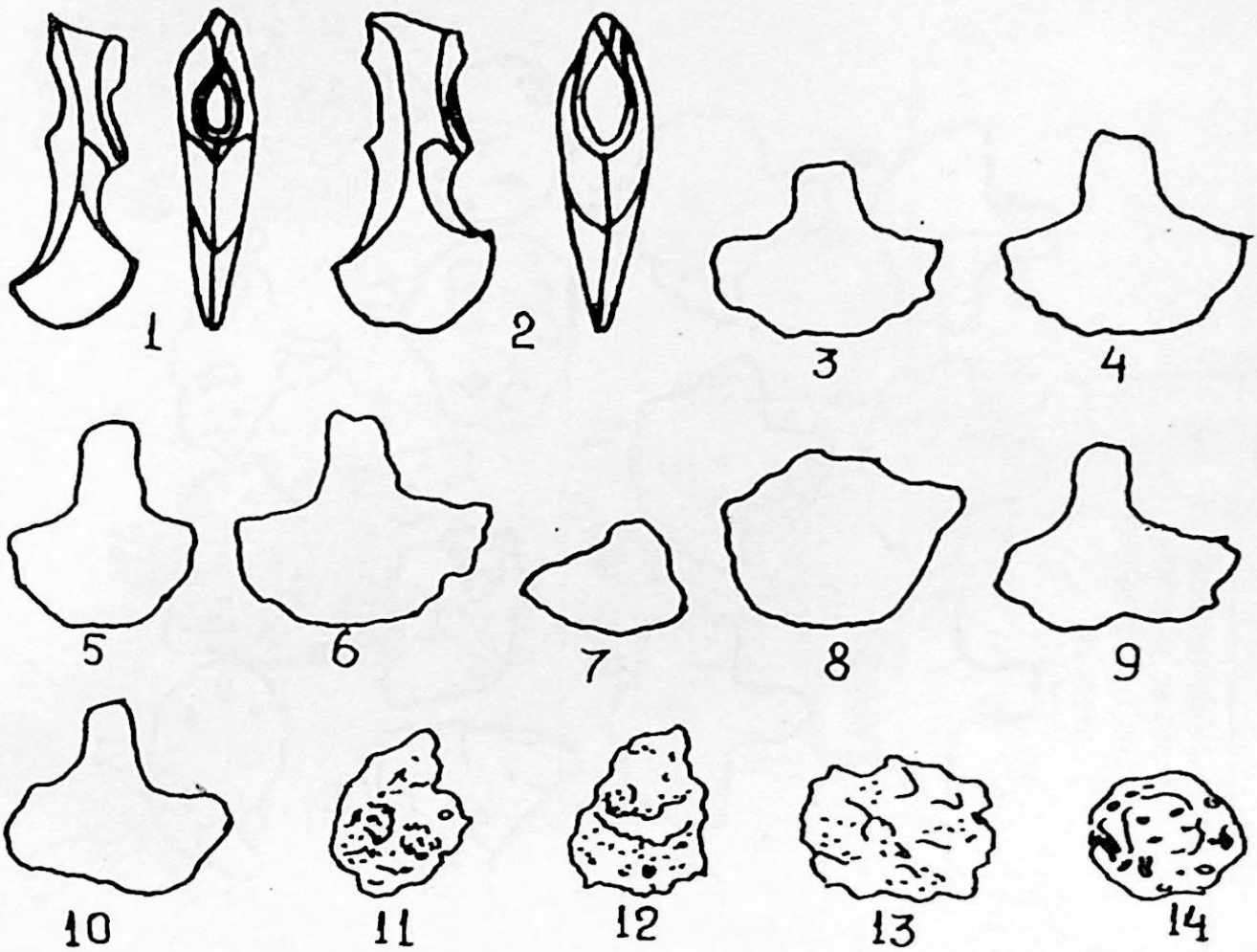

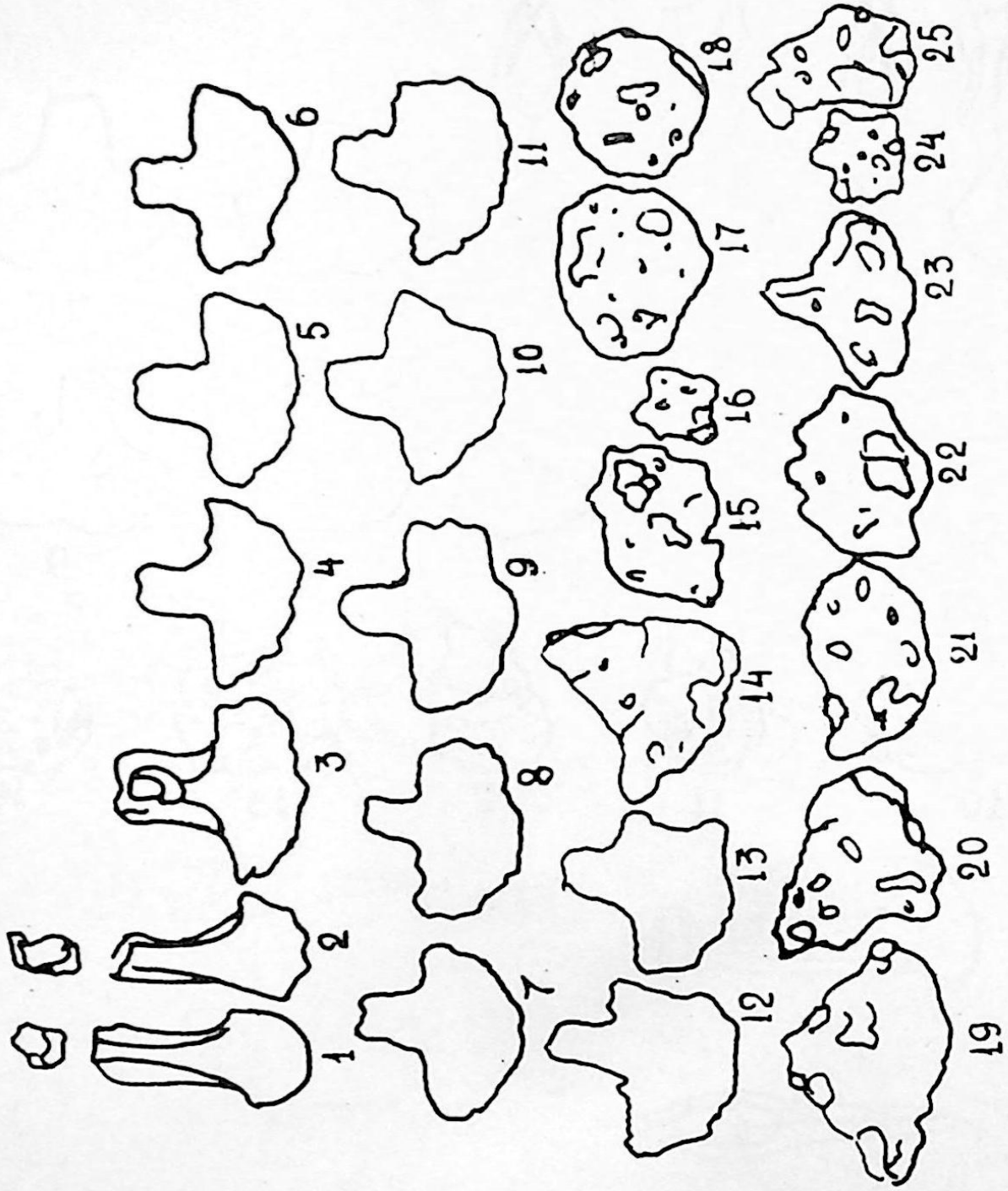
1

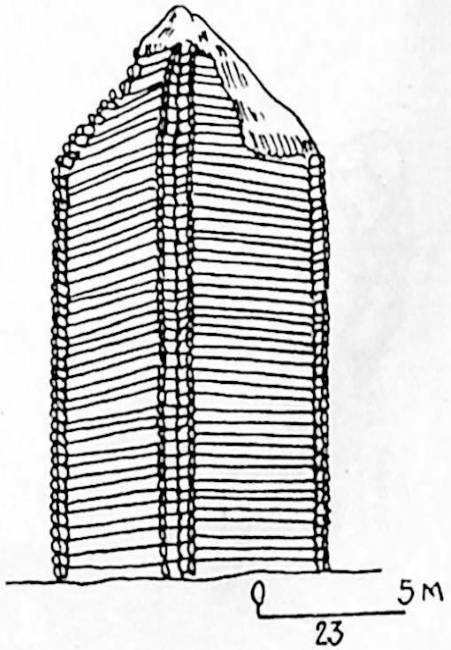

2

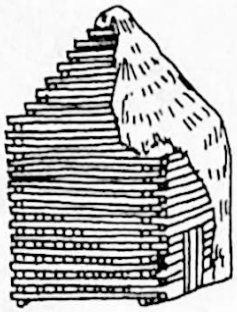

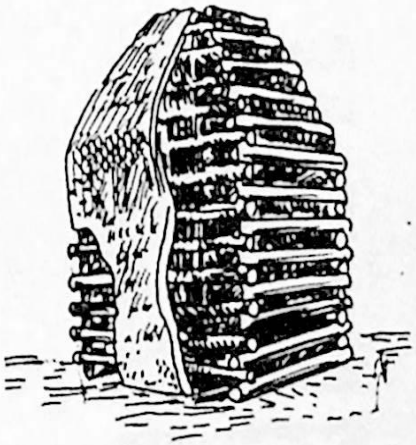

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14

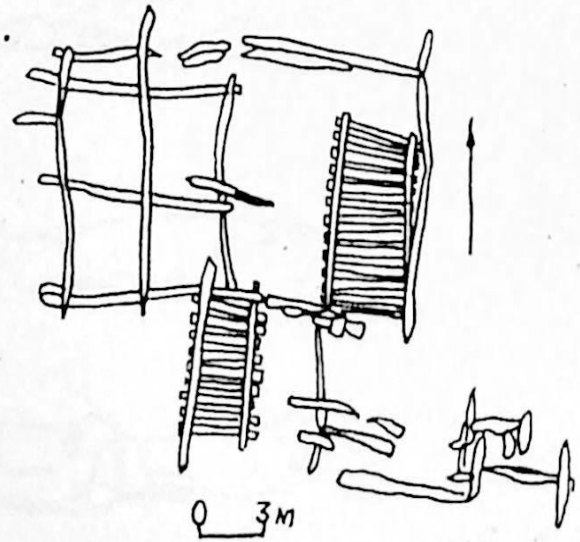

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25

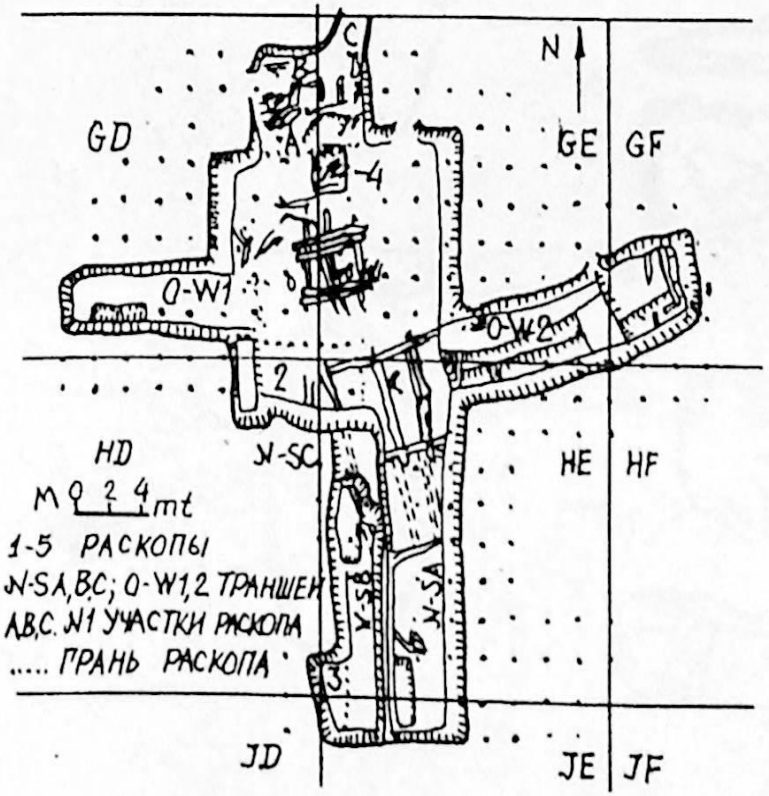

5м
23

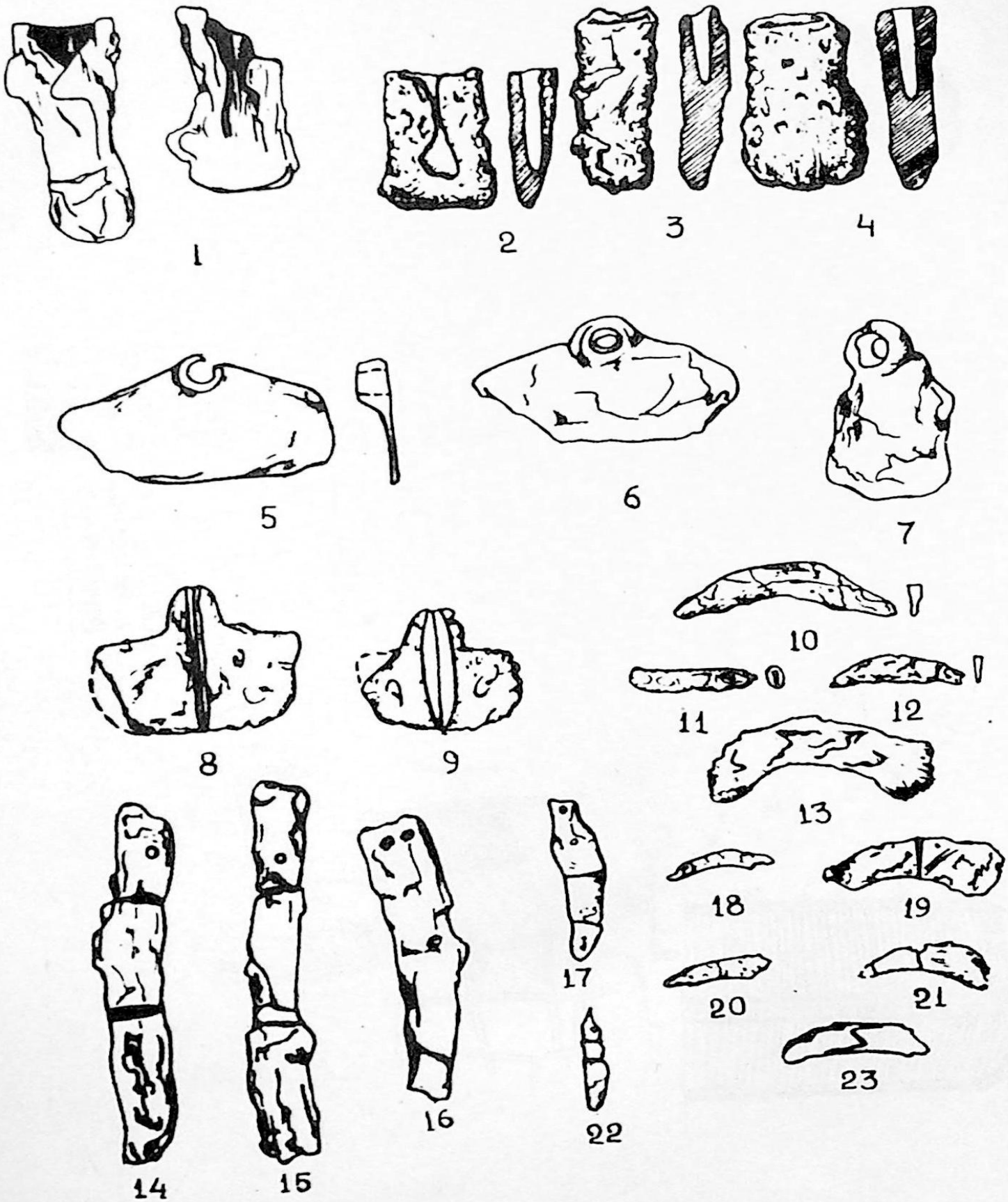

3м

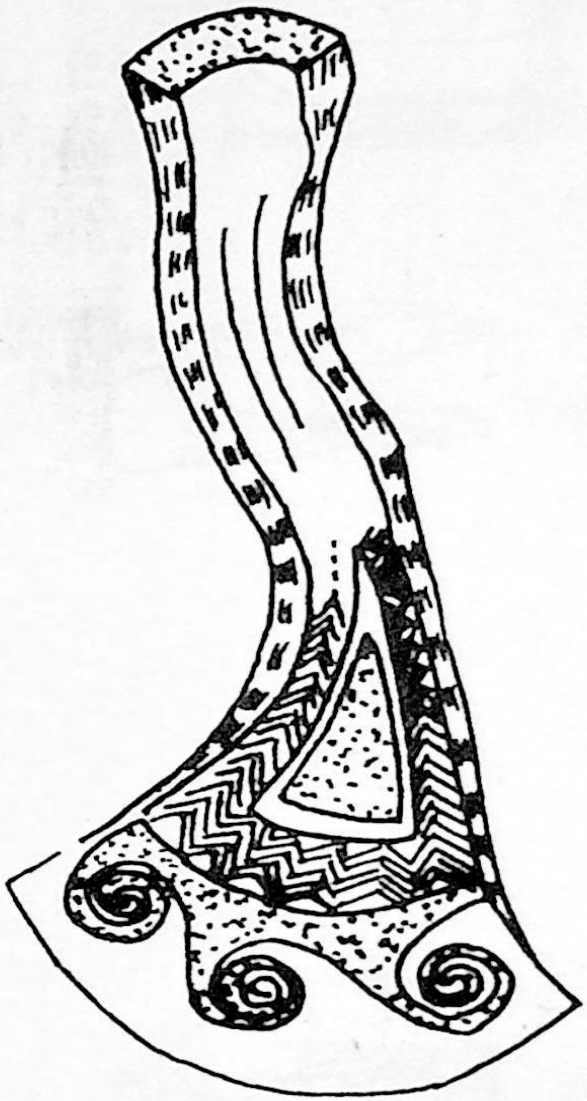

N
GD
GE
GF
HD
HE
HF
JD
JE
JF
C
4
O-W1
O-W2
2
N-SC
N-SA
N-SB
3
1-5 РАСКОПЫ
N-SA,B,C; O-W1,2 ТРАНШЕИ
A,B,C. N1 УЧАСТКИ РАСКОПА
..... ГРАНЬ РАСКОПА

CXIII

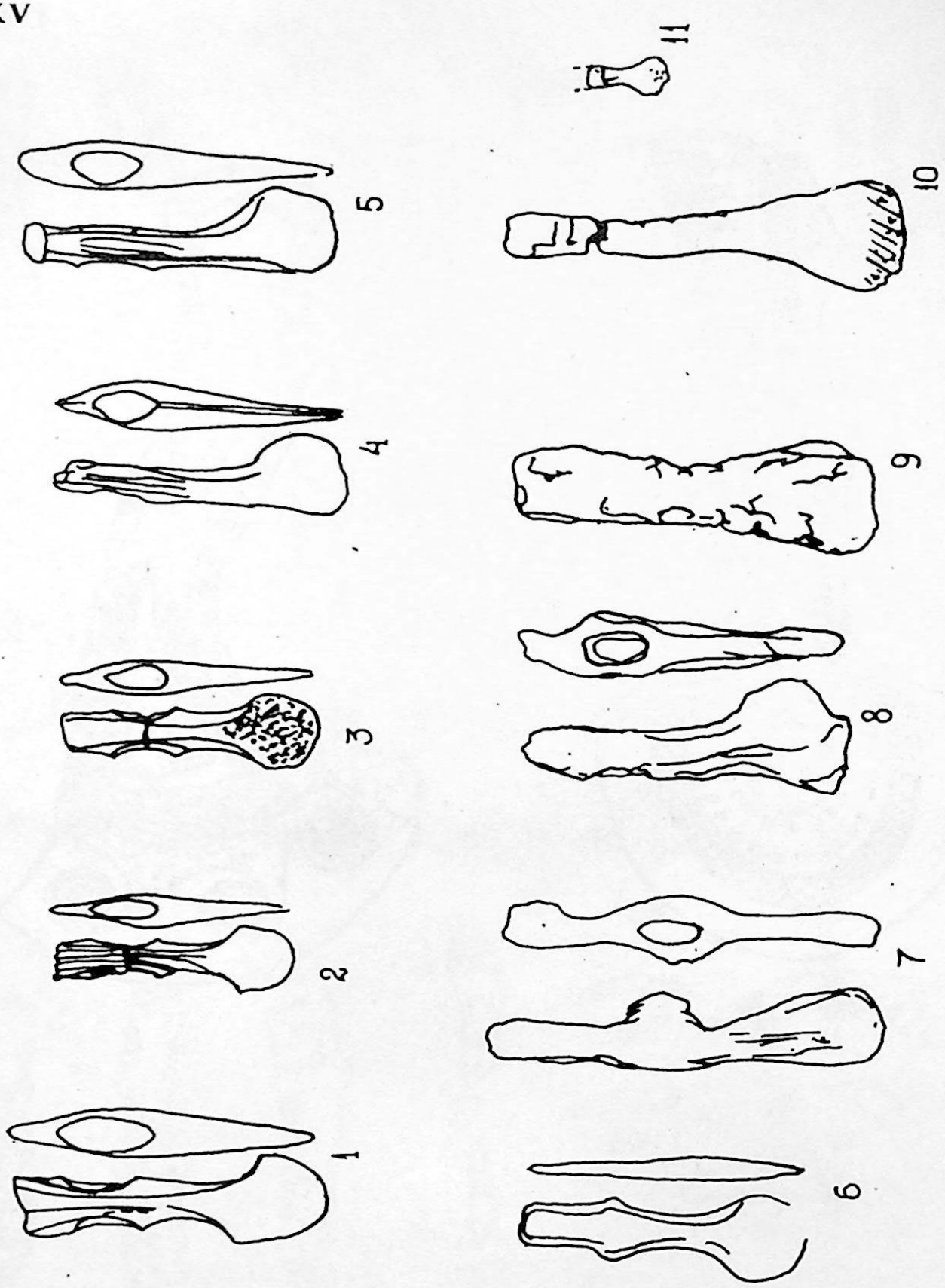

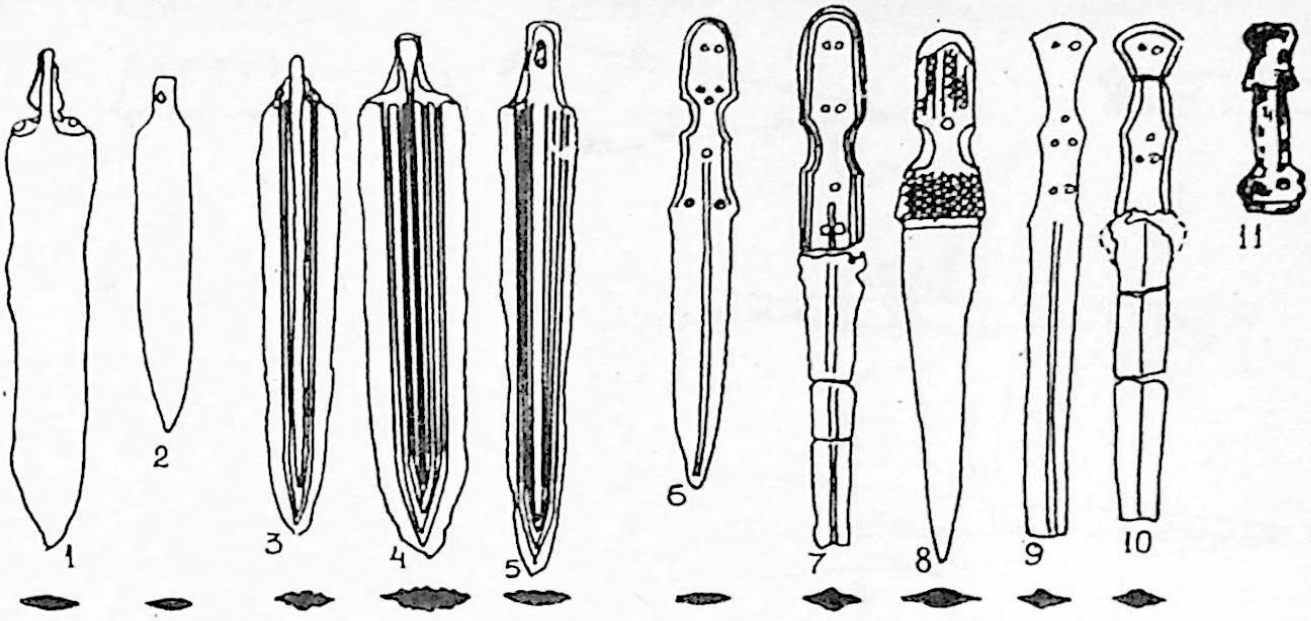

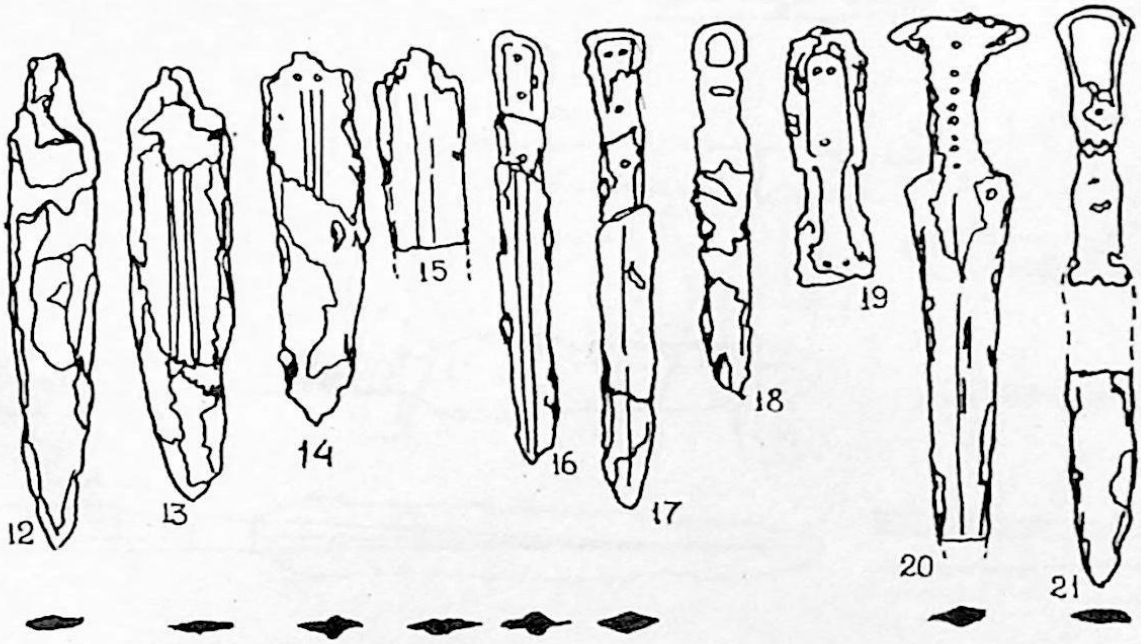
1

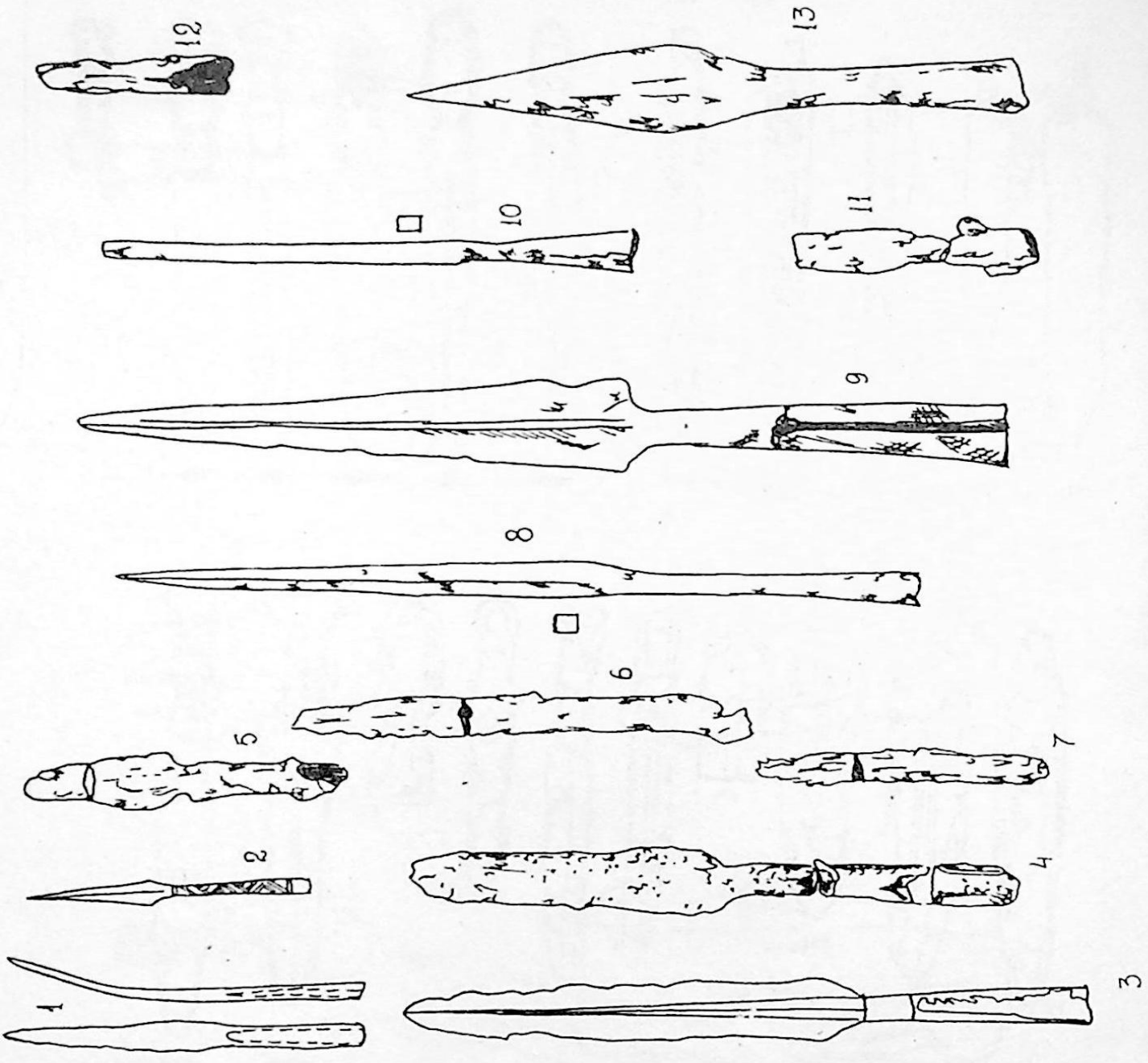

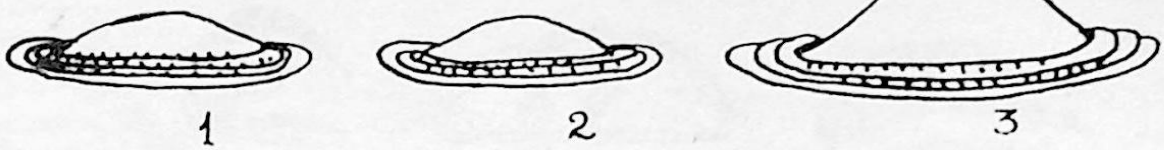
2

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11

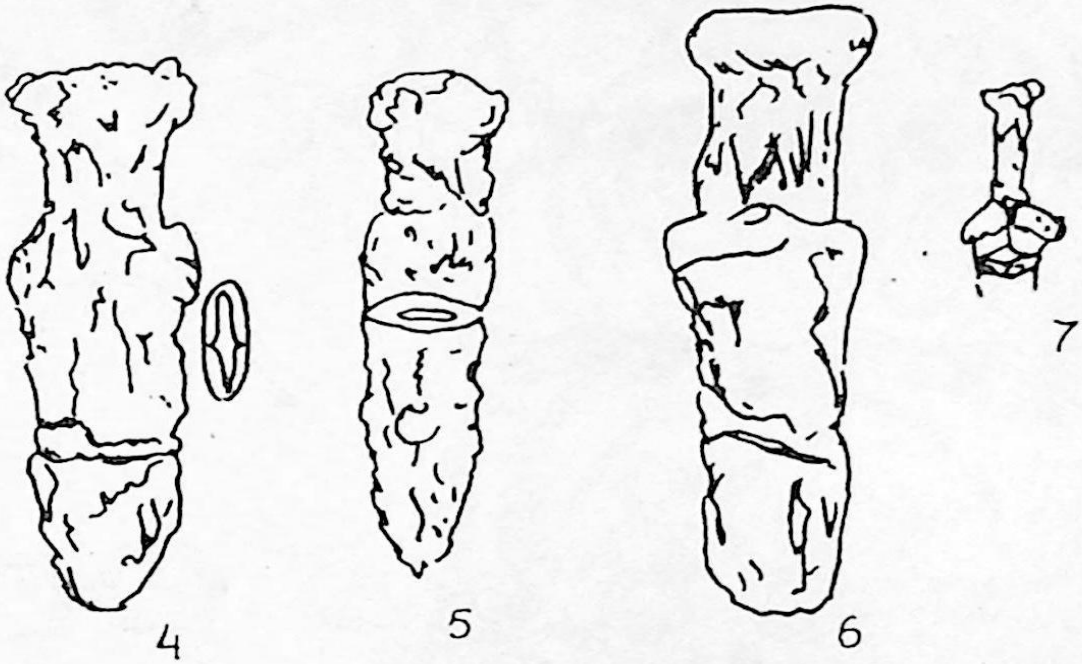

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11

12
13
14
15
16
17
18
19
20
21

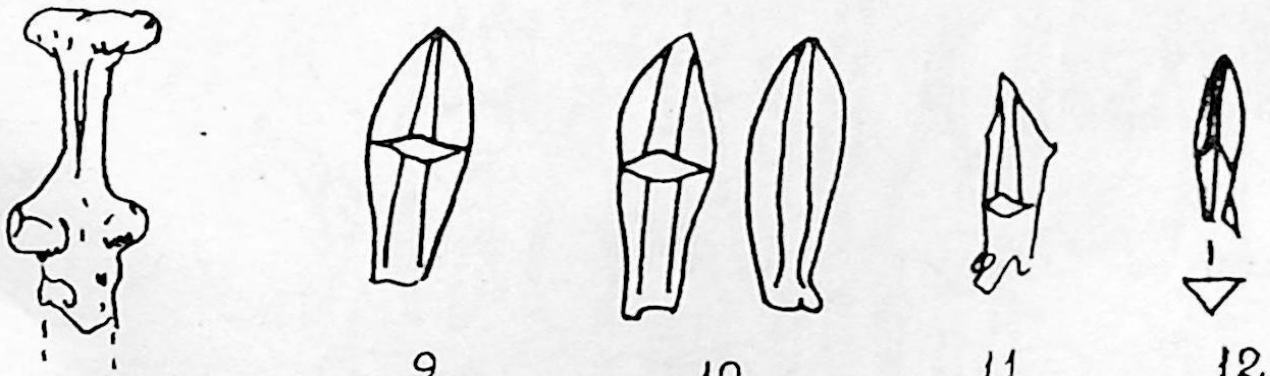

12
13
10
11
9
8
6
5
7
2
4
1
3

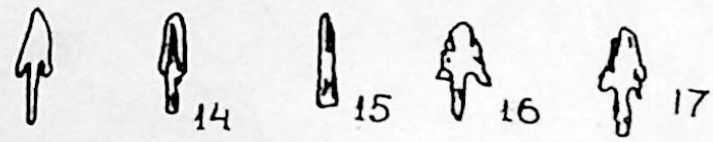
1 2 3

4 5 6 7

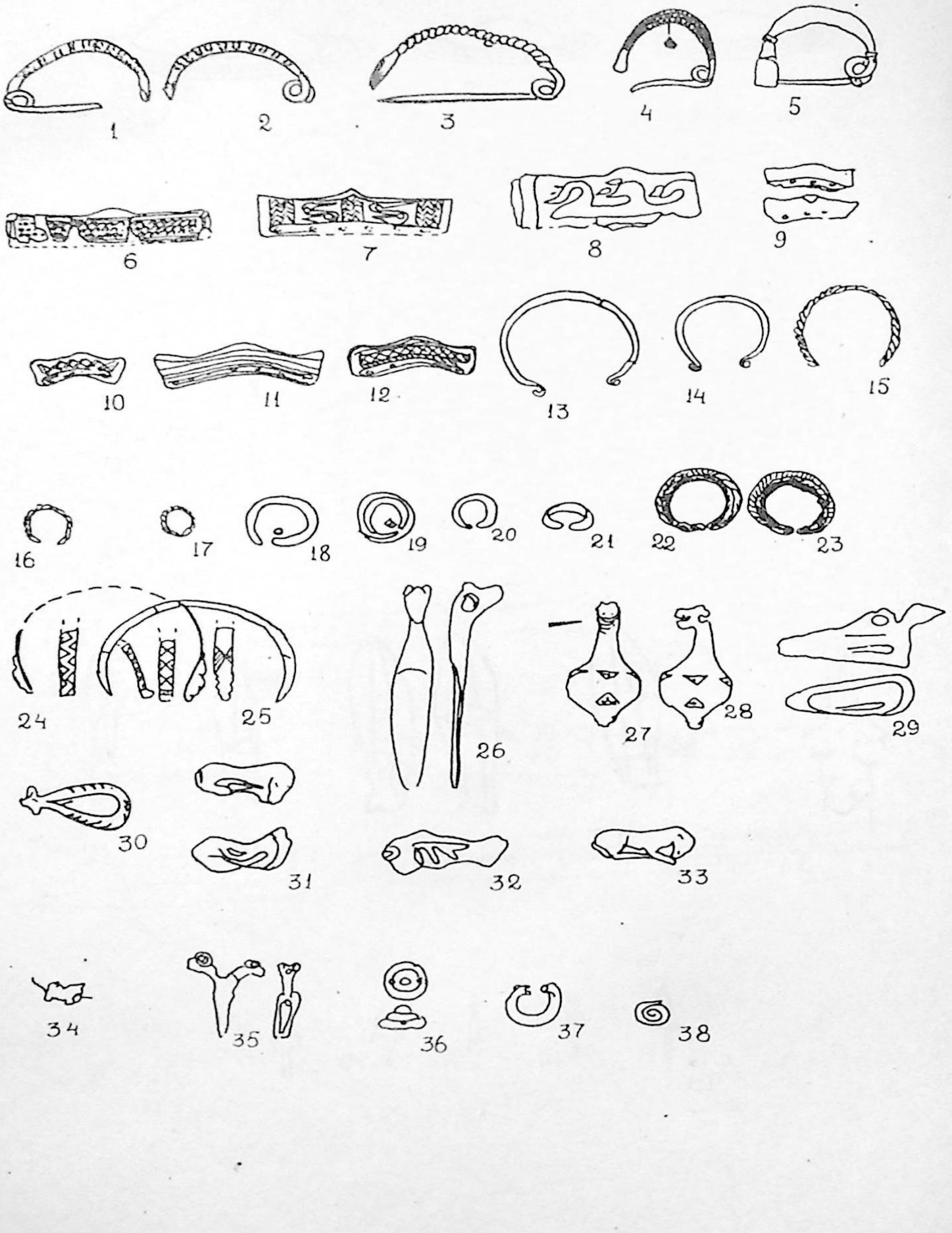

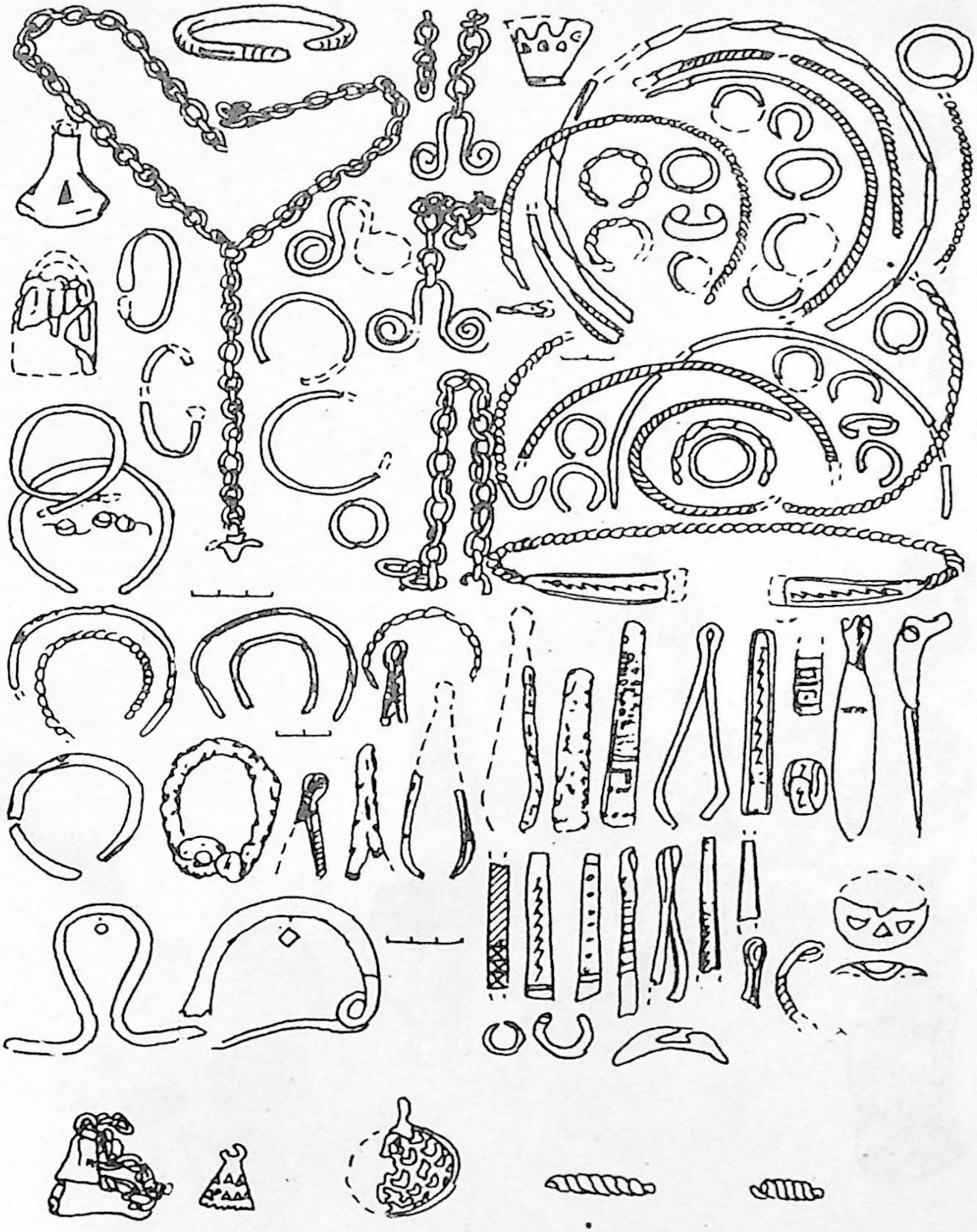
8 9 10 11 12

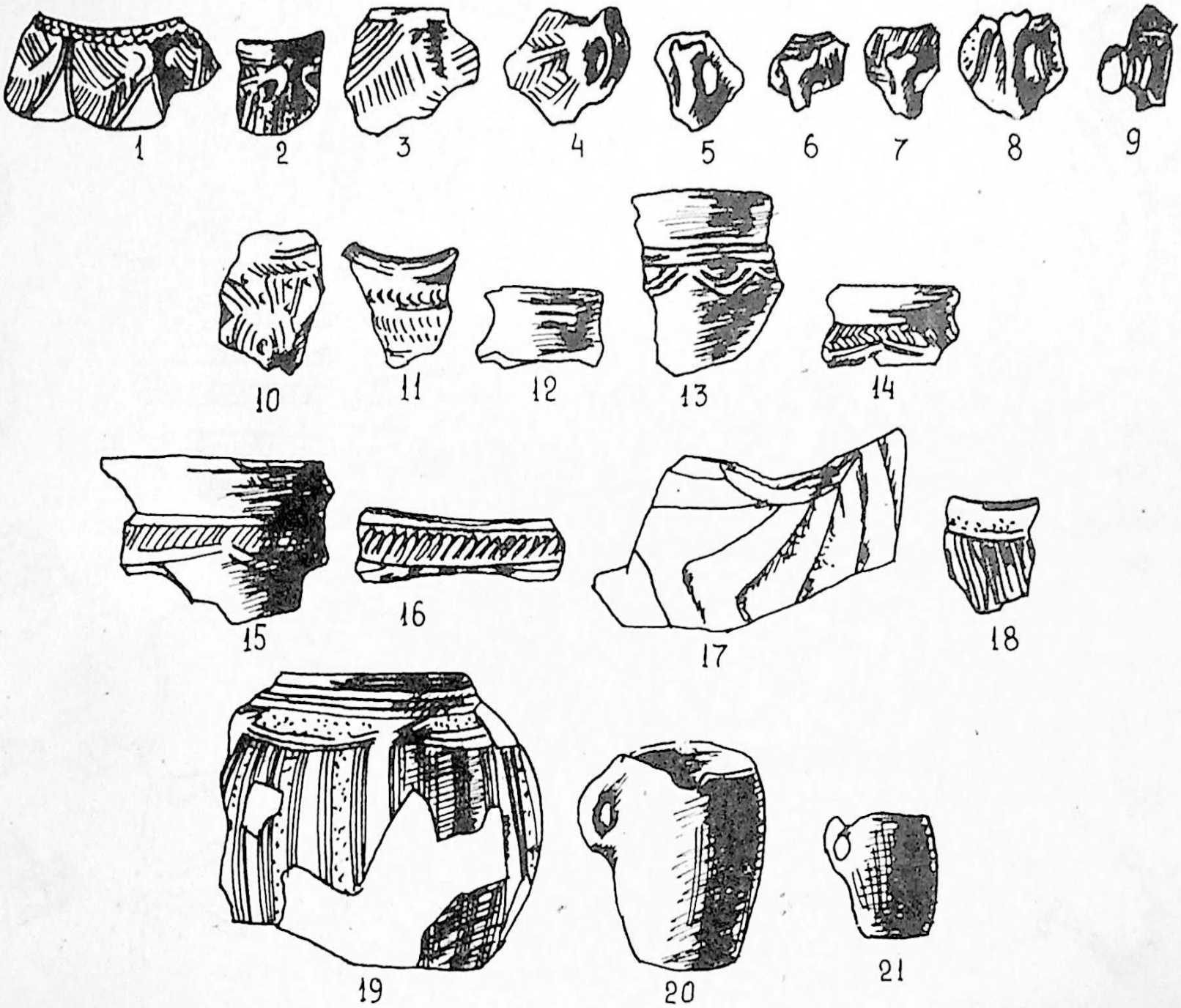

13 14 15 16 17

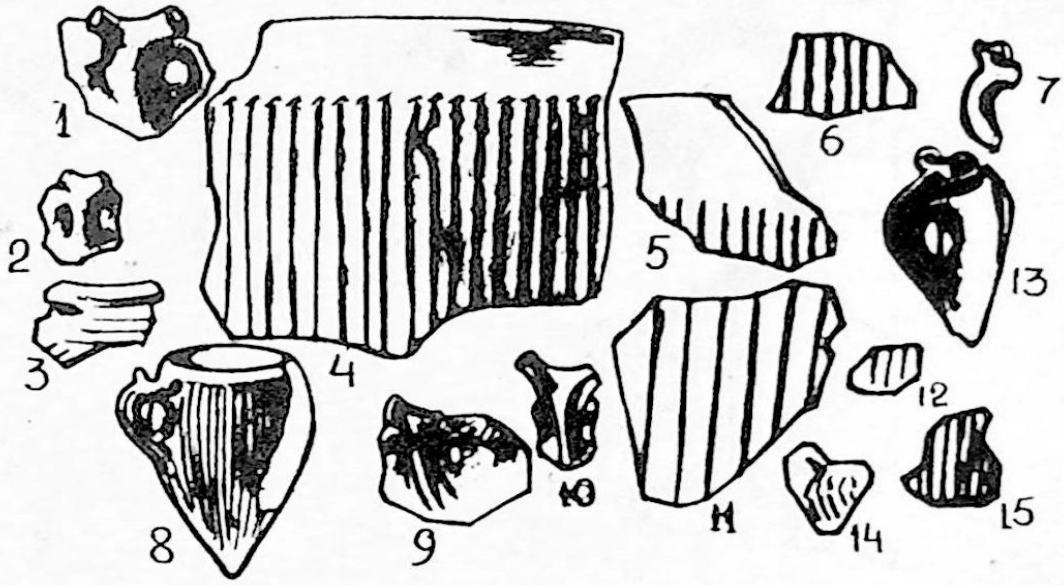
CXIX

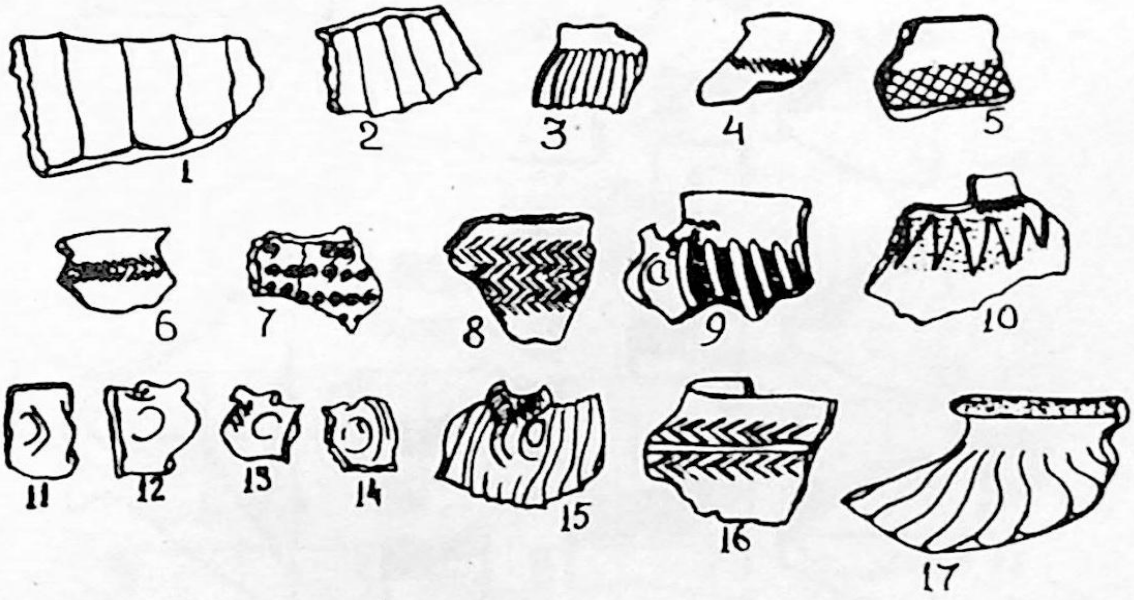

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38

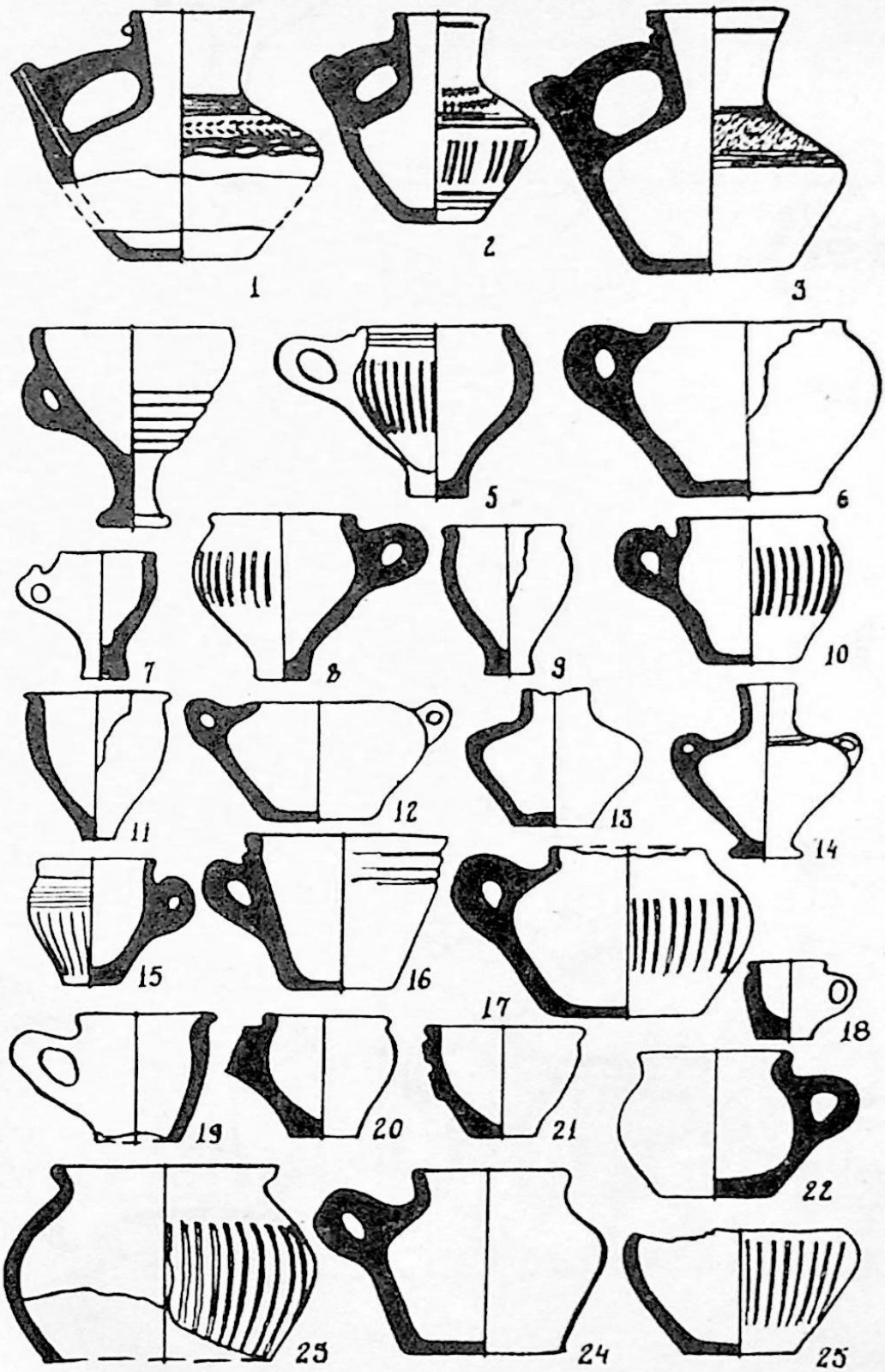

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17

1
2
3
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

ДАТА (ДО Н.Э.)		ПОСЕЛЕНИЯ	ПОСЕЛЕНИЯ-ПРОИЗВОДСТВА	МОГИЛЬНИКИ	ПОГРЕБЕНИЯ	БРОНЗОВЫЕ КЛАДЫ	БРОНЗОЛИТЕЙНЫЕ МАСТЕРСКИЕ	ЖЕЛЕЗОПЛАВИЛЬНЫЕ МАСТЕРСКИЕ	КЛАДЫ, СОСТОЯЩИЕ ИЗ ЗОЛОТЫХ И СЕРЕБР. УКРАШЕНИЙ, БРОНЗОВЫХ СЛИТКОВ И СЕРДОЛИКОВЫХ БУС	КЛАДЫ, СОСТОЯЩИЕ ИЗ СЕРДОЛИКОВЫХ БУС
VIII-VI		НОСИРИ (I РАЗВ. ПЛОЩ. II СЛ.) ДАБЛАГОМИ (II СЛОЙ) МТИСДЗИРИ (СООТ. СЛОЙ) ВАНИ (СООТ. СЛОЙ) САБАЖО (I И II УЧАСТОК) ЧАЛАДИДИС-ЗУРГА (III СЛОЙ) ТАМЫШИ (ВЕРХН. ГОРИЗ.) НАМЧЕДУРИ (III СЛОЙ.)	ОЧХОМУРИ НАЦИСКВИ-ЛАРИ	ПАЛУРИ МУХУРЧА НИГВЗИАНИ ЭРГЕТА УРЕКИ	КУРЗУ ГУРДЗЕМИ НАЛЕПСАО ЛЕЧЕ НАХУНАО ВЕДИДКАРИ МАХАТИ УРЕКИ (70-Е ПОГРЕБЕНИЕ)	АЖВАРИ КУРЗУ ОЧХОМУРИ РАЧХА РЕЧХИ КВИБИА АГНОРИСА УРЕКИ (КАПРОВИНА) ЗЕНИТИ	ЛЕНЧЕХА КИЦИА НАХУНАО ДОЩАКЕ НАОСХАПУ ОЧХОМУРИ	ЧОГА III ОЧХОМУРИ КУРЗУ ЛЕЧЕ ДОЩАКЕ КИЦИА НАХУНАО ЛЕНЧЕХА МЗИАНИ I, II, 3 ДЖИХАНДЖУРИ I, 2, II, III ЦЕЦХЛАУРИ I, II	ПАРЦХАНАКАНЕВИ НОСИРИ ЧУБУРХИНДЖИ	НАГВАЗАО
X-IX		НОСИРИ (IV СЛОЙ) НАОХВАМУ (III СЛОЙ) ТАМЫШИ (НИЖН. ГОРИЗ.) НАМЧЕДУРИ (IV СЛОЙ)				АГНОРИСА ЛЕКУМХАРА (ПИРЕЛИ-ГАЛИ) ТАГИАОНИ ДИДИ-ВАНИ ГУТУРИ ХЕВИ		ЧОГА I, II. АСКАНА I, II, (; II, 2, II, I, IV. НАГОМАРИ I, II. МШВИДОБАУРИ I-IV МЗИАНИ II, III, I, IV ДЖИХАНДУРИ I, 2, I, 3, IV ЦЕЦХЛАУРИ ДЕГВА I, II		
ВТОРАЯ ПОЛОВИНА II ТЫС. ДО Н.Э.	XIII-XI	НОСИРИ (III СЛОЙ) ДИХА-ГУДЗУБЕ (IV СЛ.) НАОХВАМУ (II СЛ.) ЧАЛАДИДИС-ЗУРГА (II СЛ.) НАМЧЕДУРИ (V СЛ.)				ОЧАМЧИРЕ ГАЛИ МЭМУРИ МАХАРИА АХУТИ ЭЧАЧУЕ НОГА ОПШКВИТИ ЗЕМО-СИМОНЕТИ ШРОМА ПАКИДЖВАРИ ГОГИЧИСУБАНИ МАКВАНЕТИ ЗЕНИТИ МУЖАВА ДИДИЧКОНИ	ТАГИАОНИ ЛИА			
	XV-XIV	НОСИРИ (НИЖН. ГОРИЗ. III СЛОЯ, ВЕРХН. ГОР. II СЛОЯ) ДИХА-ГУДЗУБЕ I (III СЛ.) НАОХВАМУ (I СЛОЙ) ЧАЛАДИДИС-ЗУРГА (I СЛ.) АБЕЛАТИС-ГУДЗУБЕ (I-III СЛОИ) КЕКЕЛУРИ-ЗУГА (I-IV СЛОИ) НАЧВИС-ЗУГА				ДИМИ ГОРА ПАРЦХАНАКАНЕВИ ОПШКВИТИ МЕЛЕКЕДУРИ КОБУЛЕТИ (ПЛЧЕНАРИ) ЗЕНИТИ	МАКСАНА			
XVII-XVI		НОСИРИ (II СЛОЙ) ДИХА-ГУДЗУБЕ I (II СЛ.) ДИХА-ГУДЗУБЕ II НАМЧЕДУРИ (VI СЛОЙ)								
XIX-XVIII		НОСИРИ (I СЛОЙ)								

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

ГЛАВА I. Материальная культура Центральной Колхиды эпохи поздней бронзы — раннего железа

1. Поселения 7
2. Могильники 17
3. Клады 21
4. Характеристика археологического материала 22

ГЛАВА II. Хозяйство Центральной Колхиды в эпоху поздней бронзы — раннего железа

1. Сельское хозяйство 36
2. Металлургия и металлообработка 42
3. Производство бус 44
4. Другие отрасли хозяйства 48
5. Дороги, транспорт, обмен 51

ГЛАВА III. Социальная и политическая ситуация в Центральной Колхиде в эпоху поздней бронзы — раннего железа. Внешние контакты

1. Социальная и политическая ситуация 56
2. Внешние контакты 65

ГЛАВА IV. К вопросу хронологии — периодизации памятников Центральной Колхиды эпохи поздней бронзы — раннего железа . 69

Заключение 95

Резюме на английском языке 97

Список использованной литературы 100

Список сокращений 112

Описание таблиц 114

Таблицы 117

Напечатано по постановлению Научно-издательского
совета Академии наук Грузии

ИБ 4752

Редактор издательства Э. Кобахидзе
Художник Г. Ломидзе
Худож. редактор Т. Джакели
Техредактор Э. Бокерия
Корректор М. Бахтадзе
Выпускающий Л. Майсурадзе

Сдано в набор 5.02.91; Подписано к печати 30.05.91; Формат бумаги 60×90 1/16; Бумага № 2; Печать высокая; Гарнитура литературная; Усл. печ. л. 13.0; Уч.-изд. л. 12,9.

зак. № 215 Тираж 1000 экз.

Цена 6 руб.

გამომცემლობა „მეცნიერება“, თბილისი, 380060, კუტუზოვის ქ. 19
Издательство «Мецниереба», Тбилиси, 380060, ул. Кутузова, 19

Типография АН Грузии, Тбилиси, 380060, ул. Кутузова, 19
საქართველოს მეცნ. აკადემიის სტამბა, თბილისი, 380060, კუტუზოვის ქ. 19

Джони Борисович Апакидзе

ЦЕНТРАЛЬНАЯ КОЛХИДА В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ — РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

ТБИЛИСИ
«МЕЦНИЕРЕБА»
1991

ჯონი ბორისის ძე აფაქიძე

ცენტრალური კოლხეთი გვიანბრინჯაო — ადრერკინის ხანაში

(რუსულ ენაზე)

თბილისი
„მეცნიერება"
1991